

Rhema. Рема

Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова
«Филологические науки»

Москва
2015

УДК 800
ISSN 1992-6375

4.2015

Rhema. Рема

Издается с 2002 г.

Вестник Московского государственного
гуманитарного университета им. М. А. Шолохова
Серия «Филологические науки»

ИЗДАТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-63323
от 09.10.2015 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Подписной индекс:

36733 по каталогу
«Газеты. Журналы»
ОАО Агентства
«Роспечать»

**С 9.10.2015 г. журнал называется
«Rhema. Рема»**

Редакционная коллегия

А.В. Циммерлинг – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
М.В. Королёва – *отв. секретарь*,
Т.М. Воителева, С.Г. Золян, И. Кишш,
Н.Д. Котовчихина, Е.А. Лютикова,
В.А. Плунгян, И.А. Пильщиков,
Н.В. Сердобольская, К.Э. Штайн

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий
Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Электронная версия журнала:
www.mpgu.ru

Содержание №4 | 2015

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Церковский А.Л.

Идейно-художественное своеобразие документальной прозы
Коттона Мэзера 5

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.

Упорядочение простых предложений
в составе сложного предложения в английском языке 17

Мальшева С.С., Коноплева И.Н.

Основные особенности структурной организации
телескопических производных
в английском лексическом субстандарте 60

Циммерлинг А.В., Трубицина М.В.

Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке:
от внутренних состояний к общим суждениям 71

Штайн К.Э., Петренко Д.И.

Языковая компетенция: от А.А. Потебни к Н. Хомскому 105

ПАМЯТИ ЙЕНСА НЁРГОР-СЁРЕНСЕНА (1954–2015)

Andersen H.

Jens Nørgård-Sørensen in memoriam. 121

НАШИ АВТОРЫ 113

CONTENTS 115

А.Л. Церковский

Идейно-художественное своеобразие документальной прозы Коттона Мэзера

В статье показаны наиболее существенные характеристики американской литературы XVII в. Рассмотрена проблематика богословского и литературного творчества Коттона Мэзера (Cotton Mather, 1663–1728), видного представителя новоанглийской словесности XVII–XVIII вв. Описан художественный стиль К. Мэзера. В статье делается вывод о том, что «массивный» стиль письма К. Мэзера формируется в синтезе различных жанровых тенденций, включении эпики, социологичности, документальности, мемуарности.

Ключевые слова: Новая Англия, колониальная литература, американская литература XVII в., художественно-документальная литература.

Многие исследователи (П. Миллер, С. Беркович, Л. Мишина, К. Баранова) отмечают, что истоки американской литературы следует искать в колониальном периоде истории США (1600–1776 гг.). Именно в это время начинают формироваться собственно национальные идеи американского общества, важной характеристикой которых является их гуманистический потенциал [1]. Анализ литературных трудов жителей Новой Англии, этой колыбели американской цивилизации, позволяет детализировать эпохальную картину зарождения новой государственности, новой нации, дает возможность описать культурно-исторический процесс генезиса и становления США.

Американская литература формировалась на мощном пласте новоанглийской словесности XVII в., когда бежавшие из Англии пуритане искали место для свободного исповедования своей веры. Несмотря на то, что все английские колонии в Северной Америке были достаточно самостоятельными общественно-политическими образованиями (особенно нужно отметить поселения в Новой Англии, в частности, колонию Плимут,

колонии в районе Филадельфии, Нью-Йорка, колонии Юга [2, с. 14]), регион Новой Англии был уникальным местом особого культуротворчества. Во многом это стало возможным благодаря высоким христианским нравственным идеалам, на которые ориентировались пуритане, образованности членов новоанглийских поселений, их активности в построении общества новой формации, что вскоре привело к распространению печатной прессы, основанию Гарвардского университета, открытым дискуссиям не только по теологическим, но и по гражданско-политическим вопросам и пр.

Исследуя новоанглийское литературное наследие, важно учитывать тот факт, что пуритане придавали статус *мистической значимости* каждому событию, происшествию, символу. Сопоставляя фактическое и выдуманное, пуританская концепция бытия мира являет собой статичную модель философствования, когда свободная мысль подчиняется догматическому убеждению (например, идея о *божественном промысле*). Чем больше пуритане исследовали объективную реальность, тем более очевидным для них становился факт закономерности всего происходящего (идея *провиденциализма*).

Одним из самых ярких представителей новоанглийской словесности был Коттон Мэзер (Cotton Mather, 1662–1727. Некоторые исследователи пишут его фамилию через э – Мэзер (К. Баранова, Е. Стеценко), некоторые – через е, как, например, Н. Покровский. Мы используем вариант «Мэзер»). Он был общественным деятелем в Новой Англии, богословом, проповедником, автором более пятисот сочинений, среди которых памфлеты, эссе, проповеди, стихотворения, автобиография. Был членом Лондонского королевского общества.

Лишь недавно исследователи (П. Миллер, Э. Эллиотт, С. Беркович, В. Солодовник, Л. Мишина, К. Баранова) начали обращать внимание на широкий диапазон художественных средств К. Мэзера, его чувство формы, работу над художественными элементами, очевидное движение к драматическому, развитое чувство поэтического ритма. Самой существенной стороной в этом вопросе, на наш взгляд, является его выбор эстетики барокко как наиболее подходящей к его мировоззрению форме художественного описания действительности.

К. Мэзер высоко ценил простой стиль изложения, лишенный витиеватостей и сложных лексических конструкций. В то же время он хвалит «пронизывающее красноречие» возвышенной прозы: образность, которая очаровывает «шелковистой линией и золотым крюком» [11, с. 265]. «У каждого человека будет свой собственный стиль» [Там же, с. 275], – пишет К. Мэзер. Его проповедническая проза предельно строгая и выдержанная:

«Массивный путь» (путь пуритан на новые земли, Новый Ханаан) он сравнивает с мраморным памятником, «большой музыкальной гармонией» или византийской «Золотой парчой», украшенной драгоценностями и «цветами выбора» [11, с. 422]. Вместе с тем, мы согласимся с Л. Мишиной, которая, изучая раннюю американскую литературу, предлагает использовать для описания стиля письма представителей Новой Англии термины *plain style* (ясный, простой) и *unplain style* (метафорический, усложненный) [3]. Фактический стиль (не тот, о котором он рассуждал, а тот, который он использовал в своих сочинениях) у К. Мэзера был, бесспорно, *unplain* – изобилующий метафорами, аллюзиями, сложными лексическими конструкциями, терминами из латинского и греческого языков.

К. Мэзер был активным общественным деятелем. Как глубоко преданный своему гражданскому и религиозному долгу человек, он старался едва ли не всякую свою мысль записать, художественно оформить ее, сохранить для потомков. Ввиду идеологических причин (основная из которых – пуританская идея о «греховности» искусства) он не мог позволить себе в собственных письменных работах оттачивать совершенство формы слова (к которой относился с должной осторожностью), о чем он сам свидетельствует, регулярно принося извинения за поспешность, с которой пишет. Его подчас чрезмерный литературный педантизм, экспериментальное словоупотребление, использование всевозможных аллюзий, цитат, средств лексической изобретательности, использование высокого слога иногда граничит с графоманством, что местами делает труды К. Мэзера пафосными и трудночитаемыми. Такой стиль письма К. Мэзер выбрал неслучайно, ведь, по словам Л. Мишиной, «“Метафоры библейской истории” являются основой стилиевой манеры Коттона Мэзера – одной из ключевых фигур ранней американской истории и литературы» [Там же, с. 187]. Изобилие библейских метафор создает особую стилистику текстов К. Мэзера.

К. Мэзер писал в атмосфере консервативного кальвинизма, доминирующего в общественном сознании его предшественников и многих современников. Его предки защищали простоту языка, воевали против «вульгарного и напыщенного» слога англичан. Литературная особенность пуритан поколения К. Мэзера состоит в том, что языковые средства, которые использовали пуритане, были далеки от «божественной простоты», с которой они в теории боролись. Это несоответствие теории и практики художественного осмысления действительности стало вполне очевидным после Великой Реставрации в Англии, когда простой стиль изложения мысли попал под удар от сторонников других протестантских деноминаций, генетически связанных с пуританами.

Пуритане уделяли много внимания разработке методов ведения проповеди, логике аргументации, постоянно оттачивали свое ораторское мастерство, тренировались письменно прославлять Бога (что способствовало развитию полемической литературы), что, конечно, развивало их чувство литературного стиля. Они проповедовали не только устно, но и при помощи письменных сочинений. Такой взгляд на жизнь в сочетании с провиденциальностью мышления наделял в сознании пуритан каждое человеческое и естественное явление символическим содержанием, где вещь сама в себе, любое действие или происшествие несут глубочайший божественный смысл, цель которого заключена в посвящении жизни человека Богу. Как отмечает Л. Мишина, «Метафоричность в произведении Мэзера не декоративна, она не менее значима, чем факты биографии... Источники образности для автора – Библия и история протестантизма» [3, с. 187]. Но кальвинистская система логических доказательств требовала от пуритан дополнительных аргументов для подтверждения доктрины провиденциализма. Тот макрокосм, который создавали в своих произведениях пуритане, базируется на весьма вольных интерпретациях библейских образов и идей. Пуританские авторы соединяли в единое художественное целое священную (библейскую) и светскую истории человечества, создавая особый религиозно-гражданский (теоцентрический) миф о статусе Новой Англии как спасительнице западной цивилизации.

В литературоведении остается открытым вопрос об уровне художественного мастерства Коттона Мэзера. Исследователи (П. Миллер, С. Беркович, Л. Мишина, К. Баранова) спорят о литературном статусе знаменитого проповедника и ученого. Тяготение к беллетристике отчетливо выражено в творческой динамике его работ, которые раскрывают читателю художественные взгляды К. Мэзера. Но самый серьезный вклад в литературу доктор Мэзер внес своими трудами в документальном и документально-художественном жанрах.

Хорошо развитое чувство эстетического постоянно вытесняет Мэзера за границы собственно пуританской этики. Оставаясь строгим религиозным консерватором в богословских вопросах, он ведет смелую, но вместе с тем выдержанную в духе пуританской риторики работу по развитию и обогащению художественной палитры собственного словотворчества. Впрочем, П. Миллер упрекал, например, «Христианского философа» (*The Christian Philosopher*, 1721) К. Мэзера за отсутствие оригинальных идей, отмечая некоторую вторичность этой работы, утверждая, что «по большей части это парафраз новейших для того времени попыток сделать науку религиозной» [13, р. 441]. С точки зрения истории литературы,

работу К. Мэзера «Христианский философ», предвещающую написание основного труда автора – «Великие Деяния Христа в Америке» (*Magnalia Christi Americana*, 1702), можно рассматривать как первую попытку писателя вплести в повествовательную ткань своих работ символические, не только библейские, но и античные образы (что было редким явлением в новоанглийской словесности).

В дополнение к «Песням Искупленного» он записывает гимны английского священника, теолога и поэта Исаака Уоттса (*Isaac Watts*), создаст трактат о мелодиях и звуках, в котором дает комментарии о несовершенстве формы знаменитой Массачусетской книги Псалмов (*The Bay Psalm Book*, 1640), и (в предисловии к собственному переводу Псалтыря) детально исследует возможности английского языка для стихосложения [15]. К. Мэзера можно рассматривать как одного из первых литературных критиков пуританского литературного наследия.

Разумеется, тексты К. Мэзера не указывают на его стремление к созданию собственного художественного мира, на желание автора выйти за границы пуританского видения литературного творчества; они указывают на более убедительный факт: на сложное, сформированное большим читательским опытом и опытом написания гимнов, стихов, памфлетов и других работ чувство литературного стиля, понимание границ художественного и нехудожественного. Его внимательность к форме произведения свидетельствует о высоком уровне знаний Мэзером истории литературы, что проявляется в разнообразном и смелом использовании риторических приемов в его проповедях.

Можно утверждать, что К. Мэзер оставался верным своим духовным учителям в вопросах стиля: у него преобладал высокий слог написания памфлетов и гимнов. В «Ежедневнике» («*Quotidiana*») – записи, в которых он фиксирует особо значимые для него места из читаемой литературы) можно увидеть умение автора играть словами, составлять анаграммы и пересказывать анекдоты, его особый интерес к эзотерическим вопросам. Мысль проповедника стремится к единому центру – пуританскому видению устройства мира, которое предполагает осознание собственной картины бытия не только посредством веры в Высший Разум, но и с помощью анализа научных знаний. Об этом Н. Покровский пишет так: «Религиозное рвение, не знавшее границ и удержу, вбирало в себя и естественнонаучные интересы Коттона Мэзера, заставляя его расширять научный кругозор в различных областях современного ему знания, дабы усилить позиции “истинных” пуритан» [6, с. 156]. Такой синтез знания и веры составляет непростую философскую стратегию К. Мэзера: в попытках примирить эту противоречивую модель

с нарастающим секуляризмом пуритане разрывают (следуя за Кальвином) внутреннюю логику христианства, позволяя себе свободно трактовать Священное Писание, что, в конечном счете, приводит к активному мифотворчеству.

Противопоставляя идеальное и реальное в художественном мире своих сочинений, пуританский автор стремился вовлечь неверующего или иноверца в столь изменяющийся, но строго детерминированный «вселенский ход истории», т.е. спасти его от вечной смерти. Происходит переоценка новозаветной задачи Христа как «пути, истины и жизни»: в своем религиозном рвении пуритане придавали особое значение именно «чистоте» своей веры, а не самим словам Христа. В такой модели провиденциального описания окружающего мира пуритане видели божественный промысел, который самым, по их мнению, естественным образом сочетается с законами природы. На наш взгляд, в работах К. Мэзера можно наблюдать процесс формирования художественных идей ранней американской литературы. Как отмечает литературовед О. Хомякова, «в отличие от научной идеи (умозаключения) художественная идея – это мысль в образной форме, мысль, исходящая из образа... Писатель дает материал для мыслей и чувств, но ... не часто высказывает их в “чистом виде”» [7, с. 30]. Так, например, у К. Мэзера это культивируется в «Христианском философе» или декларируется в рамках моральной эсхатологии в «Добрых делах» (*Bonifacius*, 1710). В «Чудесах невидимого мира» (*Wonders of the Invisible World*, 1693) он пишет: *Пустыня, через которую мы бредем к земле обетованной, кишит огнедышащими крылатыми змиями. Но по милости господней ни один из них до сих пор не набросился с яростью на нас и не остановил наше продвижение вперед! Весь наш путь на небо происходит подле логовища львов и скопищ леопардов, несметные сонмы бесов подстерегают нас на нашем пути... Мы всего лишь жалкие скитальцы в мире, который стал и заповедным угольем, и узилищем дьявольским и где в каждой закоулке – обителище чертей и разбойничьих банд, назначение которых – чинить вред всем, кто обращает взор свой в сторону Сиона* [5, т. 1, с. 170].

Но наиболее полно эти позиции пуританства воплощены в самой большой и самой знаменитой книге Коттона Мэзера, над которой он трудился в период с 1693 по 1697 гг. (исследователи называют это время наиболее плодотворным в его литературном развитии) и издал в 1702 г. – «Великие деяния Христа в Америке» (*Magnalia Christi Americana*, 1702).

В этом грандиозном сочинении реальные исторические персоны и события описываются автором словно вымышленные. Говоря о каком-либо факте биографии современника, автор сопрягает реальность

со своей творческой фантазией. Именно поэтому «Деяния» с трудом можно назвать хроникой или летописью. Эту художественную особенность «Великих Деяний Христа в Америке» российский литературовед Л. Мишина, называя К. Мэзера историком, описывает так: «...пуританский историк был обязан писать о конкретном и в то же время проводить определенную идею. Сочинение его должно было быть пронизано религиозностью и дидактизмом» [4, с. 292]. Художественное выражение этой «определенной идеи» и является объектом интереса литературоведов.

Эпическая форма выражения мысли стала чрезвычайно подходящей литературному замыслу К. Мэзера. Понимание этого факта естественным образом выросло из набожной эйфории его политических проповедей. «Деяния», по мнению К. Мэзера, описывают колониальный дух времени «от своего древнего происхождения до последнего конфликта с Антихристом» [12, р. 384], историю становления государства Нового Иерусалима. Этот взгляд на историю позволяет нам провести нити типологической взаимосвязи между иеремической риторикой апологетов пуританства в Новой Англии и апокалипсическим пафосом протестантской церковной литературы. По Мэзеру, как «Энеида» повлияла на Рим, так и «Деяния» должны были повлиять на молодую нацию.

Богослов тщательно выстраивает в своих «Деяниях» линию библейских образов и метафор (часто пересекающихся с художественной литературой, мифами и историческими фактами), на которой сконцентрированы исходная, промежуточные и конечная точки христианской модели мира (от описаний Рая до предсказаний о наступлении «Золотого века»), создает телеологический миф (миф о предназначении) человека в этом мире, используя всю доступную его таланту палитру художественных и внехудожественных средств, создавая тем самым уникальный в своем роде историко-литературный труд.

Старая земля, по мнению Мэзера, ко времени написания «Деяний» оставалась местом, на котором негласно были провозглашены законы и устои дьявола, поэтому Бог проявит свое всемогущество и свою любовь к роду человеческому (аллюзия на книгу Иова из Библии), когда «в полноте времени» Он приступит к реформированию церкви (в контексте – Римско-католической). Так, самое яркое свидетельство трансформации христианской церкви К. Мэзер видел в феномене Протестантской Реформации. Проповедник был убежден, что путешествие пуритан в Америку было божественным предназначением этой «чистой» конфессии «истинных христиан» [2]. Эта культуротворческая «навигация Духом» (приведшая пуритан в Америку), как пишет автор «Деяний» (говоря о деятельности первых поселенцев-христиан на берегах будущих США), есть

эсхатологический итог всего исторического развития человечества, из чего можно сделать вывод, что Мэзер в своих сочинениях наделял некоторых своих современников статусом *Новых апостолов*, великих деятелей *Нового человечества*, сакрализуя и мифологизируя их реальные биографии: *Христос избрал Своих преданных слуг* (т.е. пуритан – А.Ц.) *и направил их на Запад, в Американскую пустыню, для того чтобы утвердить и провозгласить Свою силу в верных Ему, вначале первых из избранных, позже – последователей этих первенцев... и через это избранничество даровать миру образец* [8, р. 631].

Я не утверждаю, – пишет К. Мэзер, – что Церкви Новой Англии самые правильные из всех возможных, и тем не менее, говорю я, и я уверен в этом, что они весьма напоминают те, что существовали в первые века Христианства... Первый век был Золотым веком; возвращение к тем временам делает человека Протестантом и, я добавлю, Пуританином. Так случилось, что Господь наш Иисус Христос перенес несколько тысяч Реформаторов в уединение американской пустоши, имея в виду, что сама возможность, данная сим преисполненным верою случаем Его наслаждаться всю жизнь бесценной свободой Проповедничества среди многих соблазнов. Он дал им вначале и всем другим через них широкий выбор благих дел, в кои он включил создание Его Церквей; и деяния сии, даже и незавершенные, отметили предназначение Новой Англии и цель ее взращивания; а посему Плантация не может вскоре после случившегося прийти ни к чему [14, р. 67–68]. В этих рассуждениях мы видим классический для пуритан прием апелляции к авторитету Бога: *Господь наш Иисус Христос перенес..., Он дал им...* Такой подход к анализу исторических событий весьма характерен для К. Мэзера. Этому приему он предан и в «Великих Деяниях Христа в Америке». Здесь сама история, ее ценность и значимость описываются с позиции провиденциализма: что предназначено Богом, то случится.

Так, вневременной и внепространственный, сакральный статус Новой Англии К. Мэзер подчеркивает восклицанием: *Где бы ни существовала Новая Англия, она должна жить в Истории!* [15, р. 68]. Здесь Новая Англия выступает как идея, как образ, опорный смысл жизни верующих, вбирающий в себя реформаторское учение и исторические реалии.

Несмотря на кажущуюся фрагментарность, отрывочность этого монументального труда, общее впечатление о книге остается как о едином, имеющем внутреннюю логику, завершенную композиционную структуру и повествовательную красоту произведения.

Противоречия в самом пуританизме, пересмотр его ортодоксальных ценностей, секуляризация жизни во второй половине XVII – середине

XVIII вв., идейная борьба теологии и философии стали причиной существенной трансформации общества в Новой Англии. Одним из наиболее трагичных событий, вызвавшим обострение социальных отношений, стал т.н. Салемский процесс [15].

Мэзер не прекращает пропагандировать свои религиозные убеждения в американских колониях. Богослову уже не принципиально, будет ли Новый Иерусалим воздвигнут на некогда благодатной почве Новой Англии или эта мечта воплотится где-то еще. Теперь его основная задача – сохранить славное имя отцов нового пуританизма, детально описать (через призму пуританского мировидения) их вклад в жизнь современного ему общества. Как отмечает М. Коренева, «тенденция пуританских хронистов к отвлеченным философским и религиозным размышлениям и глобальным обобщениям превращала их записки в некое причудливое соединение исторической хроники и теологического трактата и наполняла их библейской метафорикой и усложненной риторикой. Однако эти особенности пуританской литературы нельзя рассматривать только как свидетельство ее ограниченности, замкнутости на схоластических штудиях и отрыва от реальной практики. Здесь несомненны подвижнические усилия совладать с расстилающимся перед европейцами варварским миром, освоить его с помощью выработанной ими понятийной системы. Отсюда – драматическая напряженность и мысли, и стиля новоанглийских хроник, не только не спадающая по мере распространения цивилизации на Американском континенте, а, наоборот, усиливающаяся к концу XVII в., возможно, из-за нарастающего противоречия между пуританскими идеалами и действительностью» [2, с. 141]. Это описание специфики американской литературы XVII в. в полной мере подходит и под характеристику литературного наследия К. Мэзера.

Логические и собственно художественные методы аргументации (*apodeixis*) в публицистической литературе занимают важную роль, ведь от того, насколько доказательной будет текстуально или вербально оформленная мысль, зависит успех или неудача публициста. Публицистические сочинения К. Мэзера в основном можно разделить на три взаимозависимые темы: церковь, государство, наука. Следует отметить, что, ввиду сложившихся общественных отношений в Новой Англии времен К. Мэзера, в частности, проповеди имели не только дидактический, но и декретный характер: многие из положений о социальном устройстве власти колонии использовали в своей административной деятельности. Впрочем, литературные усилия К. Мэзера не могли сдерживать возрастающий напор секуляризма как в науке, так и в искусстве и общественной жизни. В Новую Англию приходило время западного Просвещения.

Говоря о литературном наследии Коттона Мэзера, нельзя не упомянуть его поэтическое творчество и его критические заметки о поэзии. В целом, пуританская поэзия достаточно разнообразна: в ней можно встретить много тем, нетривиальный багаж художественных средств выразительности. Это подчас удивительно разнообразные по тематике и поэтике произведения, несмотря на очевидную тематическую (религиозную) направленность. В текстах К. Мэзера можно встретить рифмованное описание индейцев, кошек, луны, дикой природы, бурь, сельского хозяйства, садоводства и др. Пуританскому стихосложению, в целом, свойственен достаточно широкий жанровый диапазон, который включает в себя баллады, гимны, элегии, куплеты и прочие как оригинальные, так и переводные произведения античной и классической поэзии.

Отдельного анализа заслуживает тема пуританского юмора в литературном творчестве К. Мэзера. Юмор в самом широком смысле проявился в поэзии в виде каламбуров, анаграмм, сатирических памфлетов. Однако К. Мэзер, особенно в своих ранних стихах, предпочитал ограничивать свою поэтическую практику почти всегда утверждением религиозных истин, часто высмеивая и опровергая заблуждения неверующих или иноверцев. Коттон Мэзер написал много стихов, но они не снискали большой популярности среди читателей. Его желание ограничить тематический диапазон своих поэтических произведений было связано не с отсутствием творческого потенциала и эстетического вкуса (он великолепно знал античную литературу, в частности, много цитировал Вергилия и использовал его образы, восхищался талантом А. Брэдстрит), а с опасением увлечься литературным творчеством, заместить внутренний мир религиозного созерцания миром художественных образов, что впоследствии, по его мнению, сможет привести к отходу от его роли слуги Бога и привлечению темных духов: *В библиотеке среди нас живут силы тьмы, из которых поэты – самые многочисленные и самые язвительные авторы... Сын мой, не прикасайся к этим жалким каракулям безумцев, не пробуй их, не обсуждай их, если не хочешь погибнуть от них... Мерзкие рапсодии, которые ты найдешь в этих книгах, заразят твой ум* [11, р. 686]. Несмотря на то, что К. Мэзер писал много стихов и гимнов для прославления великого христианского прошлого Европы и еще более великого, по его убеждению, христианского будущего Новой земли, его собственный стих редко возвышается над посредственным.

Внимания требуют также его отдельные высказывания о некоторых аспектах теории литературы. Например, рассуждения о понятии *поэтика* (*Manuductio ad Ministerium*, 1726) демонстрирует не только глубокое знание литературы проповедником, но и его хороший эстетический вкус.

В сочинении, несмотря на предупреждения об опасности пропаганды языческого мировоззрения, он решительно рекомендует к прочтению знаменитую «Поэтику» Горация и часто отмечает красоту греческой и латинской поэзии (которую мог читать в оригинале). Далее он отмечает особенности поэтического дара Герберта и английского поэта Мильтона [9].

Таким образом, в своих работах Коттон Мэзер, оставаясь в рамках строгой пуританской этики, склоняется к художественной (а не строго исторической) интерпретации действительности. Некоторые его сочинения (отдельные главы «Великих деяний Христа в Америке») написаны в стилистике барокко («парадность» формы, динамика образов в произведении, ветхозаветный символизм и пр.). Его стремление совместить литературное творчество и стоящее за ним религиозное понимание сущности явлений природы и человеческих чувств несут в себе важное эстетическое объяснение его «массивного» стиля.

Апелляция к божественному авторитету стала постоянной чертой его сочинений. Насквозь идеализированный мир К. Мэзера – это безграничное поле действия Провидения, выражение верховной воли Бога. Идея *избранности*, о которой так много рассуждает пуританский богослов, выступает как мощное объединительное начало для пуританского сообщества.

Отличительной художественной особенностью К. Мэзера стало его мифотворчество («Деяния»), ориентация на эстетику барокко, апелляция к литературному наследию античности, библейская образность. Стиль Мэзера предполагает наличие в его книгах множества аллюзий к библейским сюжетам, что и создает, наряду с его исключительно личными домыслами, особое индивидуальное пространство для эпической темы. Его педантизм и риторические приемы (игра слов и парадокс, частое повторение ключевых слов, метафоризация имен собственных) функционируют здесь не только для того, чтобы передать читателю эсхатологические положения пуританской парадигмы, но и для того, чтобы приспособить само понятие времени и хода истории к пуританской максиме, т.е. создать на базе христианской религии миф о Новом Иерусалиме в пределах Новой Англии.

Литературная деятельность Коттона Мэзера заложила, наряду с некоторыми другими сочинениями пуритан Новой Англии, основу для развития пуританской литературы и философии XVII в.

Библиографический список

1. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009.
2. История литературы США: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. М., 1997. Т. I.

3. Мишина Л.А. Американская литература XVII века. Проблема стиля // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 184–188
4. Мишина Л.А. Американская литература XVII–XVIII вв. Жанры. Взаимосвязи. Переводы. Чебоксары, 2003.
5. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. М., 1962. Т. 1.
6. Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. М., 1989.
7. Хомякова О.Р. Теория литературы: содержание и форма как категории понимания. Минск, 2006.
8. American Literature, 1607–1885: Text. NY., 1970. Vol. I.
9. Images for myself: Cotton Mather in his diaries (1724). URL: http://www.people.fas.harvard.edu/~bercovit/articles/Cotton_MWoEAL.pdf (date of access: 24.11.2014).
10. Lovelace R.F. The American Pietism of Cotton Mather: Origins of American Evangelicalism. Grand Rapids (Mich.), 1979.
11. Mather C. Magnalia Christi Americana: Or, The Ecclesiastical History of New England. V. 1. New England, 1855.
12. Mather Cotton «Of Poetry and Style», from *Manuductio ad Ministerium in The Puritans* / Ed. P. Miller, T.H. Johnson. NY, 1963.
13. Miller P. The New England Mind: the Seventeenth Century. NY., 1954.
14. Sources of the American Mind. A collection of documents and texts in American intellectual history / Ed. by L. Buritz. NY., 1966. Vol. 1.
15. The Cambridge history of American literature. V. I. 1590–1820 / Ed. by S. Ber-covitch. Cambridge, 1994.

Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук

Упорядочение простых предложений в составе сложного предложения в английском языке¹

В статье вводится ряд лингвистических понятий, необходимых для моделирования линейного порядка простых предложений (клауз) в составе сложного предложения английского языка: простое предложение, сложное предложение, семантические и синтаксические тема, рема и спецификатор, синтаксическая и коммуникативная автономность простых предложений. Поверхностно-синтаксическая структура (интерпретируемая в терминах зависимостей) и синтактико-коммуникативная маркировка сложного предложения служат входом для правил упорядочения простых предложений. Предлагаются и иллюстрируются правила перехода от поверхностно-синтаксической и коммуникативной структур сложного предложения к его линейной структуре.

Ключевые слова: английский синтаксис, синтаксические зависимости, коммуникативная структура и порядок слов, простое предложение, сложное предложение.

1. The problem stated

The present paper aims at describing the synthesis (= production) of complex sentences in English from the viewpoint of word order, with an eye to possible generalization to other languages. We consider the transition from

¹ The first version of this paper was read and criticized by B. Bohnet, A. Burga and L. Wanner; the remarks by Burga lead to a substantive revision of the text. The next version underwent the scrutiny of M. Alonso Ramos, I. Boguslavskij, A. Burga, S. Kahane, J. Milićević and A. Polguère; D. Beck took a serious look at the paper and eradicated several clumsy formulations and outright mistakes. Finally, objections and suggestions from J. Rooryck and A. Zimmerling allowed us to introduce additional corrections and make the paper more readable.

We are happy to express our most heartfelt gratitude to all these colleagues and friends.

the meaning of a complex sentence through its syntactic and syntactic-communicative structures to the sentence itself, concentrating on just one aspect – the linear ordering of simple clauses within a complex sentence. Our goal is to propose sentence-synthesis rules determining the order of clauses:

$$\begin{array}{ccc} \text{complex sentence} & \text{ordering} & \text{linearized} \\ & \text{rules} & \text{complex sentence} \\ \{\text{syntactic \& communicative structures}\} & \Leftrightarrow & \{\text{clause}_1 + \text{clause}_2 + \dots + \text{clause}_n\} \end{array}$$

As strange as this may seem, there is not much literature on clause ordering in English complex sentences, and there is, as far as we know, no work aimed at specifying clause-ordering rules.¹ We are breaking virtually new ground; therefore, we need to introduce several notions and formalisms.

Since we deal with meaning-to-text type rules, this study has been carried out within the Meaning-Text framework.² However, in order to facilitate the reading, we do our best not to be too theory-specific and we define or, at least, informally explain all the notions that we use.

Meaning-Text synthesis rules are organized into six modules:

1. Semantics:	{SemR}	⇔	{DSyntR}
2. Deep syntax:	{DSyntR}	⇔	{SSyntR}
3. Surface syntax:	{SSyntR}	⇔	{DMorphR}
4. Deep morphology:	{DMorphR}	⇔	{SMorphR}
5. Surface morphology:	{SMorphR}	⇔	{DPhonR}
6. Phonology:	{DPhonR}	⇔	{SPhonR} ³

¹ The literature on the question

For the queries “clause ordering in English” and “order of clauses in English,” the Google search returns merely a couple dozen hits. And most of the references found (curiously, almost all of them by foreign scholars) deal with morphological techniques of marking the semantic dependency relations between clauses and describe the tendencies observed in texts. Thus, they note that subordinate clauses with such and such a conjunction or of a given length tend to precede/follow its governing clause. True, several interesting observations have been made, such as the preference for iconicity, which makes that a temporal clause describing a previous event tends to precede its governing clause talking about the following event [4]. However, this result, no matter how interesting in itself, is irrelevant for clause ordering: the semantic considerations playing out in iconicity concern the construction of the communicative structure of the sentence, not directly the linear arrangement of clauses. Lee [9] explicitly speaks about the role of communicative structure in clause ordering, but only so far as the positioning of an IF-clause is involved: it precedes in case it expresses the Theme. The only text addressing clause ordering in English is, to the best of our knowledge, the book [1, p. 1037ff]. – For Russian, we should mention the pioneering work of E. Padučeva [19].

² The Meaning-Text approach has been presented in a number of publications, most recently – [12, p. 102ff]; for more specific details on communicative structure and syntax in this framework one can consult [10; 13; 14].

³ Here, -R stands for “representation,” the curly brackets { } enclose sets, and ⇔ means “corresponds”. The abbreviations D- and S- refer to deep and surface sublevels of representation,

The fact crucial for the understanding of the subsequent discussion is that we work with syntactic structures written in terms of **syntactic dependencies** rather than in terms of (more familiar to many) phrase-structure formalism (see, for example, [11]). Note that throughout this paper a dependency is shown with an arrow: $A \leftarrow B$ means ‘A depends on B’.

The synthesis of a complex sentence is understood here as linear ordering of simple clauses within this sentence, plus prosodization and morphologization of the string of clauses thus obtained, with the necessary mutual adjustment of the clauses being united.¹ (The notions of clause and sentence are defined in 2.1).

A simple clause is synthesized out of the lexical units that compose it; they are linked by syntactic dependencies and form a syntactic structure supplied with a communicative structure. Analogously, a complex sentence is synthesized out of the simple clauses that compose it – according to the syntactic links between them and their communicative characteristics. These are two mutually independent linguistic operations, which must be described separately. In what follows, the former – the synthesis of a simple clause – is taken

respectively; Sem-, Synt-, Morph- and Phon- stand for “semantic”, “syntactic”, “morphological”, and “phonic”. Thus, semantics, or the semantic module of a language, establishes correspondences between the set of semantic representations {SemR} of sentences and the set of deep-syntactic representations {DSyntR} of sentences, and so forth.

¹ Mutual adjustment of clauses within a complex sentence

When two simple clauses synthesized in isolation are combined within a complex sentence, the following three types of modification of the clauses being combined have to be foreseen (depending, of course, on the language):

1. Lexical modifications, such as, for instance, adding the lexeme *THEN* at the beginning of the superordinate clause (= apodosis) of a conditional complex sentence that expresses a logical implication, if the subordinate clause (= protasis) precedes:

(i) The two starting clauses are (a) *emigration will stop* and (b) *if the quality of life goes up*. In case the clause (b) precedes, we can have *If the quality of life goes up, then emigration will stop*.

2. Morphological modifications, such as, for instance, adding a special marker to the noun modified by a relative clause:

(ii) Persian

The two starting clauses are (a) *ketab inžast* lit. ‘book here.is’ and (b) *ki anra mixanām* lit. ‘that it_{DirO} I.am.reading’. The clause (b) is a relative depending on the noun *KETAB* ‘book’. When the two clauses are put together, this noun must – except for some particular cases – take the suffix *-i*:

Ketab + i ki anra mixanām inžast ‘The/A book that I am reading is here’.

3. Prosodic modifications, such as, for instance, changing the final prosody of a stand-alone clause to a continuation prosody in case this clause precedes another clause within the sentence:

(iii) The two starting clauses are

(a) *emigration will stop* and (b) *if the quality of life goes up*.

In case the clause (a) precedes, we have

Emigration will stop | if the quality of life goes up.

for granted; we deal only with the latter – the synthesis of a complex sentence; a synthesized simple clause is manipulated as a block.

This paper only presents **some** rules of Module 3 (that is, of surface syntax) of a linguistic Meaning-Text model – namely, the rules of the {SSyntR} \Leftrightarrow {DMorphR} transition responsible for the ordering of simple clauses within a complex sentence. To formulate these rules, we need the notions of dependent, or subordinate, clause [SubC], and governing, or superordinate, clause [SuperC].¹ For simplicity's sake, we will say that a SubC syntactically depends on its SuperC, meaning that it is the SubC's syntactic head that syntactically depends on a lexeme in its SuperC. (The head of a SubC is either a subordinate conjunction, if it is present, or the finite verb, if there is no conjunction, as, for instance, in a relative clause.)

We operate from the following premise:

|| Just as with the ordering of wordforms within a simple clause [15], the ordering of clauses within a complex sentence can be described in accordance with direct syntactic dependencies between clauses: roughly speaking, it can be reduced to the linear placement of a subordinate clause with respect to its superordinate clause.

In English, a SubC can precede or follow its SuperC or be placed inside it; a SubC cannot include its SuperC. Therefore, the following three linear arrangements of two syntactically linked clauses are possible: **SubC** + SuperC, SuperC + **SubC**, and SuperC- + **SubC** + -SuperC (a SubC is “inserted” into its SuperC). For instance:

- (1) a. ***When war broke out**, the stock market went up.*
 b. *The stock market went up **when war broke out**.*
 c. *The stock market, **when war broke out**, went up.*

Considered in isolation, the complex sentence illustrated in (1) allows all three theoretically possible arrangements of its two clauses. However, within an actual text, this is not necessarily the case: some clause arrangements in a given complex sentence can be constrained by the previous context. Thus, arrangements (1b-c) are inappropriate if they follow the sentence *1941 saw the Japanese attack on Pearl Harbor* (the symbol “*w^oX” means that the sequence X is bad because of **w**ord **o**rd^er):²

¹ Following [1], we prefer the terms *superordinate* vs. *subordinate* (clause) to the more current terms *main* vs. *subordinate*. The term *main* is not relational: it characterizes the properties of a clause rather than its relationship to another clause. Thus, clause C₂ being subordinate to clause C₁ can itself have its own subordinate C₃; however, C₂ is not a main clause.

² As for arrangement (1a), it seems to be possible in any context; for instance:

(i) *1941 saw the Japanese attack on Pearl Harbor. **When war broke out**, the stock market went up.*

- (2) b'. 1941 saw the Japanese attack on Pearl Harbor. *^{w0}The stock market went up **when war broke out**.
 c'. 1941 saw the Japanese attack on Pearl Harbor. *^{w0}The stock market, **when war broke out**, went up.

These complications of the linear disposition of clauses are related to the communicative structure [CommS], a.k.a. *Information Structure*, of the sentence, so that the latter will be paid special attention. The CommS of a sentence to be synthesized is established by the Speaker – as a function of his intentions and of the preceding context – in order to make the text coherent and understandable.¹ Our task in this paper is, as already said, to formulate the rules that, based on the syntactic structure and the syntactic-communicative structure of a complex sentence, determine the linear order of the clauses within it.

The paper is organized as follows: after defining some necessary notions – syntactic (2) and communicative (3) – and considering syntactic *vs.* thematic division of a complex sentence (4), the rules for clause ordering are presented (5), and their application is illustrated (6); finally, some conclusions are formulated (7).

Our starting data are a few hundred English sentences from the Penn Tree-Bank annotated by Alicia Burga and Leo Wanner with partial Comm-structures – namely, specifying Thematic areas (Rheme ~ Theme ~ Specifiers; for the details of this annotation, see [2]). We have added to it more examples, borrowed from actual texts or supplied by ourselves in order to illustrate different possibilities.

In the examples of syntactic and communicative structures, we use shortcuts: elements immaterial for the discussion (such as some grammemes or some labels of surface-syntactic relations) are not shown, certain syntactic nodes are grouped together, internal communicative divisions of certain communicative areas are not specified where irrelevant, etc.

(ii) *Share value has the tendency to strongly fluctuate. When war broke out, the stock market went up.*

This is so because a temporal subordinate clause can always be interpreted as a Comm-Specifier, see below, 3.2.1.

¹ Let us emphasize that computing the Comm-structure of the sentence under synthesis (by the Speaker or by a linguistic model) is a separate task, which we do not consider here. It has to be accomplished **before** the rules of meaning-to-text transition apply – namely, on the stage of text planning, which ensures the coherence and natural character of the text (see, for instance, [6, p. 283–286]). In the present paper, the Synt-Comm-structure of a sentence is taken for granted. – “The Speaker” (with a capital “S”) stands for ‘the author of this speech act’ – that is, ‘I’; *speaker* (with a lowercase “s”) refers to any speaker of a language.

2. Necessary syntactic notions

2.1. Simple clause and complex sentence

Simple clause

L stands for “a given lexical unit.”

A simple clause is a phrase such that it satisfies simultaneously the following two conditions:

- 1) It is headed either by a V_{FIN} (= a finite verb), or a $\text{CONJ}_{(\text{subord})}$ —**subord-conjunct**→ V_{FIN} (= subordinate conjunction with its dependent V_{FIN}) or a PREP —**prepositional**→ V_{FIN} (= preposition with its dependent V_{FIN}),¹ this V_{FIN} having the subject L (V_{FIN} —**subjectival**→L);
- 2) It contains all the direct and indirect dependents of the above configurations, except another configuration «(CONJ' (subord)/PREP'→) V'_{FIN} —**subjectival**→L'».

In prose, a simple clause is defined by the unique subjectival syntactic dependency; the constraint “does not contain another configuration «(CONJ (subord)/PREP→) V'_{FIN} —**subjectival**→L' ...»” ensures this uniqueness, while allowing for conjoined V_{FIN} s that share the same subject (*John reads a paper and drinks coffee* is a simple clause). For instance (the borders of simple clauses are shown by curly brackets):

- (3) a. {*The stock market*←**subj**—*went* $_{V_{\text{FIN}}^1}$ *up*.} _{CLAUSE1}
- ┌ **subord-conjunct** ─┐
 {*when*_{CONJ} *war* ←**subj**—*broke* $_{V_{\text{FIN}}^2}$ *out in 1941*.} _{CLAUSE2}
 └──────────────────┘
 └──────────────────┘ **subj** ───────────────────┘
- b. {*The shares* {*we* ←**subj**—*had* $_{V_{\text{FIN}}^2}$ *bought*} _{CLAUSE2} *went* $_{V_{\text{FIN}}^1}$ *up*.} _{CLAUSE1}
- c. {*He*←**subj**—*won*'t $_{V_{\text{FIN}}^1}$ *apologize* —
 ┌ **prepositional** ─┐
 {→*for what he*←**subj**—*said* $_{V_{\text{FIN}}^2}$ } _{CLAUSE2}} _{CLAUSE1}

Such “incomplete” phrases as *McGuire declared* [*that the stock market had gone up*] or [*What we found*] *proved important* are treated as simple clauses; this corresponds to the traditional approach.

The proposed definition of a simple clause is valid for languages in which a clause necessarily contains a finite verb. To generalize it to all languages, the reference to V_{FIN} must be replaced with a detailed description of possible syntactic heads that, along with a V_{FIN} , accept a subject (predicative adjectives

¹ This is a so-called headless relative clause introduced by a preposition, such as *from where he was standing* or *on what she said*. These clauses will be discussed in connection with the rule that describes them; see 5.2.4, rule 9, p. 45.

in Japanese and Korean, predicative forms of nominal lexemes in Turkic languages, etc.).

A complex clause can be defined as a set of syntactically linked simple clauses. However, the distinction between a simple and a complex clause can be ignored in the present study, so that we will omit the adjective *simple* and speak simply of clauses.

Along with genuine clauses, English has what can be called *quasi-clauses*. A quasi-clause is one of (at least) the following regular reductions of a genuine clause:

- an absolute construction with or without a preposition, see (4);
 - a participial construction with a subordinate conjunction, see (5);
 - an infinitive construction with an interrogative-relative pronoun, see (6).
- (4) a. {*Sixty percent of the fund will be invested in stocks,*}_{CLAUSE₁}
 {*with the rest going into bonds.*}_{CLAUSE₂}
- b. {*The government abolishes its golden share in Jaguar,*}_{CLAUSE₁}
 {*the luxury auto maker being stalked by General Motors.*}_{CLAUSE₂}
- (5) {*When offering \$1,250 to retired major leaguers,*}_{CLAUSE₁}
 {*they lost the chance of another season.*}_{CLAUSE₂}
- (6) {*Everybody knows*}_{CLAUSE₁} {*whom to blame.*}_{CLAUSE₂}

Since quasi-clauses behave in many respects like genuine clauses, they are considered, by analogy, to be a subset of clauses; however, they feature a number of particularities, and for the moment, our clause-ordering rules do not cover them.

Now let us switch to sentences. A sentence is an utterance that constitutes a stand-alone communicative unit; it may be or not be a clause – just as a clause may be or not be a sentence: for instance, “nominative” sentences (*London. November. A rainy night. Empty streets.*) and exclamatory sentences of a special type (*What a horrible weather!*) are not clauses; subordinate clauses are not sentences. If a sentence contains just one clause it is called a simple sentence; otherwise, it is a multiclausal sentence. Multiclausal sentences are either compound sentences, which consist of coordinated clauses (CLAUSE₁–**coord**→CLAUSE₂), or complex sentences, which are our target here.

Complex sentence

|| A sentence is a complex sentence if and only if it consists of at least two simple clauses one of which is syntactically subordinated to the other:
 || CLAUSE₁–**subord**→CLAUSE₂.

Here, CLAUSE₁ is a superordinate clause [SuperC] for CLAUSE₂, and CLAUSE₂ its subordinate clause [SubC]. The top node of a SubC depends on a lexeme in its SuperC by a non-coordinate relation:

- (7) a. $\left\{ \text{The stock market } \textit{went up significantly}, \right\}_{\text{CLAUSE}_1} \left\{ \textit{when war broke out in 1941.} \right\}_{\text{CLAUSE}_2}$ ← **circumstantial** →
- b. $\left\{ \textit{The shares} \left\{ \textit{we had bought in 1941.} \right\}_{\text{CLAUSE}_2} \right\}_{\text{CLAUSE}_1} \left\{ \textit{went up significantly.} \right\}_{\text{CLAUSE}_1}$ ← **relative** →

The notions of “superordinate clause” and “subordinate clause,” as was stated above, are relational: “superordinate” means ‘syntactic governor’, and “subordinate” means ‘syntactic dependent’ in a given pair of syntactically linked clauses; a CLAUSE_i can be superordinate with regard to CLAUSE_j , being, at the same time, subordinate with regard to CLAUSE_k .

A complex sentence can contain any number of syntactically linked clauses; for instance, sentence (8) contains five simple clauses, whose syntactic links are shown in Figure 1 (clauses are numbered in linear order; a clause is identified by a subscripted circled number):

- (8) $\textcircled{1} \left\{ \textit{But McGuire said} \right\}_{\textcircled{1}}$
 $\textcircled{2} \left\{ \textit{that}, \left\{ \textit{while the S.E.C. regulates} \right\}_{\textcircled{3}} \left\{ \textit{who files}, \right\}_{\textcircled{4}} \textit{the law tells them} \right\}_{\textcircled{2}}$
 $\textcircled{5} \left\{ \textit{when they can do so.} \right\}_{\textcircled{5}}$

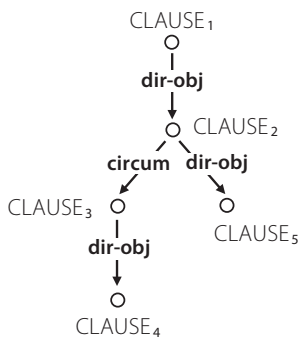

Fig. 1. A simplified syntactic structure of sentence (8)

2.2. Syntactic autonomy of subordinate clauses

The linear position of a SubC with respect to its SuperC is linked to an important property of the SubC: its syntactic autonomy/non-autonomy. These two syntactic types of subordinate clauses were introduced in [18, p. 466: *neprislovnye pridatočnye* (= our autonomous subordinate clauses)], whose linear position is established with respect to the whole superordinate clause, and *prislovnye pridatočnye* (= our non-autonomous subordinated clauses), positioned with respect to a word inside the superordinate clause.

Syntactically autonomous/non-autonomous subordinate clause

- A SubC is syntactically autonomous if and only if:
- 1) it is headed by a semantically full subordinate conjunction or its constructional equivalent;¹
 - 2) it syntactically depends on the Main Verb of its SuperC.
- Otherwise, a SubC is syntactically non-autonomous.

Thus, in (9a) the circumstantial SubC is syntactically autonomous, while the SubC in (9b–d) is not: in (9b), the SubC does not have a conjunction; in (9c), the conjunction is semantically empty; and in (9d), the SubC introduced by a full conjunction (SINCE) depends not on the Main Verb, but on an infinitive (DO):

- (9) a. *When war started, John left.*
 b. *The war that had started this year lasted several weeks.*
 c. *He said that the war had started.*
 d. *The agreement to do this, since it seemed right to all, was reached almost instantly.*

The difference between syntactically autonomous and non-autonomous SubCs is relevant for the linear placement of a SubC:

- A syntactically autonomous SubC is linearly placed under the control of the syntactic-thematic structure of the complex sentence (see 3).
 A syntactically non-autonomous SubC is placed in accordance with the surface-syntactic relation that links it to its governor. The communicative information is much less relevant and plays mainly in colloquial language; in our rules, it is not accounted for.

¹ Semantically full conjunctions

A semantically full conjunction carries meaning; it has its source in the semantic structure of the sentence. A semantically empty conjunction has no meaning and has no source in the semantic structure; it is introduced into the surface-syntactic structure of the sentence by a surface-syntactic rule (e.g., THAT in *John knows that I am in town.* or AS in *The market, as the press release states, is in turmoil.*).

The meaning corresponding to a semantically full conjunction can be expressed by a meaningful syntactic construction – for instance, the irrealis construction seen in the sentence *Had he told the truth, he would be in a better position now.* Technically, such a construction is represented in the deep-syntactic structure by a fictitious lexeme – a subordinate conjunction «IF_{irr}», which gives rise, in the surface-syntactic structure, to the construction itself. In the present paper, we do not consider this type of construction.

Some semantically full subordinate conjunctions have homophones of three types that appear exclusively in syntactically non-autonomous SubCs:

- Semantically empty conjunctions, which are automatic complementizers: for instance, IF_H in sentences such as *John asked me if I had already met Mary.*
- Semantically empty pronominal relators: for instance, WHEN_{H.1} in sentences such as *The day when I arrived in Montreal was cold, but sunny.*
- Semantically full relative-interrogative adverbs: for instance, WHEN_{H.2} in sentences such as *Everybody knows when I arrived in Paris.*

2.2.1. Syntactically autonomous subordinate clauses

At the semantic level, the meaning of a future Synt-autonomous SubC is linked to the meaning of its SuperC through a semantic configuration ‘ $\tilde{\sigma}$ ’ that takes the meanings of both clauses as its Sem-actants, the meaning of the SuperC being its SemA 1: ‘SubC’ $\leftarrow 2$ –‘ $\tilde{\sigma}$ ’– $1 \rightarrow$ ‘SuperC’. At the syntactic level, the configuration ‘ $\tilde{\sigma}$ ’ can be expressed by a subordinate conjunction, which heads the SubC; this is the case that interests us in this paper. The conjunction in question is subordinated to the Main Verb of the SuperC by the **circumstantial** SSynt-relation. In the SSynt-structure, an autonomous SubC can be only circumstantial. (The more fine-grained classification of circumstantial SubCs accepted in traditional grammar – temporal, causal, conditional, concessive, etc. clauses – is taken care of by addressing, when needed under synthesis, the meaning of the subordinate conjunction.)

Sentence (10) has the semantic structure shown in Figure 2 and the surface-syntactic structure shown in Figure 3.

(10) *The shares went up when the war broke out.*

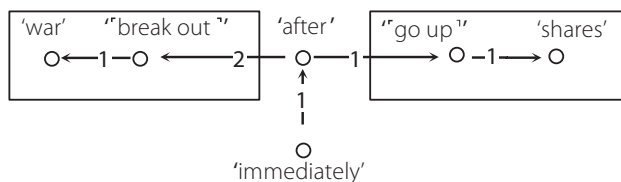

Fig. 2. A simplified semantic structure of sentence (10)

The semantic configurations corresponding to the SubC and the SuperC are boxed in the diagram; they are linked by the configuration of semantemes ‘ $\tilde{\sigma}$ ’ = ‘immediately after’, which is the source of the semantically full subordinate conjunction *WHENI.3* (the lexicographic number is borrowed from *LDOCE Online*).

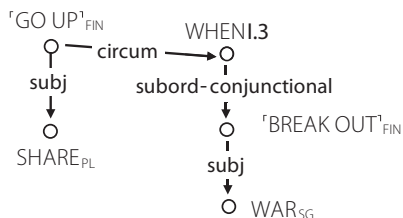

Fig. 3. A simplified surface-syntactic structure of sentence (10)

2.2.2. Syntactically non-autonomous subordinate clauses

As indicated in the definition of syntactic autonomy, a non-autonomous SubC either has no full subordinate conjunction or does not depend on the Main Verb of its SuperC. Three cases must be distinguished:

- the SubC has no explicit lexical marker of subordination; it can be a conjunctionless completive clause (11a), a Direct Speech clause (11b), and a conjunctionless parenthetical clause (11c);
- the SubC has an explicit lexical marker of subordination – an empty complementizer *THAT* (12a), an empty parenthetical introducer *AS* (12b), a WH-word (= interrogative-relative pronoun; e.g., *WHICH/WHAT*) as a dependent in its clause, see (12c), or a WH-word as the governor in its clause, see (12d);
- the SubC is introduced by a semantically full conjunction, but does not depend on the Main Verb of its SuperC, see (9d).

(11) The SubC includes no explicit marker of subordination

- a. *John said the stock market had gone up.*
- b. *John said, “The stock market had gone up.”*
- c. *The stock market, the government believes, will go up.*

(12) The SubC includes an explicit marker of subordination (semantically empty)

- a. *John said **that** the stock market had gone up.*
- b. *As John said, the shares went up.*¹
- c. (i) *The shares **which** John had bought a year before went up.*
 (ii) ***What** John had bought a year before turned out to be profitable.*
- d. *John left {only Mary knows **why**.}*²

In the surface-syntactic structure of a complex sentence, a non-autonomous SubC can be of any possible syntactic type: a clause that is a SSynt-actant (the Subject, the Direct Object, etc.), a parenthetical clause, a relative clause, a circumstantial, etc. (see 5.2.4).

3. Necessary syntactic-communicative notions

3.1. Introductory remarks

Roughly speaking, a sentence has two communicative structures: one at the semantic level, a **semantic** communicative structure [CommS], and another

¹ The subordinate conjunction *AS* introducing a parenthetical clause is empty in this context – it does not have a semantic source. (This *AS* is different from several semantically full conjunctions *AS* with the meanings ‘while’, ‘when’, ‘because’.)

² The last type of SubC are clauses built out of a WH-word on which depends, by the WH-relative SSynt-relation, an incomplete finite clause of a particular structure: *Only your mother knows* ←WH-rel-*who was coming* or *He lives you will* ←WH-rel-[*never guess*]-*where*.

one at the syntactic level, a **syntactic** CommS. The semantic CommS of a sentence is imposed on its semantic structure and characterizes the communicative organization of its meaning. The syntactic CommS of a sentence is imposed on its syntactic structure and characterizes the communicative organization of the sentence itself. The Synt-CommS is derived from the Sem-CommS.

The **Semantic**-Communicative Structure of a sentence was described in [10]. It is specified by the indication of Semantic-Comm-areas of a semantic structure – that is, of semantic subnetworks, which are marked by the values of eight Sem-Comm-oppositions. Namely, for each Sem-Comm-area, the corresponding value of the given Sem-Comm-opposition is indicated. However, the present paper is limited to the **Syntactic**-Communicative Structure of a sentence, where five Synt-Comm-oppositions are used: Synt-Thematicity, Synt-Givenness, Synt-Focalization, Synt-Perspective, and Synt-Emphasis [13, p. 8–10]. Out of these, only Synt-Thematicity will be considered in what follows.¹

3.2. Syntactic-Communicative Thematicity

The Synt-Comm-opposition of Thematicity has three values: Synt-Rheme, Synt-Theme, and Synt-Specifier; each Synt-thematic area carries one of these values. The Synt-Rheme and the Synt-Theme roughly correspond to the Topic and Focus of “information structure”, well known from, among others, the works of the Prague School and those of M. Halliday and K. Lambrecht. The Synt-Specifier seems to be a rather novel notion (thus, it is not mentioned, in any shape, in [3]; however, “setting” and “specification” of J. Firbas [5] clearly are its antecedents).

3.2.1. *Synt-Rheme, Synt-Theme, Synt-Specifier: Definitions*

Syntactic Rheme

|| The Syntactic Rheme [R_{Synt}] of a clause is the subtree of its syntactic structure that implements its Semantic Rheme – that is, corresponds to the chunk of the sentence’s meaning that the Speaker presents as being communicated to the Addressee.

Just as the R_{Sem} , the R_{Synt} is necessary and unique in each clause; a linguistic expression that does not have an R_{Synt} is not a clause: it is a non-clausal phrase.

¹ The system of notions proposed in [10] for the description of semantic-communicative structure of sentences is crucial for the present study. Nevertheless, we are in no position to expound, explain or justify it here; it has to be accepted as a postulate.

Syntactic Theme

|| The Syntactic Theme [T_{Synt}] of a clause is the subtree of its syntactic structure that implements its Semantic Theme – that is, corresponds to the chunk of the sentence's meaning that the Speaker presents as something on which the Semantic Rheme bears.

The T_{Synt} is also unique in a clause, but it can be absent. In such a case, we have an all-rhematic clause (e.g., *There is a polar bear over there.*). Such a clause contains only an R_{Synt} (and perhaps some Synt-Specifiers, see below), but has no T_{Synt} .

Syntactic Specifier

|| A Syntactic Specifier [SP_{Synt}] of a clause is the subtree of its syntactic structure that implements one of its Sem-Specifiers – that is, corresponds to the chunk of the sentence's meaning that the Speaker decided not to include either in the Sem-Rheme or in the Sem-Theme, but to present as a characteristic of the whole situation described by the clause or of the relation between two situations described by the complex sentence.

An SP_{Synt} is not necessary and not unique in a clause: a clause can contain no SP_{Synt} or several SP_{Synt} s. SP_{Synt} s include:

- circumstantials of time, location, cause, goal, conditions, manner, result, source of information, etc., which characterize a situation;¹
- semantically full subordinate conjunctions, such as WHEN, BECAUSE, ALTHOUGH, SINCE, 'AS IF', etc.;
- parenthetical expressions, such as UNFORTUNATELY, CURIOUSLY, I AM AFRAID, AS EVERYBODY KNOWS, etc.

All such elements do not belong to the Rheme or the Theme.

To sum up: The Synt-Thematic structure of a clause has either one R_{Synt} or one R_{Synt} and one T_{Synt} ; it may also include any number of SP_{Synt} s.

Let us illustrate the Synt-communicative notions just introduced with several sentences that express the same propositional meaning. A Synt-Thematic structure characterizes a sentence that is to appear in a particular context. In the examples, we represent this context using, as has been done for decades, an imaginary question **Q** to which the sentence under analysis can be a felicitous answer. Thus, consider the meaning in (13) and its different sentential implementations in (14) determined by different Sem-Them-structures imposed on this meaning and the different Synt-Them-structures of the corresponding sentences.²

¹ Of course, not every syntactic circumstantial corresponds to a SP_{Synt} , but only those that express a meaning not included by the Speaker in the Rheme or the Theme.

² For simplicity's sake, we illustrate the Synt-Them-structure on the sentence itself rather than on its syntactic structure. This entails some inaccuracies, which are, however, not material to this paper.

(13) ‘war’ ‘begin’ ‘whenI.3’ ‘increase’ ‘value’ ‘shares’
 $\circ \leftarrow 1 \rightarrow \circ \leftarrow 2 \rightarrow \circ 1 \rightarrow \circ \rightarrow 1 \rightarrow \circ \rightarrow 1 \rightarrow \circ$

(14) a. Q: How did the war affect the economy?

[*When war broke out.*]_{T_{Synt}} [*the stock market went up.*]_{R_{Synt}}

b. Q: What happened to the economy?

[*When war broke out.*]_{SP_{Synt}} [*the stock market went up.*]_{R_{Synt}}

In a context with no mention of the war, the subordinate WHEN-clause in (14b) expresses an SP_{Synt}

(14) c. Q: When did share prices go up?

[*The shares went up.*]_{T_{Synt}} [*when war broke out.*]_{R_{Synt}}

d. Q: What happened to share prices?

(i) [*The shares.*]_{T_{Synt}} [*went up when war broke out.*]_{R_{Synt}}

(ii) [*The shares.*]_{T_{Synt}} [*went up.*]_{R_{Synt}} [*when war broke out.*]_{SP_{Synt}}

3.2.2. Synt-Thematic structure: properties

A Synt-Them-area can be further divided into subareas: the Synt-Them-division is – as the Sem-Them-division – recursive, so that a Synt-Them-structure forms a hierarchy. Two subareas of the same area are said to be at the same level of Synt-Them-hierarchy. Three important remarks seem appropriate at this point.

1. The Synt-Them-division **applies** to one of the two basic syntactic formations – a whole sentence or a clause.¹

2. Any clause **must** undergo the Synt-Them-division (otherwise, its meaning is implemented as non-clausal phrase).²

3. A whole sentence **does not** form a Synt-Them-area.

¹ Thematically divided non-clausal phrases

There is also an additional special case – a thematically divided non-clausal phrase. A thematically divided phrase is a verbal phrase with two or more actants or circumstantials whose linear ordering is determined communicatively rather than syntactically. For instance, the Rhemes of sentences (i) and (ii) are thematically divided phrases; the different internal thematic organization of these Rhemes determines different word order in them:

(i) [*This measure.*]_{T_{Synt}} [[*would give many executives.*]_{T_{(R)Synt}}
 [*the opportunity to report trades in their own companies' shares.*]_{R_{(R)Synt}}]_{R_{Synt}}

(ii) [*This measure.*]_{T_{Synt}}
 [[*would give the opportunity to report trades in their own companies' shares.*]_{T_{(R)Synt}}
 [*to many executives.*]_{R_{(R)Synt}}]_{R_{Synt}}

² A particular case of the Synt-Them-division of a sentence is a sentence that consists of a Synt-Rheme only (an all-rhematic, orthetic, sentence); schematically, {[...]_{R_{Synt}}}, where curly brackets show the borders of the sentence and square brackets, those of the Synt-Rheme area.

- The Synt-Them-division of a clause has three important properties:
- it is **exhaustive**: each lexical unit in the clause's SyntS belongs to one of the Synt-Them-areas;
 - it is a **partition**: a lexical unit can belong only to one Synt-Them-area;
 - it is **recursive** (as indicated above): generally speaking, an R_{Synt} , a T_{Synt} and an SP_{Synt} allow for an internal Them-division; for instance, an R_{Synt} can be divided, in its turn, into $R_{\text{Synt}}(R_{\text{Synt}})$, $T_{\text{Synt}}(R_{\text{Synt}})$ and $SP_{\text{Synt}}(R_{\text{Synt}})$, etc.

In examples below, the borders of a Synt-Them-area are identified with square brackets subscripted with the Them-value of this area; thus, the notation “[]_{T_{Synt}}” designates a Synt-Theme area. Communicative recursion is shown by an explicit indication of the superordinate area: the notation “[]_{T(R)_{Synt}}” designates the Theme subarea of a Rheme area. Recall that clauses are enclosed in numbered curly brackets. For a clause which covers precisely one Them-area (and which does not constitute a whole sentence), the area's square brackets enclose the clause's curly brackets: [{...}], as in (15c–d); for clauses that do not coincide with one Them-area, brackets appear in an inverted order, see (15b), CLAUSE₁.

- (15) a. [*In December 1941,*]_{SP_{Synt}} [*the shares*]_{T_{Synt}} [*went up.*]_{R_{Synt}}
 b. ① { [*This measure*]_{T_{Synt}} [[*exempts many executives*]_{T(R)_{Synt}} [*from reporting such trades,*]_{R(R)_{Synt}}]_{R_{Synt}} }_①
 ② { [*McGuire*]_{T(SP)_{Synt}} [*said.*]_{R(SP)_{Synt}} }_②]_{SP_{Synt}}
 c. ① { [*When*]_{SP(T)_{Synt}} [*war*]_{T(T)_{Synt}} [*broke out,*]_{R(T)_{Synt}} }_①]_{T_{Synt}}
 ② { [*the shares*]_{T(R)_{Synt}} [*went up.*]_{R(R)_{Synt}} }_②]_{R_{Synt}}
 d. ① { [*The shares*]_{T(T)_{Synt}} [*went up.*]_{R(T)_{Synt}} }_①]_{T_{Synt}}
 ② { [*when*]_{SP(R)_{Synt}} [*war*]_{T(R)_{Synt}} [*broke out.*]_{R(R)_{Synt}} }_②]_{R_{Synt}}
 e. ① { [*When*]_{SP(SP)_{Synt}} [*war*]_{T(SP)_{Synt}} [*broke out,*]_{R(SP)_{Synt}} }_①]_{SP_{Synt}}
 ② { [*the shares*]_{T_{Synt}} [*went up.*]_{R_{Synt}} }_②
 f. ① { *The shares*
 ② { [*that = shares*]_{T(T)_{Synt}} [*McGuire had bought*]_{R(T)_{Synt}} }_②]_{T_{Synt}}
 [*went up.*]_{R_{Synt}} }_①
 g. ① { [*The shares,*]_{T_{Synt}}
 ② { [*McGuire*]_{T(SP)_{Synt}} [*reports,*]_{R(SP)_{Synt}} }_②]_{SP_{Synt}} [*went up.*]_{R_{Synt}} }_①

3.2.3. Synt-Thematic structure: representation

The Synt-ThemS is represented by means of two complementary tools.

On the one hand, any Synt-Them-area is shown by boxing the corresponding syntactic subtree; a communicative box – that is, a Synt-Them-area – has a value of Thematicity associated with it.

On the other hand, the Synt-ThemS explicitly shows communicative dependency relations between Synt-Them-values. Recall that the Synt-Rheme, the Synt-Theme and the Synt-Specifier are relational notions: a Synt-Theme and a Synt-Specifier are the Theme and a Specifier of a given Rheme; and a given Rheme may have its Theme and Specifiers.

Communicative dependency is represented – as any dependency – by arrows. We use two types of communicative dependencies and, accordingly, two types of arrows:

- The dominance communicative dependency holds between two units **of the same level** of Synt-Them-hierarchy: between a Rheme and its Theme / its Specifiers; this Comm-dependency is shown by a bold arrow: $\mathbf{SP} \leftarrow \mathbf{R} \rightarrow \mathbf{T}$. In this way, the Synt-Them-structure shows explicitly on which Rheme such and such a Theme and such and such a Specifier depends.
- The hierarchy communicative dependency holds between two Them-values **of different levels** of Synt-Them-hierarchy: between a value of a Them-area of a higher level and the Rheme of a lower level (this Rheme being inside this area). In the Synt-Them structure, it is shown by a double arrow, which always points to a Rheme, since the latter is the “head” of the lower-level Comm-dependency subtree. This is a convenient way of encoding the hierarchical inclusion of Comm-areas. For instance, $\mathbf{T} \Rightarrow \mathbf{R}$ means that this given Theme has inside of its area a Rheme of a lower level, which may have its own communicatively dominated dependents (a Theme and/or Specifiers). In example sentences, however, this hierarchical dependency is shown by a different notation: $\mathbf{R}(\mathbf{T})$ means “this Rheme’s area is included in the area of the higher Theme.”

To illustrate the Synt-Them-Structure of a complex sentence, we give Figure 4: a simplified surface-syntactic representation of sentence (16); see next page.

$$(16) \left[\left[\textit{When} \right]_{\mathbf{SP}(\mathbf{T})_{\text{Synt}}} \left[\textit{war} \right]_{\mathbf{T}(\mathbf{T})_{\text{Synt}}} \left[\textit{broke out.} \right]_{\mathbf{R}(\mathbf{T})_{\text{Synt}}} \right]_{\mathbf{T}_{\text{Synt}}} \\ \left[\left[\textit{shares} \right]_{\mathbf{T}(\mathbf{R})_{\text{Synt}}} \left[\textit{went up.} \right]_{\mathbf{R}(\mathbf{R})_{\text{Synt}}} \right]_{\mathbf{R}_{\text{Synt}}}$$

4. Syntactic division vs. syntactic-thematic division of a complex sentence

As examples (15) show, the division of a complex sentence into simple clauses does not necessarily coincide with its division into Synt-Them areas. The mismatches between clauses and concerned Synt-Them-areas are quite common. All four set-theoretical relations are possible between a clause in a complex sentence and Synt-Them-areas:

- a clause coincides with a Synt-Them-area;
- a clause includes more than one Synt-Them-area;
- a clause is included in one Synt-Them-area;
- a clause is included in two Synt-Them-areas.

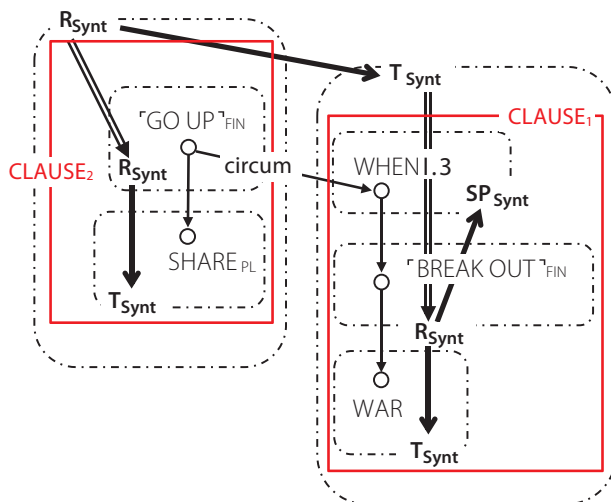

Fig. 4. A simplified surface-syntactic representation of sentence (16)

In sentence (17), CLAUSES_{1, 2, 3, 6} implement each exactly one Synt-Them-area; CLAUSES_{4, 5} include each two Synt-Them-areas; CLAUSES_{1, 2} are together included in one Synt-Them-area, the same as CLAUSES_{5, 6}. A clause “distributed” between two Synt-Them-areas is illustrated in (18): CLAUSE₁.

- (17) [[_①{*Though twenty years have passed*}_①]_{R(SP1)_{Synt}}
 [_②{*since these stories were written*,}_②]_{T(SP1)_{Synt}}_{SP1_{Synt}}
 [_③{*I think*}_③]_{SP2_{Synt}}_④{*[they]*_{T_{Synt}} [*are not out of date*,]_{R_{Synt}}}_④
 [_⑤{*since*, [_⑥{*I am told*,}_⑥]_{SP(SP3)_{Synt}} [*they*]_{T(SP3)_{Synt}} [*have been*
required reading for the Department's personnel.]_{R(SP3)_{Synt}}}_⑤]_{SP3_{Synt}}

The above mismatches seriously complicate the formulations of clause-ordering rules.

5. Clause-ordering rules

5.1. Characterization of clause-ordering rules

The proposed clause-ordering rules describe the clause ordering in declarative sentences of written English, of neutral formal style. These rules are, as we said above, part of the SSyntR \Leftrightarrow DMorphR module of a linguistic model. As is the case with word order rules for lexemes within clauses [15], clause-ordering rules fall into three groups:

- local clause-ordering rules cover the placement of a SubC with respect to its SuperC (5.2);

- quasi-local clause-ordering rules determine mutual arrangements of several SubCs that are co-subordinated “in parallel” to the same SuperC and positioned, in accordance with local rules, on the same side of it (5.3);
- global clause-ordering rules filter out bad arrangements based on the consideration of the whole SyntS and Synt-ThemS of the complex sentence to be synthesized (5.4).

The **input** for clause-ordering rules is the complete surface-syntactic representation of the complex sentence to be synthesized, with a specification of simple clauses in the SyntS and full Synt-Thematic structure. Figure 5 gives an example of clause-ordering rule input – a (simplified) SSyntR of sentence (18):

(18) Q: What happened to the shares?

①{[The shares]_{T_{Synt}} [went up]} ① ②{when war broke out.} ②_{R_{Synt}}

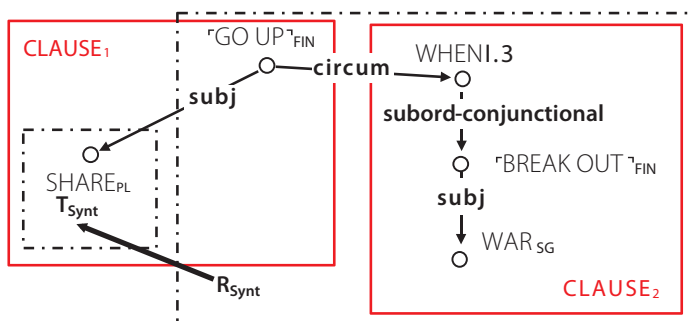

Fig. 5. A simplified SSyntR of sentence (18)

The **output** of clause-ordering rules is a linearly ordered string of simple clauses supplied, when appropriate, with an approximate indication of prosody: pauses and rising/falling contours. The resulting string of clauses must undergo all the necessary adjustments – lexical, prosodic, and morphological, see Footnote 1 on p. 19; however, the rules for clause adjustment are not considered in this paper.

For the input above, the output provided by the rules given appears as CLAUSE₁ + CLAUSE₂; it is obtained by means of rule 4, see below, p. 42.

The **information** about clauses used by the clause-ordering rules is of four types:

1) the surface-syntactic relation linking the SubC to its syntactic governor. It is explicitly shown in the starting SyntS, going from a lexeme in the SuperC to the head of the SubC;

2) the position of the SubC and its SuperC in the syntactic-communicative structure with respect to the concerned Them-areas;

3) the relevant syntactic properties of some lexemes, for instance, conjunctions: some conjunctions require the anteposition of the clause they introduce ('THE MORE'...), some others, the postposition ('IN THAT'...), see below;

4) the length of the SubC in terms of the number of stressed wordforms.

The **order of application** of the clause-ordering rules is, theoretically speaking, irrelevant: the rules are written in such a way that they can be applied in any order, provided they are applied an unlimited number of times. In practice, of course, a convenient order has to be defined; this is, however, a procedural problem, which is left out of consideration in this paper. In the illustrations, we choose the most natural order of rule application.

Notations used in clause-ordering rules

$A \rightarrow B$	element B depends on element A – semantically or syntactically
$\text{SuperC} \rightarrow \text{SubC}$	the top node of the SubC syntactically depends on a lexeme in the SuperC
$R \rightarrow T/SP$	T/SP communicatively depends on its R
$A \Rightarrow B$	Thematic subarea B is included in Thematic area A
$C_{R/T/SP}$	clause C either implements R_{Synt} , T_{Synt} , SP_{Synt} or is included in R_{Synt} , T_{Synt} , SP_{Synt} as the syntactically top clause in this area ¹
$C_{\supset R/\supset T/\subset R}$	clause C includes R_{Synt} or T_{Synt} , or else is included in R_{Synt} (without being the top clause)
SuperC-/SubC-	the initial part of an “interrupted” clause
-SuperC/-SubC	the final part of an “interrupted” clause
L	a particular lexeme
\tilde{L}	lexeme L with its syntactic dependents
\tilde{L}^*	lexeme L with its syntactic dependents except the SubCs considered in this rule
$X + Y$	Y follows X immediately
$X + \dots + Y$	Y follows X, not necessarily immediately
$\text{length}(X)$	length of the phrase X in terms of number of its stressed wordforms
\nearrow, \searrow	rising and falling intonation contours ²
,	minor and major pauses
	in the right-hand side of a rule, precedes the condition part (“if and only if”)

¹ As is typical for dependency structures, the top element in a subtree represents the whole subtree.

² Prosodic indications in our rules are approximate.

In example sentences, we give only the information relevant in each particular case.

5.2. Local clause-ordering rules

5.2.1. General conditions on local clause-ordering rules

Local clause-ordering rules are subject to the following three general syntactic conditions.

Fixed-position conjunction condition

|| **If** a SubC \supset CONJ_(ante)/CONJ_(post) **then** it is positioned before/after its SuperC.

Certain English subordinate conjunctions allow either only for the anteposition of the SubC with respect to its SuperC, or for its postposition (by the way, all coordinate conjunctions require postposition). Thus, the conjunction 'THE MORE' ... ['THE MORE' ...] requires the anteposition of its SubC,¹ and the conjunctions 'AS IF', 'IN THAT', 'SO THAT' require its postposition, as well as the relative pronoun WHICH₃ (as in *Things improved, which surprised me*). Clause-ordering rules do not apply to cases where the SubC contains such a conjunction: this SubC is linearly placed according to the corresponding feature of the conjunction.

Fixed-position conjunctions are linked with the Synt-Them-S of the sentence: under lexicalization, the selection of such a conjunction must be licensed by the thematic role of the corresponding Sem-configuration. This happens, however, in the semantic module and should not occupy us here.

Clause-border marker condition

Many languages have lexical units that could be called "clause-border markers": conjunctions and relative pronouns, which necessarily occupy the clause-initial position. In English, no lexeme that depends on an element in a conjunction-introduced clause can be linearly placed before the conjunction / the relative pronoun, which is, so to speak, the absolute left border of the clause.

Let \tilde{L} be a lexeme L with all its syntactic dependents; Ψ is either \tilde{L}_1 where $L_1 = (\text{CONJ})/(\text{rel})$ or \tilde{L}_2 where $L_2 \text{---}\dots\rightarrow \text{WHO}/\text{WHOSE}$ ("---" means 'syntactic dependency, not necessarily direct').

|| **If** SuperC begins with Ψ , **then not** SubC + ... + Ψ .

¹ Our treatment of the conjunction 'THE MORE' as subordinate (even if it follows a respectable tradition: see [1, 14.13, p. 999]) needs a special justification; here it can be accepted for the sake of discussion as a hypothesis.

If a SuperC begins with Ψ – a conjunction phrase (e.g., *only*←*because*) or a phrase including a relative pronoun (e.g., *who*←*likes...* or *the letter*→*for*→*whom*), then its SubC that must precede it according to the ordering rules cannot be “physically” placed before Ψ . This means that a preceding SubC is inserted into its SuperC immediately after Ψ . See (19), where Ψ is shown by boldface, “*wo” means ‘bad because of word order’ and the trespassing clause, whose linear placement violates the Clause-Border Marker Condition, is boxed:

(19) a. ① {McGuire said} ① ② **that**, ③ {although the war had broken out,} ③
the shares had gone up.} ②

vs.

*wo ① {McGuire said} ①

③ {although the war had broken out,} ③

② **that** the shares had gone up.} ②

b. ① {McGuire, ② **for whose father**, ③ {as everybody knows,} ③
John bought this house.} ② decided to quit.} ①

vs.

*wo ① {McGuire, ③ {as everybody knows,} ③

② **for whose father** John bought this house,} ② decided to quit.} ①

In (19a), the SubC_③, which – by rule 3.1 – can precede its SuperC_②, is not placed before the conjunction **that**, but immediately after it. (19b) shows the relevance of the condition that Ψ includes **who** or **whose**.¹

Clause insertion condition

|| A SubC can be linearly inserted in its SuperC under specific conditions.

For instance, a SubC inserted into its SuperC, generally speaking, cannot interrupt a complete nominal word group – that is, a previously linearized saturated nominal phrase, shown below in boldface (on the word groups, see [15]); such an interruption leads to disallowed non-projectivity. (However, in some cases, such an insertion is allowed for a parenthetical clause.)

¹ Clause-Border Marker Condition follows from the ban on non-projectivity (see below, 5.4, rule 20), so that formally it is superfluous. However, linguistically, it is important, since it explicitly expresses a relevant fact about English. In Latin, for instance, a focalized element of a subordinate clause could be placed before the subordinate conjunction: *Hanc* [= *paludem*] *si nostri transirent, hostes expectabant* lit. ‘It [= a swamp] **whether** our soldiers cross, the enemies were waiting’. = ‘The enemies waited for our soldiers to cross it’ [Caesar, *De bello Gallico*].

(20) *wo¹ {*John's shares*, }² {*when the war broke out,*}²
*in General Motors went up sharply.*¹

The inverse insertion – of a SuperC into its SubC – is impossible; it is blocked by rule 20.

5.2.2. Major types of local clause-ordering rules

Local clause-ordering rules are subdivided in two groups: rules for a syntactically autonomous SubC (5.2.3) and those for a syntactically non-autonomous SubC (5.2.4).

The rules of the first group deal exclusively with a circumstantial SubC that syntactically depends on the Main Verb of its SuperC. It is linearly positioned as a function of Synt-thematic information – with respect to the whole SuperC; therefore, rules of this group have the symbol “SuperC” on their left-hand side.

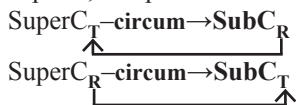
The rules of the second group cover all types of SubC (including circumstantial SubCs of a special type: rules 13 and 14); the type of SSynt-dependency of the SubC is crucial here. Such a SubC is positioned with respect to its syntactic governor L – a particular lexeme within the SuperC; the left-hand side of a second-group rule necessarily contains the symbol “L”.

This division of clause-ordering rules corresponds to the intuition that a SubC syntactically depends either on the “whole” SuperC (which, under a dependency approach, means the dependency on the top node of the SuperC), or on an individual lexeme within the SuperC (which can, but does not have to, be the top node of the SuperC).

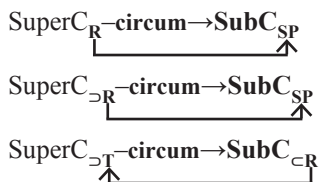
5.2.3. Local clause-ordering rules for syntactically autonomous subordinate clauses

Local clause-ordering rules target a syntactically autonomous SubC (which contains a semantically full subordinate conjunction or a meaningful syntactic construction, equivalent to such a conjunction). All syntactically autonomous SubCs are circumstantial. (But not all circumstantial SubCs are syntactically autonomous!)

The placement of a syntactically autonomous SubC with respect to its SuperC is determined by the Them-characteristics of both clauses. From this viewpoint, a SuperC–circum→SubC pair presents five attested combinations:¹

¹ Logically, more combinations are possible (e.g., the SubC can be part of the τ_{Synt} area), but we did not find the corresponding examples.

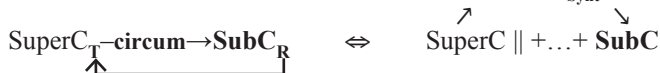

These cases are covered by four local clause-ordering rules: rules 1–4.

As is to be expected, in English the Theme-clause precedes the Rheme-clause – with one exception (accounted for in rule 2.2): an indefinite Rheme precedes its Theme.

R^{ORD} 1: Placement of SubC_{R_{Synt}}

A circumstantial Sub-clause that implements an R_{Synt} is placed after its Super-clause that implements the corresponding T_{Synt}.

(21) a. [₁{*The shares went up.*}]_{T_{Synt}} [₂{*when war broke out.*}]_{R_{Synt}}

b. [₁{*McGuire bought the shares,*
 [₂{*which were going down.*}]₂}]_{T_{Synt}} [₃{*when war broke out.*}]_{R_{Synt}}

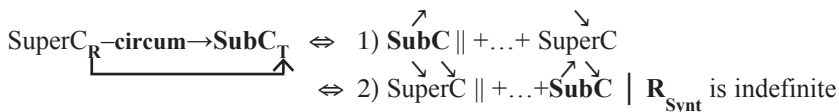
In (21b), the circumstantial SubC₃ is placed after its SuperC₁, which is the top clause in the T_{Synt} area. The relative SubC₂ is positioned – in conformity with rule 12.1 – after the noun SHARE_{PL} (not after the whole SuperC₁, so that SubC₂ finds itself inside its SuperC₁); therefore, there is no competition between SubC₃ (examined in this rule) and SubC₂ for the position after the SuperC₁.

(21) c. [₁{[*The shares*]_{T(T)_{Synt}} [*went up.*]_{R(T)_{Synt}}}]₁
 [₂{*although the opposite was expected.*}]₂]SP(T)_{Synt}]T_{Synt}
 [₃{*when war broke out.*}]₃]R_{Synt}

In (21c), the SubC under examination (= CLAUSE₃) must follow its SuperC (= CLAUSE₁); but there is competition – between CLAUSE₃ and CLAUSE₂ (which also can follow CLAUSE₁; according to rule 3.2) – for the position **immediately** after the SuperC. The correct placement of CLAUSE₃ is ensured by the global rule 22, which forbids the Rheme to interrupt the Theme, see (46a).

R^{ORD} 2: Placement of SubC_{T_{Synt}}

A circumstantial SubC that expresses a T_{Synt} can always be placed before its SuperC that expresses the corresponding R_{Synt}, or, in a special case, after it – under the condition that this R_{Synt} is indefinite.

An \mathbf{R}_{Synt} is considered indefinite if it contains such indefinite pronouns as SOME, ONE, etc.¹

(22) a. $\mathbf{R}^{\text{ORD}} 2.1$

(i) [**When the war broke out,**]_{T_{Synt}} [*the shares went up.*]_{R_{Synt}}

(ii) [*But,* [**when the war broke out,**]_{T_{Synt}} *the shares went up.*]_{R_{Synt}}

The correct placement of the SubC after BUT in (22a-ii) is ensured by the Clause-Border Marker Condition (General condition 2 above).

(22) a. (iii) [_①**When McGuire specified**]_①

[_②*who can be selected,*]_②_{T_{Synt}} [_③*everybody was happy.*]_③_{R_{Synt}}

(iv) [_①**When the war broke out**]_①

[_②*after the note had been rejected,*]_②_{T_{Synt}}

[_③*the shares went up.*]_③_{R_{Synt}}

In (22a-iii/iv), the correct anteposition of CLAUSE_1 together with its dependent CLAUSE_2 is ensured by the global rule 20, which filters out cases of forbidden non-projectivity.

(22) a. (v) [_①**When the war broke out,**]_①_{T_{Synt}}

[_②*although the opposite was expected,*]_②_{SP_{Synt}}

[_③*the shares went up.*]_③_{R_{Synt}}

In (22a-v), unlike the preceding cases, CLAUSE_2 syntactically depends on CLAUSE_3 rather than on CLAUSE_1 . Therefore, we have here a co-subordination of CLAUSE_1 and CLAUSE_2 ; the mutual order of these two co-subordinated SubCs is free: both possible arrangements are correct.

(22) b. $\mathbf{R}^{\text{ORD}} 2.2$

(i) Q: What is to be done to accommodate the peculiarities of crops?

[*Some modifications may be necessary,*]_{R_{Synt}}

[**if we want to accommodate the peculiarities of each crop.**]_{T_{Synt}}

¹ The anteposition of an indefinite Rheme also takes place at the simple clause level:

(i) *The airfield was quiet.* [**Three planes**]_{R_{Synt}} [*were sitting on the tarmac.*]_{T_{Synt}}

(ii) **Q**: How long ago were these stories written?

[*Twenty years have passed*]_{R_{Synt}}
 [*since these stories were written.*]_{T_{Synt}}

R^{ORD} 3: Placement of SubC_{SP_{Synt}}

|| A circumstantial SubC that implements an SP_{Synt} is placed either before, or after, or within its SuperC, which implements or includes the corresponding R_{Synt}.

In other words, the linear position of an **SP_{Synt}** is considered to be optional. In fact, there could be additional factors at play, such as Givenness or length (= heaviness), etc., but we have not studied those.

“ $\supset_{R_{Synt}}$ ” is an abbreviation for the disjunction “ R_{Synt} OR $\supset_{R_{Synt}}$ ”.

SuperC _{$\supset_{R_{Synt}}$} $\xrightarrow{\text{circum}}$ SubC_{SP} \Leftrightarrow 1) SubC ^{\uparrow} || +...+ SuperC ^{\downarrow}
 \Leftrightarrow 2) SuperC ^{\uparrow} || +...+ SubC ^{\downarrow}
 \Leftrightarrow 3) SuperC- | +...+ SubC | +...+ -SuperC ^{\downarrow} ¹

(23) a. R^{ORD} 3.1

{*When the war broke out*} {*after the treaty was rejected,*}_{SP_{Synt}}
 {*[the shares]*_{T_{Synt}} [*went up.*]_{R_{Synt}}}

b. R^{ORD} 3.2

{*[The shares]*_{T_{Synt}} [*went up,*]_{R_{Synt}}} {*[when war broke out.]*_{SP_{Synt}}}

c. R^{ORD} 3.3

(i) {*[The shares,*]_{T_{Synt}} {*[when war broke out,]*_{SP_{Synt}} [*went up.*]_{R_{Synt}}}

(ii) *wo {*[The shares,* {*[when war broke out,]*_{SP_{Synt}} {*[which John had bought a year ago]*]_{T_{Synt}} [*went up.*]_{R_{Synt}}}

Sentence (23c-ii) is incorrect because the **SubC** separates a relative SubC from its syntactic governor, which is forbidden by the quasi-local rule 17. Cf. the correct sentence in (23c-iii):

(23) c. (iii) {*[The shares {which John had bought a year ago,}]*_{T_{Synt}}
 {*[when the war broke out,]*_{SP_{Synt}}
 [*went up immediately and reached a level never seen before.*]_{R_{Synt}}}

In all the sentences in (23), the SuperC does not implement a Them-area (but includes the R_{Synt}); in (24), the SuperC is R_{Synt}:

¹ 1. As indicated in Notations, “SuperC-” and “-SuperC” stand, respectively, for the initial and the final parts of the SuperC.

2. Constraining conditions are needed to determine the exact point of insertion for the **SubC**.

(24) a. R^{ORD} 3.1

- (i) [① {**When the war broke out,**}_①]_{SP_{Synt}}
 [② {*because production doubled,*}_②]_{T_{Synt}}
 [③ {*the stock market went up.*}_③]_{R_{Synt}}

In (24a-i), the mutual disposition of the two co-subordinated SubCs, CLAUSE₁ and CLAUSE₂, is not constrained by quasi-local clause-ordering rules.

(24) a. (ii) [{**When the war broke out**} → {*after the treaty was rejected,*}]_{SP_{Synt}}
 [{*the influenza pandemic struck.*}]_{R_{Synt}}

b. R^{ORD} 3.2

- [{*Because production doubled,*}]_{T_{Synt}}
 [{*the stock market went up*}]_{R_{Synt}} [{**when war broke out.**}]_{SP_{Synt}}

c. R^{ORD} 3.3

- [{*The stock market* [{**although war broke out**}]_{SP_{Synt}} *went up.* }]_{R_{Synt}}

R^{ORD} 4: Placement of SubC_{cR_{Synt}}

|| A circumstantial SubC that is included in an R_{Synt} Them-area is placed after its SuperC, which includes the corresponding T_{Synt}

SuperC_c T_{Synt} — **circum** → SubC_{cR} ⇔ SuperC + ... + SubC

- (25) a. ① [{*The shares* }_{T_{Synt}} [*went up the next year,* }_①]
 ② [{**when war broke out.**}_②]_{R_{Synt}}
 b. ① [{*McGuire* }_{T_{Synt}} [*bought the shares,* }_①]
 ② [{*since he had the opportunity,*}_② ③ [{**when war broke out.**}_③]_{R_{Synt}}

5.2.4. Local clause-ordering rules for syntactically non-autonomous subordinate clauses

The placement of a syntactically non-autonomous SubC is determined by the type of the surface-syntactic relation that subordinates it to a lexeme in the SuperC – not necessarily the Main Verb, as indicated above. Twelve SSyntRels can link the SuperC and its SubC:

– six surface-actantial SSyntRels – that is, **subjectival**, **pseudo-subjectival**¹, **direct-objectival**, **direct-speech-objectival**,² **indirect-objectival** and **oblique-objectival** SSyntRels;

¹ The **pseudo-subjectival** relation was called “quasi-subjectival” in previous publications. The Pseudo-Subject is the element of the clause that expresses the DSynt-actant *i* in a clause with the dummy Subject (IT in English; for instance, *It is*–[*strange*]–**pseudo-subj**→ *that John should say so*, where the subordinate clause *that John should say so* constitutes a Pseudo-Subject).

² Direct Speech

Direct Speech [DS] and Direct Speech Introdutor [DSI], or reporting clause, form two different syntactic constructions (this distinction was stated in [1, p. 1022–1023]): DS is the syntactic dependent or the syntactic governor.

- copular SSyntRel;
- comparative SSyntRel;
- relative SSyntRel;
- circumstantial SSyntRel;
- parenthetical SSyntRel;
- quasi-parenthetical SSyntRel (= subordinates a Direct-Speech Introductor).

To order the corresponding clauses rules 5–15 are needed. (Rules of this type for linearization of lexemes within English clauses can be found in [16].)

R^{ORD} 5: Placement of a subjectival SubC

|| A subjectival SubC is placed before its syntactic governor and all other dependents of the latter.

L-subjectival → SubC ⇔ SubC + ... + L*

- (26) a. ① {*That phlogiston theory was flawed*}_①
 ② {*finally became_L clear in the 1830s*}_②

The DSI is the SuperC, and the DS is its SubC.

The DS is a syntactic dependent of the Main Verb of its DSI; it is subordinated to this MV by the **direct-speech-objectival** surface-syntactic relation. Note that the DS cannot be considered as a genuine direct object of the reporting clause, since there is a semantic contrast of the type *John whispered three words* [direct object] vs. *John whispered, “Three words”* [direct-speech object]; for more, see [7, p. 218–220].

Communicatively, the DS is either the R_{Synt} or a part of the R_{Synt} of the whole sentence. The DSI is either the T_{Synt} or consists of the T_{Synt} and a part of the R_{Synt} . The only linear position available for the DS is after the DSI:

- (i) a. Q: What did McGuire say?
 [McGuire said,]_{T_{Synt}} [“The biotechnology firms are setting up their own competitors.”]_{R_{Synt}}
 b. Q: What about McGuire?

 [McGuire]_{T_{Synt}} [took the floor_{T_{Synt}} and said, “The biotechnology firms are setting up their own competitors.”]_{R_{Synt}}

The DSI is the SubC, and the DS is its SuperC.

The DSI is syntactically an adverbial, similar to a parenthetical, that depends on the DS by the **quasi-parenthetical** surface-syntactic relation: it is not a stand-alone phrase, it is omissible, carries a parenthetical prosody, and its linear position with respect to the DS is relatively free. However, it is not a genuine parenthetical: it cannot be replaced with a synonymous clause introduced by AS (*“I will not go there!”, as John said) and it is not repeatable with the same governor – unlike “normal” parentheticals.

Communicatively, the DSI is necessarily an SP_{Synt} :

- (ii) Q: What about the biotechnology firms?
 a. [“The biotechnology firms”]_{T_{Synt}} [are setting up their own competitors.”]_{R_{Synt}}
 [said McGuire, president of the Biotechnology Association.]_{SP_{Synt}}
 b. [“The biotechnology firms”]_{T_{Synt}} [said McGuire, president of the Biotechnology Association.]_{SP_{Synt}}
 [are setting up their own competitors.”]_{R_{Synt}}

- (26) b. $\textcircled{1} \{ \textit{That John insisted} \} \textcircled{1} \textcircled{2} \{ \textit{he had not been there} \} \textcircled{2}$
 $\textcircled{3} \{ \textit{amazed}_L \textit{ everybody.} \} \textcircled{3}$
 c. $\textcircled{1} \{ \textit{What John had bought last year} \} \textcircled{1}$
 $\textcircled{2} \{ \textit{later turned}_L \textit{ out to be valuable.} \} \textcircled{2}$

A SuperC can include its SubC as a necessary clausal element, like what we see in (26).

In (26b), R^{ORD}5 correctly positions CLAUSE₁; the placement of CLAUSE₂ is carried out by rule 7.1, while the correct mutual arrangement of CLAUSE₂ and CLAUSE₃ is ensured by rule 20 (non-projectivity).

R^{ORD} 6: Placement of a pseudo-subjectival SubC

|| A pseudo-subjectival SubC is placed after its syntactic governor and all other dependents of the latter.

L-pseudo-subjectival → SubC ⇔ $\overset{\nearrow}{L^*} | + \dots + \underset{\searrow}{\text{SubC}}$

- (27) a. *It amazed_L us that John left early.*
 b. (i) $\textcircled{1} \{ \textit{It is}_L \textit{ a shame} \} \textcircled{1} \textcircled{2} \{ \textit{that you speak Lushootseed so poorly.} \} \textcircled{2}$
 $\textcircled{3} \{ \textit{if we consider how much effort you've put into it.} \} \textcircled{3}$
 (ii) $\textcircled{1} \{ \textit{It is}_L \textit{ a shame.} \} \textcircled{1}$
 $\textcircled{3} \{ \textit{if we consider how much effort you've put into it.} \} \textcircled{3}$
 $\textcircled{2} \{ \textit{that you speak Lushootseed so poorly.} \} \textcircled{2}$
 c. $\textcircled{1} \{ \textit{It is}_L \textit{ strange} \} \textcircled{1} \textcircled{2} \{ \textit{how empty these paintings look now.} \} \textcircled{2}$

R^{ORD} 7: Placement of a direct-objectival SubC

|| A direct-objectival SubC is placed after its syntactic governor.

L-direct-objectival → SubC ⇔ $\overset{\nearrow}{L} + \dots + \underset{\searrow}{\text{SubC}}^1$

- (28) a. $\{ \textit{McGuire said}_L \} \{ \textit{(that) the biotechnology firms are setting up their own competitors.} \}$
 b. $\{ \textit{McGuire knows}_L \textit{ exactly} \} \{ \textit{where this data can be found} \}$
 $\textit{from his agents in Mexico.} \}$
 c. $\{ \textit{McGuire knows}_L \} \{ \textit{although he does not say so.} \}$
 $\{ \textit{where this data can be found.} \}$
 d. $\{ \textit{John married}_L \} \{ \textit{you cannot even start guessing whom.} \}$

¹ This rule does not cover such cases where a Focalized (rhetic or thematic) direct-objectival SubC precedes its syntactic governor, e.g., *Where the advantage lay, he could not have said*. Additional rules are needed to determine the mutual disposition of a clausal DirO and other actants of L.

R^{ORD} 8: Placement of a direct-speech SubC

|| A direct-speech-objectival SubC is placed after its syntactic governor and all other dependents of the latter (i.e., after the Direct-Speech Introductor).

L–direct-speech-objectival→SubC ⇔ $\overset{\nearrow}{\tilde{L}}^* \parallel + \overset{\nearrow}{\text{SubC}}$

(29) {*McGuire, the president of the Gruman Company, said_L, addressing the press:*}

{*“The biotechnology firms are setting up their own competitors.”*}

A sentence where the Direct Speech precedes the Direct-Speech Introductor, such as “*The biotechnology firms are setting up their own competitors,*” *said McGuire*, manifests a different syntactic structure: see Footnote 2, p. 42–43.

R^{ORD} 9: Placement of an indirect-/oblique-objectival SubC

|| An indirect-/oblique-objectival SubC is placed after its syntactic governor.

L–indirect-/oblique-objectival→SubC ⇔ L + ... + **SubC**

Indirect-/oblique-objectival SubCs are of two basic types: THAT-introduced SubCs and headless relatives.

(30) a. {*We are sorry_L*} {*(that) we have to leave early.*}

b. {*McGuire weighs_L in*} {*on what is wrong with our school.*}

R^{ORD} 10: Placement of a copular-complement SubC

|| A copular-complement SubC is placed after its syntactic governor.

L–copular→SubC ⇔ L + ... + **SubC**

(31) {*Kremlin’s hope is_L*} {*as the author believes,*}

{*that Ukraine will implode under weight of its economic problems.*}

R^{ORD} 11: Placement of a comparative SubC

|| A comparative SubC is placed after its SuperC (which contains the lexeme L – the syntactic governor of the SubC).

L–comparative→SubC ⇔ $\overset{\nearrow}{\text{SuperC(L)}} \mid + \dots + \overset{\searrow}{\text{SubC}}$

The right-hand side of this rule needs SuperC(L) rather than \tilde{L} , because of its SSyntS; otherwise, the SubC would be incorrectly placed after L.

(32) a. {*The service is less_L ← efficient now*} {*than it was 10 years ago.*}

b. {*The service is as_L ← efficient now*} {*as it was 10 years ago.*}

A special case of the comparative construction is the construction with **so** or **SUCH**:

- (33) a. $\{I\ am\ so_L \leftarrow tired\} \{that\ my\ eyelids\ are\ closing\ on\ their\ own.\}$
 b. $\{He\ is\ such_L \leftarrow [an]-idiot\}$
 $\{that\ you\ never\ know\ \{what\ is\ to\ be\ expected\ from\ him.\}\}$

R^{ORD} 12: Placement of a relative SubC

|| In a general case, a relative SubC is placed after its syntactic governor L and all other syntactic dependents of the latter; in a special case (according to the conditions sketched below), it is placed immediately after the whole SuperC.

Conditions $C = \begin{cases} 1) length(\mathbf{SubC}) > length(\tilde{V}_{FIN}^*); \\ 2) \text{not } L \leftarrow \text{subj} - MV_{(trans)FIN} - \text{dir-obj} \rightarrow L' \end{cases}$

$L - \text{relative} \rightarrow \mathbf{SubC} \quad \Leftrightarrow \quad \begin{array}{l} 1) \tilde{L}^* + \dots + \mathbf{SubC} \\ 2) \text{SuperC}(L) || + \mathbf{SubC} \end{array} \quad \left| \begin{array}{l} \text{not } C \\ C \end{array} \right.$

Conditions that determine the possibility or the necessity of a “separated” relative SubC are formulated here in quite an approximate way – just to stake out the problem. Rule 12.2 describes a case of allowed non-projectivity (rule 20): the arrow of the relative dependency covers the syntactic head of the SuperC.

The prosody in a relative clause depends on what it is relative to.

(34) a. R^{ORD} 12.1

The shares_L {that John had bought a year before} went up.

b. R^{ORD} 12.2 (for so-called separated relative clauses)

(i) $\{A\ system_L\ emerged\} \{that\ was\ free\ of\ these\ drawbacks.\}$

(ii) $\{Several\ topics\ are\ discussed\ there\}$

$\{that\ reflect\ the\ support\ of\ institutional\ governance.\}$

Sentences (34b-i/ii) illustrate the relevance of the heaviness (= length) of the relative SubC.

(34) b. (iii) $*w^o \{The\ system_L\ made\ serious\ mistakes,\}$

$\{that\ was\ supposed\ to\ be\ free\ of\ these\ drawbacks.\}$

Sentence (34b-iii) illustrates the impossibility of a separated relative clause following a transitive verb with its DirO.

R^{ORD} 13: Placement of a circumstantial WH-SubC that depends on a finite verb

$\mathbf{SubC} = \Psi \leftarrow \text{WH-reI} - L'_{(wh)}$ (the SubC consists of a phrase Ψ depending on a WH-word)

|| A circumstantial SubC of said type is placed after its syntactic governor.

$L_{(V)FIN} - \text{circum} \rightarrow \mathbf{SubC} \quad \Leftrightarrow \quad L_{(V)FIN} + \dots + \mathbf{SubC}$

This rule deals with a particular type of SubC: a phraseologized expression consisting of a WH-word on which depends – by a special **wh-relative** surface-syntactic relation – a finite verb (from a limited set) with its subject (from an open-ended set) and perhaps other dependents: *John lives **nobody cares where**, John left your mother wouldn't guess why*.

(35) {*John spends_L every night {**God knows where**} with his pals.*}

R^{ORD} 14: Placement of a circumstantial SubC that does not depend on a finite verb

|| A circumstantial SubC that does not depend on a finite verb is placed immediately after its syntactic governor and all its other dependents.

$L_{\text{non(V)FIN}}\text{-circum} \rightarrow \text{SubC} \quad \Leftrightarrow \quad \tilde{L}^* + \text{SubC}$

(36) {*John, the invincible jester, half an invalid_L,
{for his heart always gave him trouble},
would be the last to agree to stop.*}

R^{ORD} 15: Placement of a parenthetical/quasi-parenthetical SubC

|| A parenthetical/quasi-parenthetical SubC is placed before, after or inside its SuperC (which contains the lexeme L – the syntactic governor of the SubC)¹.

$L\text{-parenthetical/quasi-parenthetical} \rightarrow \text{SubC} \quad \Leftrightarrow$

\Leftrightarrow 1) **SubC** + ... + SuperC(L) | if [MV(SubC) is a communication/opinion verb and **topnode**(SuperC) \neq CONJ],
then **topnode**(SubC) = AS

\Leftrightarrow 2) SuperC(L) + ... + **SubC**

\Leftrightarrow 3) SuperC(L) - ... + **SubC** + ... + -SuperC(L) | **INSERT**(PARENTH, CLAUSE)

Rule 15.3 ensures the insertion of a parenthetical SubC into its SuperC. Since the conditions for the placement of a parenthetical inside its SuperC are rather complex, they are preferably united in a separate operator **INSERT**(PARENTH, CLAUSE); the elaboration of this operator is a challenging task, which cannot be tackled here.

(37) a. **R^{ORD} 15.1**

(i) {*As **McGuire reports**, {the shares went_L up.}*}

(ii) {*When, {(as) **McGuire reports**,} the shares went_L up,}
{John sold them.}*}

¹ Although communicatively a parenthetical or quasi-parenthetical SubC is a **SP_{Synt}** rule 15 cannot be subsumed under rule 3 (by considering the parentheticals as circumstantial), since the parentheticals feature specific properties – among other things, a parenthetical, unlike a circumstantial, is not introduced by a semantically full conjunction but requires the conditions for the introduction of the empty conjunction AS (cf. the condition in rule 15.1).

(37) a. (iii) *^{w0}*McGuire reports* (*Reports McGuire*), *the shares went_L up*.

Sentence (37a-iii) is ungrammatical, since it contradicts the condition.

The sentence *McGuire reports the shares went up* is possible – as the realization of a syntactic structure in which the SubC is completive – that is, the direct object of the verb REPORT with the complementizer THAT omitted. It is prosodically different from (37a-iii).

(37) a. (iv) {*These stories are not out of date*}
 {*since, {I am told,} they are_L still widely read.*}

Here the parenthetical clause *I am told* can be without AS since its SuperC is introduced by a conjunction (= SINCE).

(37) b. R^{ORD} 15.2

- (i) {*The shares went_L up,*}
 {*as McGuire reports* (*as reports McGuire*).}
- (ii) {“*I don’t_L know*”} {*McGuire said* (*said McGuire*).}

c. R^{ORD} 15.3

- (i) {*Fortunately, {McGuire reported on March 15th,*}
the shares are_L going up.}
- (ii) {*On March 15th, {(as) McGuire reports,} the shares went_L up.*}
- (iii) {“*On March 15th, {reports McGuire,} I saw_L the shares go up.*”}

5.3. Quasi-local clause-ordering rules

Local clause-ordering rules state correspondences between tree-like structures and their linear embodiments; more precisely, they determine the placement of a SubC with respect to its SuperC or to a lexical unit in the SuperC. In contrast, quasi-local and global clause-ordering rules are filters: they ban some ungrammatical and/or questionable arrangements.

Quasi-local clause-ordering rules take care of the mutual arrangement of two co-subordinated contiguous Cs – that is, two Co-SubCs that are to be positioned on the same side of their SuperC.¹

Being a filter, a quasi-local clause-ordering rule specifies the impossible mutual disposition of two Co-SubCs. An arrangement not precluded by any quasi-local rule is considered correct (at this stage: it still can be rejected by global rules, which consider the syntactic structure of the whole sentence).

¹ Two Co-SubCs can have two different governors within the same SuperC; thus, one of the Co-SubCs may depend on the MV of the SuperC, while the other depends on a different lexical element.

- avoid more than double left-branching of clauses (“left branching” is linearly positioning a SubC before its SuperC);
- avoid repeated embedding of clauses;
- avoid non-projective ordering of clauses;
- avoid ordering of clauses leading to syntactic ambiguity.

We can turn these indications into global rules 18–21, presented here informally.

R^{ORD} 18: Avoid more than double left branching of clauses

$\text{SubC}_1 \leftarrow \text{SubC}_2 \leftarrow \text{SubC}_3 \leftarrow \text{SuperC} \Leftrightarrow *^{\text{wo}} \text{SubC}_1 + \text{SubC}_2 + \text{SubC}_3 + \text{SuperC}$

- (41) a. $\textcircled{2} \{ \text{When, } \textcircled{1} \{ \text{if the war breaks out,} \} \textcircled{1} \text{ the shares go up,} \} \textcircled{2}$
 $\textcircled{3} \{ \text{we could sell them.} \} \textcircled{3}$

This sentence is somewhat clumsy, but correct because it manifests only double left branching. Note that, according to the Clause-Border Marker Condition (5.2.1), SubC_1 is considered to precede SubC_2 ; the same holds for (41b).

- (41) b. $*^{\text{wo}} \textcircled{3} \{ \text{When, } \textcircled{2} \{ \text{if } \textcircled{1} \{ \text{although everybody tried to prevent it,} \} \textcircled{1}$
 $\text{the war breaks out,} \} \textcircled{2} \text{ the shares go up,} \} \textcircled{3}$
 $\textcircled{4} \{ \text{we could sell them.} \} \textcircled{4}$

A triple left branching is disallowed; cf. the correct sentence (41c), with only double left branching (since SubC_1 is positioned to the right of its governor, SubC_2):

- (41) c. $\textcircled{3} \{ \text{When, } \textcircled{2} \{ \text{if the war breaks out,} \} \textcircled{2}$
 $\textcircled{1} \{ \text{although everybody tried to prevent it,} \} \textcircled{1}$
 $\text{the shares go up,} \} \textcircled{3} \textcircled{4} \{ \text{we could sell them.} \} \textcircled{4}$

R^{ORD} 19: Avoid double embedding of clauses

$\text{SubC}_1 \leftarrow \text{SubC}_2 \leftarrow \text{SuperC} \Leftrightarrow *^{\text{wo}} \text{SuperC} - + \text{SubC}_2 - + \text{SubC}_1 + - \text{SubC}_2 + - \text{SuperC}$

- (42) $*^{\text{wo}} \{ \text{The shares, } \textcircled{2} \{ \text{when the war, } \textcircled{1} \{ \text{after the treaty had been rejected} \} \textcircled{1}$
 $\text{broke out,} \} \textcircled{2} \text{ went up.} \}$

R^{ORD} 20: Avoid arrangements leading to disallowed non-projectivity

For instance, unlike sentence (43a), sentence (43b) is bad because of its non-projectivity:

- (43) a. $\textcircled{1} \{ \text{McGuire said} \} \textcircled{1} \textcircled{2} \{ \text{that, } \textcircled{3} \{ \text{while S.E.C. regulates filing,} \} \textcircled{3}$
 $\text{the law determines the status of clients.} \} \textcircled{2}$
- b. $*^{\text{wo}} \textcircled{3} \{ \text{While S.E.C. regulates filing,} \} \textcircled{3} \textcircled{1} \{ \text{McGuire said} \} \textcircled{1} \rightarrow$
 $\textcircled{2} \{ \text{that the law determines the status of clients.} \} \textcircled{2}$

Sentence (43b) can be grammatical – as the expression of a different SSynt-structure, where the WHILE-clause depends on SAY rather than on DETERMINE.

An interesting case of disallowed non-projectivity is the impossibility of inserting a SuperC in its SubC:

(44) *wo₁{When the war, ₂{the shares went up,}₂ broke out.}₁

However, as is well known, several situations of non-projectivity are acceptable in English syntax. Here we indicate only four of them (additional constraints are not mentioned).

Four allowed cases of non-projectivity

1) $L_{(N)}(C_1) + L_{(V, \text{ intrans})}(C_1) + C_2$ such that
 $L_{(V, \text{ intrans})}$ -**subjectival**→ $L_{(N)}$ -**relative**→ C_2

Recently a book←appeared which is a dialogue between Pope Francis and a Jewish rabbi.

2) $L_{(\text{compar})}(C_1) + L_{(A)}(C_1) + C_2$ such that
 $L_{(A)}$ -**restrictive**→ $L_{(\text{compar})}$ -**comparative**→THAN

The service is less_L←efficiently conducted now than it was 10 years ago.

3) $so(C_1) + L_{(A)}(C_1) + C_2$ such that
 $L_{(A)}$ -**restrictive**→SO-**comparative**→THAT

I am so ← tired that my eyelids are closing on their own.

4) $C_1 + C_2 + C_3$ such that C_3 -**circumstantial**→ C_1, C_2 -**dir-objectival**→ C_3
 and $MV(C_2)$ is a mental/communication verb

Although these books were published 20 years ago, John thinks→
 that they are not dated.

R^{ORD} 21: Avoid arrangements leading to syntactic ambiguity

?wo $C_1 + C_2 + C_3$ such that C_1 → C_3 and C_2 → C_3 are potentially possible.

(45) a. ?wo₁{You believe}₁{that life will love you back}₂
₃{if you love life.}₃

This sentence is ambiguous in the written text (orally, prosody allows for disambiguation): C_3 can depend either on C_1 or C_2 , both interpretations making perfect sense. Therefore, the following arrangements are preferable:

(45) b. ₃{if you love life,}₃←₁{you believe}₁
₂{that life will love you back.}₂

- c. $\begin{matrix} \textcircled{1} \{You\ believe,\} \textcircled{1} \rightarrow \textcircled{3} \{if\ you\ love\ life,\} \textcircled{3} \\ \textcircled{2} \{that\ life\ will\ love\ you\ back.\} \textcircled{2} \end{matrix}$
- d. $\begin{matrix} \textcircled{1} \{You\ believe,\} \textcircled{1} \textcircled{2} \{that,\} \textcircled{3} \{if\ you\ love\ life,\} \textcircled{3} \leftarrow \\ \textcircled{2} \{life\ will\ love\ you\ back.\} \textcircled{2} \end{matrix}$

To these four global rules, at least one other has to be added, taking into account the Synt-Them-structure.

R^{ORD} 22: Avoid arrangements in which an R_{Synt} linearly divides a T_{Synt} (of the same level) or vice versa

$*w_0 C_1 + C_2 + C_3$ such that C_1 and C_3 belong to $T_{\text{Synt}}/R_{\text{Synt}}$, and C_2 belongs to $R_{\text{Synt}}/T_{\text{Synt}}$.

- (46) a. (i) $\begin{matrix} \textcircled{1} \{[The\ shares]_{T(T)_{\text{Synt}}} [went\ up,]_{R(T)_{\text{Synt}}}\} \textcircled{1} \\ \textcircled{2} \{[although\ funds\ were\ not\ available,]_{SP(T)_{\text{Synt}}}\} \textcircled{2}]_{T_{\text{Synt}}} \\ \textcircled{3} \{[when\ the\ war\ broke\ out,]_{R_{\text{Synt}}}\} \textcircled{3} \end{matrix}$
- (ii) $*w_0 \begin{matrix} \textcircled{1} \{[The\ shares]_{T(T)_{\text{Synt}}} [went\ up,]_{R(T)_{\text{Synt}}}\} \textcircled{1} \\ \textcircled{3} \{[when\ the\ war\ broke\ out,]_{R_{\text{Synt}}}\} \textcircled{3} \\ \textcircled{2} \{[although\ funds\ were\ not\ available,]_{SP(T)_{\text{Synt}}}\} \textcircled{2}]_{T_{\text{Synt}}} \end{matrix}$

Sentence (46a-ii) is grammatical as an expression of a different Them-structure, $CLAUSE_1$ being T_{Synt} , $CLAUSE_2 - R_{\text{Synt}}$, and $CLAUSE_3 - SP_{\text{Synt}}$.

- (46) b. (i) $\begin{matrix} \textcircled{1} \{[That\ John\ insisted]_{\textcircled{1}} \textcircled{2} [he\ had\ not\ been\ there]_{\textcircled{2}}\} \textcircled{1}]_{T_{\text{Synt}}} \\ \textcircled{3} \{[amazed_L\ everybody,]_{\textcircled{3}}\} \textcircled{3}]_{R_{\text{Synt}}} \end{matrix}$
- (ii) $*w_0 \begin{matrix} \textcircled{1} \{[That\ John\ insisted]_{\textcircled{1}} \textcircled{3} \{[amazed_L\ everybody]_{\textcircled{3}}\} \textcircled{3} \} \textcircled{1}]_{R_{\text{Synt}}} \\ \textcircled{2} \{[he\ had\ not\ been\ there,]_{\textcircled{2}}\} \textcircled{2}]_{T_{\text{Synt}}} \end{matrix}$

Unlike T_{Synt} and R_{Synt} , an SP_{Synt} can interrupt the expressions of other Them-areas:

- (47) $\begin{matrix} \{[The\ service, \{[although\ the\ government\ denies\ it,]_{SP_{\text{Synt}}}\} \\ is\ less\ efficient\ now]_{T_{\text{Synt}}} [than\ it\ was\ 10\ years\ ago,]_{R_{\text{Synt}}}\} \end{matrix}$

6. Applying clause-ordering rules: an illustration

To illustrate our rules, we will examine two rather complex sentences. These illustrations present:

- the sentence S to be synthesized, with the division into clauses and Synt-Them-areas specified;
- a schema of syntactic links between clauses of S , where each clause is supplied with an explicit indication of its position with respect to Synt-Them-areas and each link, with the number of the rule applied to it;
- the $SSyntR$ of S , with a partial Synt-ThemS (without showing the internal Them-division, where it is immaterial);

- the list of rules relevant for constructing S ;
- the final string of clauses that compose S .

Example 1

(48) [①{McGuire said}①]_{T_{Synt}}
 [②{that, [③{while [the S.E.C.]_{T(SP(R))_{Synt}} [regulates]③
 ④{who files,}④]_{R(SP(R))_{Synt}} SP(R)_{Synt} [the law]_{T(R)_{Synt}} [tells them]②
 ⑤{when they can do so.}⑤]_{R(R)_{Synt}}]_{R_{Synt}}

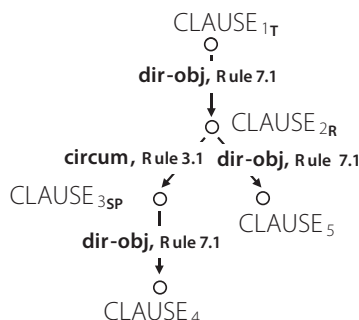

Fig. 6. The schema of syntactic links between clauses of sentence (48)

Fig. (7) – the SSyntR of sentence (48) – is given on the next page.

The application of clause-ordering rules in sentence (48)

CLAUSE₁–**dir-obj**→CLAUSE₂: R^{ORD} 7.1 gives the arrangement CLAUSE₁ + CLAUSE₂.

CLAUSE₂–**circum**→CLAUSE₃: R^{ORD} 3.1 gives the arrangement CLAUSE₃ + CLAUSE₂, which leads to a conflict: should CLAUSE₃ be positioned before CLAUSE₁, which is followed by CLAUSE₂, or between the two – that is, immediately before CLAUSE₂? The answer comes from a global clause-ordering rule, R^{ORD} 20, which forbids arrangements leading to non-projectivity. In this case, the interposition of CLAUSE₁ results in non-allowed non-projectivity:

*^{wo}CLAUSE₃ + CLAUSE₁ + CLAUSE₂.

The resulting correct arrangement is CLAUSE₁ + CLAUSE₃ + CLAUSE₂¹.

R^{ORD}3.2 and R^{ORD} 3.3 are also applicable, producing two more variants of clause ordering.

CLAUSE₃–**dir-obj**→CLAUSE₄: R^{ORD} 7.1 gives CLAUSE₃ + CLAUSE₄; CLAUSE₄ follows CLAUSE₃ and precedes CLAUSE₂. The incorrect arrangement *^{wo}CLAUSE₃ + CLAUSE₂ + CLAUSE₄ is banned by the same global rule as above: R^{ORD}

¹ Taking into account the Clause-Border Marker Condition, CLAUSE₃ is placed after the conjunction THAT, which is part of CLAUSE₂.

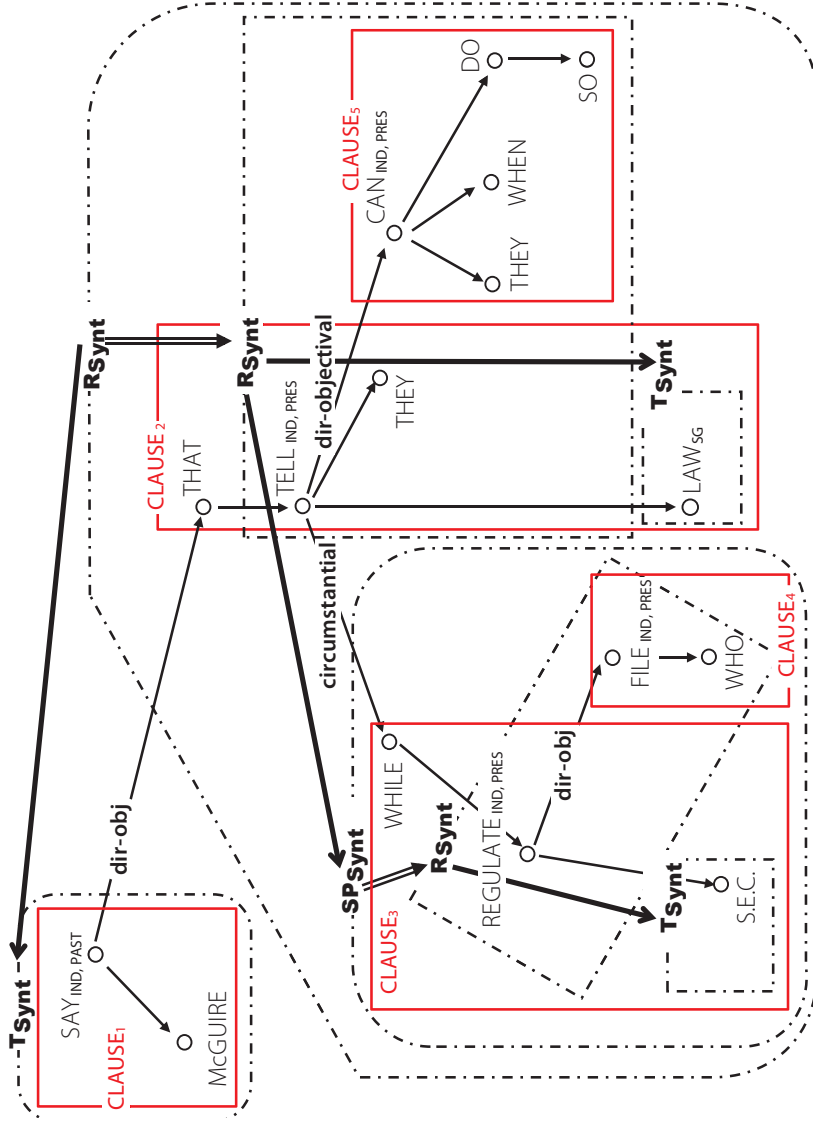

Fig. 7. A simplified surface-syntactic representation of sentence (48)

20; the correct arrangement is $\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_3 + \text{CLAUSE}_4 + \text{CLAUSE}_2$.
 $\text{CLAUSE}_2\text{-dir-obj} \rightarrow \text{CLAUSE}_5$: $R^{\text{ORD}} 7.1$ gives $\text{CLAUSE}_2 + \text{CLAUSE}_5$.

The final result is $\boxed{\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_3 + \text{CLAUSE}_4 + \text{CLAUSE}_2 + \text{CLAUSE}_5}$.

Example 2

(49) $[[\textcircled{1}\{\textit{Though twenty years have passed}\}\textcircled{1}]_{R(\text{SP1})_{\text{Synt}}}$
 $[\textcircled{2}\{\textit{since these stories were written,}\}\textcircled{2}]_{T(\text{SP1})_{\text{Synt}}}]_{\text{SP1}_{\text{Synt}}}$
 $[\textcircled{3}\{\textit{I think}\}\textcircled{3}]_{\text{SP2}_{\text{Synt}}} \textcircled{4}\{\{\textit{they}\}\}_{T_{\text{Synt}}} [\textit{are not out of date,}]_{R_{\text{Synt}}}\textcircled{4}$
 $[\textcircled{5}\{\textit{since, } [\textcircled{6}\{\textit{I am told,}\}\textcircled{6}]_{\text{SP}(\text{SP3})_{\text{Synt}}} [\textit{they}\}_{T(\text{SP3})_{\text{Synt}}} [\textit{have been}$
 $\textit{required reading for the Department's personnel.}]_{R(\text{SP3})_{\text{Synt}}}\textcircled{5}]_{\text{SP3}_{\text{Synt}}}$

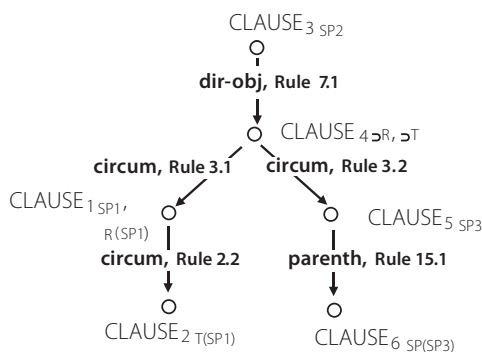

Fig. 8. The schema of syntactic links between clauses of sentence (49)

Fig. (9) – the SSyntR of sentence (49) – is given on the next page.

The Application of Clause-Ordering Rules in Sentence (49)

$\text{CLAUSE}_1\text{-circum} \rightarrow \text{CLAUSE}_2$: $R^{\text{ORD}} 2.2$ gives $\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_2$. ($R^{\text{ORD}} 2.1$ is also applicable and produces another possible variant: $\text{CLAUSE}_2 + \text{CLAUSE}_1$; recall that if a Sub-clause C_α has to precede its Super-clause C_β introduced by a conjunction, C_α is linearly positioned immediately after this conjunction: 5.2.1, Clause-Border Marker Condition.)

$\text{CLAUSE}_4\text{-circum} \rightarrow \text{CLAUSE}_1$: $R^{\text{ORD}} 3.1$ gives $\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_4$. ($R^{\text{ORD}} 3.2$ and $R^{\text{ORD}} 3.3$ are also applicable.) CLAUSE_4 can be positioned either immediately after CLAUSE_1 (thus preceding CLAUSE_2), or after CLAUSE_2 . The arrangement $*\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_4 + \text{CLAUSE}_2$ is precluded by global rule $R^{\text{ORD}} 20$ (forbidden non-projectivity); the remaining correct string is $\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_2 + \text{CLAUSE}_4$.

$\text{CLAUSE}_3\text{-dir-obj} \rightarrow \text{CLAUSE}_4$: $R^{\text{ORD}} 7.1$ gives $\text{CLAUSE}_3 + \text{CLAUSE}_4$. As a result, we obtain three alternative strings:

- 1) either $\text{CLAUSE}_3 + \text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_2 + \text{CLAUSE}_4$;
- 2) or $\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_3 + \text{CLAUSE}_2 + \text{CLAUSE}_4$;
- 3) or $\text{CLAUSE}_1 + \text{CLAUSE}_2 + \text{CLAUSE}_3 + \text{CLAUSE}_4$.

Arrangement 2 is precluded by global rule $R^{ORD} 20$ (non-projectivity); both arrangements 1 and 3 are possible.

$CLAUSE_4$ —**circum**→ $CLAUSE_5$: $R^{ORD} 3.2$ gives $CLAUSE_4 + CLAUSE_5$. ($R^{ORD} 3.1$ and $R^{ORD} 3.3$ are also applicable.)

$CLAUSE_5$ —**parenth**→ $CLAUSE_6$: $R^{ORD} 15.1$ gives $CLAUSE_6 + CLAUSE_5$. ($R^{ORD} 15.2$ is also applicable.)

Two final orderings are as follows (the second one coinciding with sentence (49)):

$CLAUSE_3 + CLAUSE_1 + CLAUSE_2 + CLAUSE_4 + CLAUSE_6 + CLAUSE_5$

$CLAUSE_1 + CLAUSE_2 + CLAUSE_3 + CLAUSE_4 + CLAUSE_6 + CLAUSE_5$

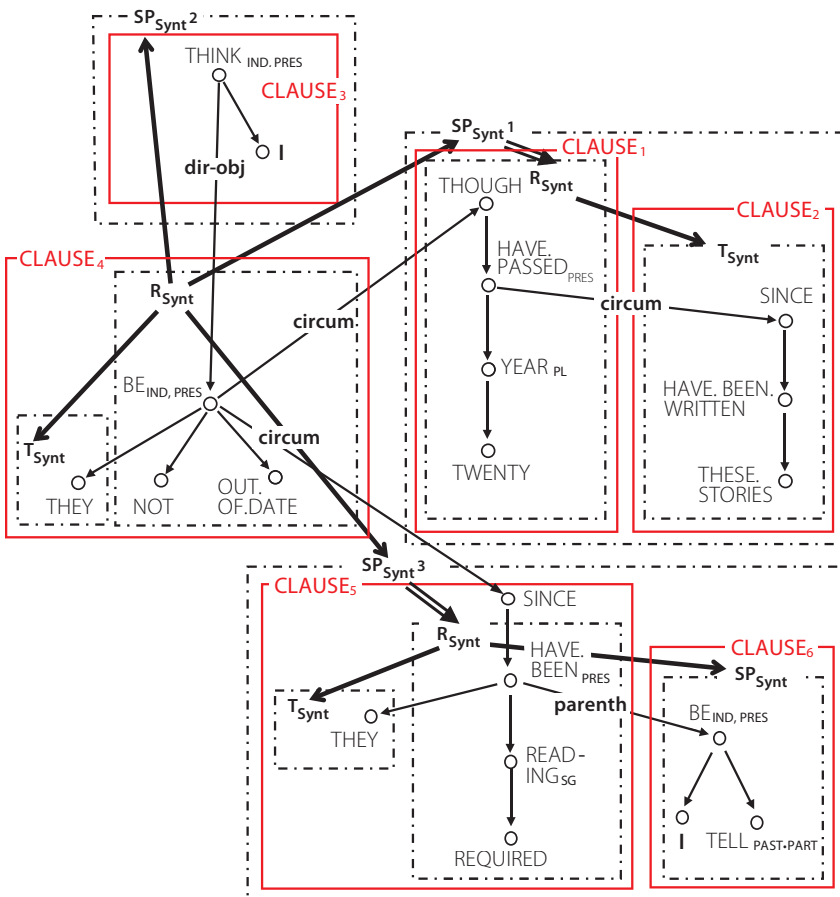

Fig. 9. A simplified surface-syntactic representation of sentence (49)

As one can see, the placement of circumstantial and parenthetical specifier clauses allows for considerable variance, some of it (more or less) free, and some under the control of several additional factors. Thus, two heavy specifiers are not welcome at the same edge of the sentence; a contextually-bound specifier is preferred at the beginning; a very light specifier is dispreferred at the end of the sentence; such phraseologized specifiers as, for instance, *what is even more surprising*, tend to be anteposed; etc. Further rules are required to take care of these cases.

7. Conclusions

Rounding up our exposition, we would like to attract the reader's attention to four important linguistic facts that our study has shed some light upon.

1. From the viewpoint of their linear placement, subordinate clauses are of two types: syntactically autonomous clauses, which are placed with respect to their superordinate clause as a whole; and syntactically non-autonomous clauses, placed with respect to a lexeme in their superordinate clause. A subordinate clause of the first type is a circumstantial clause, and it is introduced by a semantically full conjunction; its placement is determined by the Synt-Thematic structure of the sentence. For the placement of the second-type subordinate clauses the thematic structure of the sentence is much less relevant: syntax takes care of it.

2. As is well known, the syntactic and communicative organization of a sentence do not necessarily coincide; they need not even be isomorphic. But their divergence reaches its peak at the level of complex sentence: the borders of clauses frequently do not coincide with the borders of communicative – in our case, thematic – areas. A clause inside a complex sentence can constitute a whole thematic area, be a part of a thematic area, contain a thematic area, or be distributed between two thematic areas. This phenomenon essentially affects the ordering of simple clauses.

3. Along with the Theme and the Rheme, the Specifier proved to be a relevant Thematic notion.

4. Rules for ordering simple clauses within complex sentences are organized in three groups: local, quasi-local, and global, which corresponds to the organization of the rules for word order within simple clauses. This fact seems to indicate that the order of various components of the sentence is controlled by factors of “triple” nature, identical for wordforms, phrases and clauses.

As for the perspectives of further studies, two trends are obvious:

- On the one hand, developing and sharpening the description of each particular construction, covered by our rules. The linguistic phenomena that need to be accounted for include, in the first place, semantic considerations

- (different types of Circumstantials), other communicative categories (for instance, Givenness and Focalization), and heaviness of clauses.
- On the other hand, looking for better generalizations, trying to find a common shape for rules that deal with the ordering of words and phrases within clauses and for rules that work with clauses within complex sentences.

References

1. A Comprehensive Grammar of the English Language / Quirk R. e.a. London/ NY, 1991.
2. Bohnet B., Burga A., Wanner L. Towards the annotation of Penn Tree Bank with information structure // Proceedings of the Sixth International Joint Conference on Natural Language Processing. Nagoya, 2013. P. 1250–1256.
3. Contrasts and Positions in Information Structure / Kučerová I., Neeleman A. (eds.). Cambridge, 2012.
4. Diessel H. Iconicity of sequence: A corpus-based analysis of the positioning of temporal adverbial clauses in English // Cognitive Linguistics. 2008. № 19 (3). P. 465–490.
5. Firbas J. Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication. Cambridge, 1992.
6. Iordanskaja L. Structure communicative de l'énoncé dans la génération automatique du texte // TA-TAO: recherches de pointe et applications immédiates / Clas A., Bouillon P. (eds.). Beyrouth, 1994. P. 275–286.
7. Iordanskaja L., Mel'čuk I. Establishing an inventory of surface-syntactic relations: valence-controlled surface-syntactic dependents of the verb in French // Dependency in Linguistic Description / Polguère A., Mel'čuk I. (eds). Amsterdam/Philadelphia, 2009. P. 151–234.
8. Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive parenthetical verbs in Russian // Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory, Barcelona, September 8–9 2011. Barcelona, 2011. P. 120–133.
9. Lee Ch.-B. The information status of English *if*-clauses in natural discourse // Language Research. 2001. № 37 (3). P. 483–505.
10. Mel'čuk I. Communicative Organization in Natural Language. The Semantic-Communicative Structure of Sentences. Amsterdam/Philadelphia, 2001.
11. Mel'čuk I. Dependency in Language // Dependency Linguistics / Gerdes K., Hajičová E., Wanner L. (eds.). Amsterdam/Philadelphia, 2014. P. 1–32.
12. Mel'čuk I. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia, 2012.
13. Mel'čuk I. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia, 2013.
14. Mel'čuk I. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 3. Amsterdam/Philadelphia, 2015.
15. Mel'čuk I. Word order in Russian // Слово и язык: Сб. ст. к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Под ред. И. Богуславского, Л. Иомдина, Л. Крысина. М., 2011. С. 499–525.
16. Mel'čuk I., Pertsov N. Surface Syntax of English. A Formal Model within Meaning-Text Framework. Amsterdam/Philadelphia, 1987.

17. Polguère A. Remarques sur les réseaux sémantiques Sens ↔ Texte // *Le mot, les mots, les bons mots* / Clas A. (ed.). Montréal, 1992. P. 109–148.
18. Кручинина И.Н. Сложное предложение: Введение // *Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. II. С. 461–467.
19. Падучева Е.В. О порождении сложного предложения из простых // *Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам* / Под ред. Д.А. Бочвара, Ю.А. Шрейдера. М., 1972. С. 59–78.

С.С. Малышева, И.Н. Коноплева

Основные особенности структурной организации телескопических производных в английском лексическом субстандарте

Телескопия в современном английском лексическом субстандарте становится все более популярным способом словообразования. Анализ теоретических источников позволил авторам уточнить определения ключевых понятий. С помощью метода структурного анализа по составляющим компонентам подробно описаны основные словообразовательные модели телескопических производных в английском лексическом субстандарте, подкрепленные значительным количеством примеров. Конкретные выводы об основных особенностях структурной организации телескопических производных в английском лексическом субстандарте основаны на использовании метода количественного подсчета.

Ключевые слова: лексический субстандарт, телескопическая производная, полные телескопизмы, частичные телескопизмы, гаплогогические телескопизмы, компонент, фрагмент, словообразовательная модель.

Среди ученых-германистов не ослабевают интерес к процессам словообразования в сниженной лексике английского языка. Ускоренный ритм современной жизни требует передачи информации за более короткий период времени. В этой связи новообразования, представляющие собой усеченные компоненты исходных элементов сложных слов и словосочетаний, фиксируются в словарях англоязычного субстандарта все чаще. В частности, в восьмом издании словаря Э. Партриджа «A Dictionary of Slang and Unconventional English» (1984) исследуемые лексические единицы составляют менее 0,01% от общего количества, в то время как в электронном словаре сниженной лексики «Urban Dictionary» (2015) уже 4,6%. Столь значительное увеличение количества рассматриваемых единиц наглядно свидетельствует об актуальности проводимого исследования.

Вслед за В.П. Коровушкиным под лексическим субстандартом мы понимаем «самостоятельный, исторически сложившийся фрагмент лексики английского языка национального периода – упорядоченное и структурированное иерархическое целое, включающее в себя социально

и профессионально детерминированные речевые микросистемы и стилистически сниженные лексические элементы» [3, с. 223–224].

Описываемые в статье новообразования представляют собой результат сложных словообразовательных процессов, интерес к которым проявляют многие лингвисты. Вследствие этого развивается несколько подходов к их исследованию. На сегодняшний день отсутствует даже единый общепринятый термин для обозначения рассматриваемого в статье явления.

Наиболее часто в работах зарубежных филологов можно встретить следующие названия: *portmanteau word*, *portmanteau*, *blend-word*, *amalgam word*, *amalgam form*, *fusion word*, *fusion*, *composite word*, *conflation*, *telescope word*, *telescoped word*, *hybrid*, *analogical neologism*, *brunch word*, *word blending*, *contamination*, а также шуточные *suitcase word*, *timanteau word* (соединение двух основ – *time* и *portmanteau*). В отечественной лингвистической литературе используются следующие обозначения: слова-спайки (Н.Н. Амосова), вставки (И.М. Берман), телескопы, телескопные слова (В.М. Лейчик), слова-слитки (С.В. Воронин), слова-амальгамы (И.Р. Гальперин), контаминанты (Л.И. Полякова) и т.д. Сам способ образования новых производных называют словослиянием (Ю.К. Волошин), вставочным словообразованием (И.М. Берман), вставочным словослиянием (А.П. Соколенко), контаминацией (К.Л. Егорова) [6, с. 7].

В нашем исследовании мы постарались максимально учесть спонтанный характер изучаемых новообразований, поэтому под телескопической производной, вслед за А.Н. Шевелевой, мы понимаем номинативную моделируемую единицу, образованную, как правило, из двух возможным наложением и вставками морфов, а также с сохранением акцентно-слоговой структуры одного из исходных слов, взятого в качестве морфологического образца [9, с. 5]. Тем не менее, установление акцентно-слоговой структуры телескопических производных представляет собой трудноразрешимую проблему по причине отсутствия в рассматриваемых словарях соответствующих помет.

Целью настоящей статьи является анализ и выявление особенностей структурных отношений между компонентами телескопических производных в английском лексическом субстандарте.

Материалом статьи послужили 292 лексические и лексико-фразеологические единицы, полученные методом сплошной выборки из словарей субстандартной лексики английского языка Л.В. Берри, М. ван Ден Барка, Э. Партриджа и электронного словаря «Urban Dictionary». В исследовании, помимо метода сплошной выборки, были использованы также метод структурного анализа по составляющим компонентам

и метод количественного подсчета. В нашей работе словарные статьи приводятся с некоторыми сокращениями, не нарушающими смысла.

Проблеме структурного анализа телескопических производных посвящены труды отечественных и зарубежных лингвистов, например, Т.Н. Астафуровой, Т.А. Золотаревой, Л.А. Липилиной, О.Н. Сухоруковой, Л.А. Тарасовой, J. Algeo, S. Kemmer и других. Однако, несмотря на значительное количество работ, описывающих структурные особенности телескопических производных, на сегодняшний день нет специального исследования телескопических производных в субстандартной лексике английского языка. В основу нашей работы положен метод, предложенный Т.А. Золотаревой с некоторыми изменениями и дополнениями [2, с. 91–94]. Согласно концепции исследователя, мы рассматриваем телескопические производные, состоящие из двух компонентов, и выделяем три основных типа: полные телескопизмы, частичные телескопизмы и гаплогогические телескопизмы. Для наглядности, первая основа обозначается буквосочетанием АВ, где А – начальный фрагмент первого компонента, В – его конечный фрагмент; вторая основа обозначается CD, где С – начальный фрагмент второго компонента, D – его конечный фрагмент; телескопическая производная, следовательно, представляет собой формулу $AB + CD = \dots$.

Полные телескопизмы – это новообразования, полученные в результате слияния двух основ, каждая из которых усечена. При этом усечение может быть начальным или финальным. Таким образом, выделяются следующие модели.

Модель 1.1. Усечению подвергаются конечный фрагмент первого компонента и начальный фрагмент второго ($AB + CD = AD$), например:

- *charmedian* (*charming* + *comedian*) a charming comedian [11];
- *cheeribye* (*cheerio* + *goodbye*) good-bye [15];
- *dosh* (*dollars* + *cash*) money, esp. cash [Там же];
- *trog* (*trudge* + *slog*) to walk; depart [Там же];
- *wikidemia* (*Wikipedia* + *academia*) an academic work passed off as scholarly yet researched entirely on Wikipedia [16].

Модель 1.2. Усечению подвергаются начальные фрагменты обоих компонентов ($AB + CD = BD$):

- *net lag* (*Internet* + *jetlag*) a feeling like jetlag that happens after you use your computer after sunset and the bright backlight tricks your body into thinking it's still daytime [16];
- *tooty* (*hoity-toity* + *snooty*) supercilious, superior [15].

Частичные телескопизмы – это производные новообразования, представляющие собой результат слияния одного полного компонента и фрагмента другого компонента. Этот тип представлен следующими моделями.

Модель 2.1. Усечению подвергается конечный фрагмент первого компонента ($AB + CD = ACD$):

- *aboliar* (*aborigine + liar*) a regular writer on Aborigine lore or of Aborigine stories [Там же];
- *interweb* (*Internet + web*) a sarcastic term for the internet. Often used in the context of parody regarding an inexperience, unskilled, or incoherent user [16];
- *Naussie* (*New + Aussie*) a New Australian (esp. a recent migrant from Europe) [Там же];
- *prostiboots* (*prostitute + boots*) boots that are leather, highheeled, and thigh high just like ones found on a prostitute [Там же].

Модель 2.2. Усечению подвергается начальный фрагмент второго компонента ($AB + CD = ABD$):

- *boop* (*boo + weep*) making a fuss about a trifle [15];
- *leanover* (*lean + hangover*) a small-sized hangover, usually comes with merely a mild headache, a vague fatigue, and little or no sense of regret and/or shame [16];
- *neighbornet* (*neighbor + Internet*) what you get when you connect to your neighbor's wireless (or wired, for that matter) internet, with or without his or her knowledge [Там же];
- *obamanomics* (*Obama + economics*) a static economic state in the U.S., where unemployment remains high, gross domestic product remains below a normal median curve, the treasury continues to deflate the dollar by printing more money and President Obama continues to be an anti capitalist in his economic approach [Там же];
- *snowpocalypse* (*snow + apocalypse*) when weathermen predict large amounts of snowfall in a short period of time [Там же].

Модель 2.3. Усечению подвергается начальный фрагмент первого компонента ($AB + CD = BCD$):

- *netglow* (*Internet + glow*) as in Brad Paisley's song «Online», when someone is «so much cooler on-line» that in person [Там же];
- *sapiosexual* (*homo sapiens + sexual*) one who finds intelligence the most sexually attractive feature [16].

Гаплоглогические телескопизмы – производные, полученные в результате частичного наложения фрагмента одного компонента на фрагмент другого. В данном типе традиционно выделяются две модели.

Модель 3.1. Телескопические производные, образованные наложением некоторых букв/звуков в месте соединения, при этом один из компонентов усечен ($AB + CD = AOD$, где O – общий элемент). В данной модели выделяется несколько разновидностей:

а) усечению может подвергаться начальный фрагмент второго компонента, например:

- *harassenger* (*harass* + *passenger*) a passenger who is constantly on your ass about your driving skills. He/she constantly cautions you to keep a safe distance from the car in front of you, checks that you're obeying the speed limit, and is always quick to point out your navigational errors [Там же];
- *kittenality* (*kitten* + *personality*) cats aren't people so they don't have personalities. No matter what their ages, there's always a little kittenality in each of them [Там же];
- *nillionaire* (*nill* + *millionaire*) a person without any money of their own [16];

в) усечению подвергается конечный фрагмент первого компонента, например:

- *econnoisseur* (*economic* + *connoisseur*) one who insists on the highest quality at the lowest price [Там же];
- *internest* (*Internet* + *nest*) the concoction of blankets, pillows, duvets, and comfy things you gather around yourself to keep warm whilst spending long amounts of time on the internet [Там же];
- *maniston* (*manish* + *Aniston*) a term used in the celebrity gossip community to denote Jennifer Aniston and her manish appearance. Used in a derogatory manner by those who dislike her [Там же].

с) усечению подвергаются конечный фрагмент первого компонента и начальный фрагмент второго, например:

- *obamunism* (*Obama* + *communism*) the high-tax, big government, economic growth-killing, centrally planned economic regime favored by Barack Hussein Obama; essentially the same as Communism and Socialism [16];
- *squattage* (*squatter* + *cottage*) a squatter's station; his homestead [15];
- *Vatication* (*Vatican* + *vacation*) when the Pope abdicates the Chair (cathedra) of Peter before his natural death, the Emeritus Pope is said to be on permanent Vatication. Vatication is like the ultimate staycation, since it is a vacation in the Vatican taken on a permanent basis by Emeritus Pope [16].

Модель 3.2. В производной лексической единице полностью представлены оба компонента, при этом конечный фрагмент первого наложен на начальный фрагмент второго. Наглядно эта модель выражена формулой $AB + CD = AO_1D$, где O_1 – это совпадающий фрагмент обоих компонентов, то есть $B = C$. Например:

- *devillain* (*devil* + *villain*) [11];
- *guitarthritis* (*guitar* + *arthritis*) the medical condition causing pain in the wrists after playing guitar hero for an extended amount of time [16];

- *obamania* (*Obama* + *mania*) the national obsession with Senator Barack Obama [Там же];
- *vidiot* (*video* + *idiot*) a constant., mindless looker-in at TV [15].

Последний пример свидетельствует о возможных орфографических изменениях в процессе телескопического словообразования.

Метод количественного подсчета позволяет сделать следующие выводы о структурной организации телескопических производных в английском лексическом субстандарте.

1. Наиболее многочисленными являются полные телескопизмы, образованные по формуле $AB + CD = AD$, которые насчитывают 24,5% выборки.

2. Гаплогические телескопизмы, образованные по формуле $AB + CD = AOD$, составляют 17,4% выборки.

3. На долю частичных телескопизмов, образованных по формуле $AB + CD = ABD$, приходится 15,3% от выборки.

4. Частичные телескопизмы, образованные по формуле $AB + CD = ACD$, насчитывают 6,4%.

5. Гаплогические телескопизмы, образованные по формуле $AB + CD = AO_1D$, составляют 6%.

6. Реже других фиксируются полные телескопизмы, образованные по формуле $AB + CD = BD$ (0,7%), и частичные телескопизмы, образованные по формуле $AB + CD = BCD$ (0,7%).

Другой вопрос, заслуживающий изучения, – это частеречная принадлежность телескопических производных и анализ словообразовательных моделей, характерных для англоязычного лексического субстандарта. Согласно определению Е.С. Кубряковой, модель производного слова представляет собой «единую для словообразовательного ряда схему его организации, учитывающую как характер компонентов производного, так и порядок их расположения, т.е. модель производного – это наиболее общая формула однотипных образований, это их структурно-семантический аналог» [5, с. 368]. Проведенное исследование показало, что телескопические производные, образованные в английском лексическом субстандарте, относятся к разным частям речи, с заметным преобладанием существительных (70,5%). Выявлены следующие модели их образования.

Модель 1. $N + N = N$:

- *autografan* (*autograph* + *fan*) a «fan» who collects celebrities' autographs [11];
- *pojam* (*poem* + *jam*) a poem set as an exercise [15];
- *toiletry* (*toilet* + *poetry*) a subdefinition of poetry. Toiletry is a version of poetry specifically dedicated to toilet topics, such as feces, urine, vomit, or

other general activities that take place in a bathroom or other venues for such activities, such as sexual intercourse, lunch, laptop movies, homework, among others) [16].

Модель 2. Adj + N = N:

- *chronoptimist* (*chronic* + *optimist*) a person who always underestimates the time necessary to do something or get somewhere [Там же];
- *econnoisseur* (*economic* + *connoisseur*) one who insists on the highest quality at the lowest price [Там же];
- *orientalent* (*oriental* + *talent*) [11].

Модель 3. V + N = N:

- *farticles* (*fart* + *particles*) the particles of air contaminated after someone or something lets out gas [16];
- *harassenger* (*harass* + *passenger*) a passenger who is constantly on your ass about your driving skills. He/she constantly cautions you to keep a safe distance from the car in front of you, checks that you're obeying the speed limit, and is always quick to point out your navigational errors [Там же];
- *swilge* (*swill* + *bilge*) weak, black, instant coffee, with just enough sugar to render it tasteless [15].

Модель 4. N + V = N:

- *liptease* (*lipstick* + *tease*) the act of putting on lipstick suggestively; the oral equivalent of a striptease [16];
- *microwait* (*microwave* + *wait*) consequence of the lunchtime rush for the microwave in corporate settings [Там же];
- *voluntease* (*volunteer* + *tease*) a well intentioned person who repeatedly agrees to do some type of charity work, but ultimately does not follow through with the commitment, often with an excuse at the last moment [Там же].

Модель 5. Adv + N = N:

- *neargasm* (*near* + *orgasm*) the frustrated feeling of being on the brink of something fantastic but never actually tasting that satisfaction [Там же];
- *neverendum* (*never* + *referendum*) the act of putting a referendum initiative on the ballot over and over, on the theory that voters will eventually support the proposition because they don't want to hear about it anymore [Там же].

Модель 6. Prep + N = N:

- *umbrella* (*unlike* + *umbrella*) an umbrella turned inside out by forceful wind [16];
- *uncyclopedia* (*unlike* + *encyclopedia*) parody site of Wikipedia [Там же].

Модель 7. Pref + N = N:

- *ubermas* (*uber* + *Christmas*) a holiday that some on the Real Life Super Villain community choose to advertise and follow instead of the usual Christmas tradition [Там же];

- *unsult* (*un* + *insult*) an insult disguised as a compliment, originating from The Simpsons episode Father Knows Worst [Там же];
- *xenocide* (*xeno* + *genocide*) the act of a member of one species purposefully causing the extinction of another species [Там же].

Модель 8. Pronoun + N = N:

- *youniverse* (*you* + *universe*) the entirety of creation that relates to one specific, narcissistic individual [Там же].

Модель 9. Adj + Adj = N:

- *forggy* (*forgetful* + *foggy*) a dim-wit [15];
- *swiftie* (*swift* + *fast*) an illegal trick [Там же].

Модель 10. V + V = N:

- *hassle* (*haggle* + *tussle*) a fuss, a disagreement, a row; a hullabaloo [Там же];
- *wump* (*whack* + *clump*) a hard blow [Там же].

На долю глаголов приходится 14,8% выборки, которые образованы по следующим моделям.

Модель 1. V + V = V:

- *argufy* (*argue* + *signify*) to signify [Там же];
- *gues(s)time* (*guess* + *estimate*) to calculate approximately [16];
- *sweedle* (*swindle* + *wheelde*) to trick with cajolery [15].

Модель 2. V + N = V:

- *introdouche* (*introduce* + *douchebag*) the way in which a douchebag would go about introducing his/her self [16];
- *urimate* (*urinate* + *mate*) the act of holding your mate penis while he urinates [Там же].

Модель 3. N + V = V:

- *niffle* (*niff* + *sniffle*) to smoke [15];
- *cornstalk* (*the Cornmarket* + *stalk*) to parade along ‘The High’, round ‘The Corn’, up ‘The Broad’ and back *via* ‘The Turl’ [Там же];
- *obaminate* (*Obama* + *eliminate*) to eliminate, cut out, as if to surgically remove a person, friend, associate or crony from one’s life [16].

Модель 4. Pref + V = V:

- *pregret* (*pre* + *regret*) the feeling of regretting something you’re about to do anyway [Там же];
- *presponse* (*pre* + *response*) to respond to a question before it is finished, often confusing the asker [16].

Модель 5. Adj + V = V:

- *agronoy* (*aggressive* + *annoy*) to annoy; to irritate [15];
- *aggrovoke* (*aggressive* + *provoke*) to annoy; to irritate [Там же].

Модель 6. V + Adj = V:

- *splarm* (*splurge* + *smarmy*) to smear [Там же].

Модель 7. Pronoun + N = V:

- *iPhone* (*you* + *iPhone*) borrowing someone's iPhone to use for yourself [16].
14,2% составляют имена прилагательные, образованные по следующим моделям.

Модель 1. Adj + Adj = Adj:

- *doomy* (*doom-laden* + *gloomy*) very depressed and discouraged; dismal [15];
- *drizzerable* (*drizzling* + *miserable*) unpleasantly damp [Там же];
- *wappy* (*wet* + *soppy*) idealistic; sentimental; 'soppy' [Там же].

Модель 2. N + Adj = Adj:

- *ponkey land, in.* (*poggle* + *wonky*) weak-minded; silly [Там же];
- *shambolic* (*shambles* + *diabolic*) 'In a shambles'; chaotic; in a mess, of place, person, equipment, etc. [Там же];
- *vegi-curious* (*vegetarian* + *curious*) one who is considering the vegetarian lifestyle, but has yet to make a commitment to it [16].

Модель 3. N + N = Adj:

- *snecret* (*secret* + *sneak*) intentionally kept hidden for a mischievous or devious purpose [Там же].

Модель 4. Adj + N = Adj:

- *ambitchous* (*ambitious* + *bitch*) striving to be more of a bitch than the average bitch [Там же];
- *dooby* (*dowdy* + *booby*) dowdy; old-fashioned [15];
- *shyPod* (*shy* + *iPod*) when one is hesitant about sharing the contents of his or her iPod [16];
- *tonky* (*tony* + *swanky*) fashionable [15].

Модель 5. V + Adj = Adj:

- *stoptional* (*stop* + *optional*) when the braking of a car is left to one's choice due to an unnecessary stop sign [16];
- *yellular* (*yell* + *cellular*) the loudness one adopts in response to a bad cell-phone connection, in the misguided hope that talking louder will improve the connection [Там же].

Количество телескопических производных-наречий, образованных в английском лексическом субстандарте, невелико (1,1%).

Модель 1. N + Adv = Adv:

- *niggardly* (*nigger* + *cowardly*) word that will get u fired...even though it doesn't mean anything offensive [16].

Модель 2. Adv + Adj = Adv:

- *automagically* (*automatically* + *magical*) something that happens automatically, but that also has some mysterious, «magical» element to it. «Smart» appliances, features, etc. that do intelligent things with less help than you might expect [Там же].

Остальные части речи представлены минимальным количеством лексических единиц, что затрудняет выявление их словообразовательных моделей.

Проведенное исследование позволяет систематизировать телескопические производные в субстандартной лексике английского языка по двум направлениям: структурным особенностям и частеречной принадлежности. Количественный анализ показал, что большинство телескопических производных английского лексического субстандарта – это полные телескопизмы, образованные по формуле $AB + CD = AD$ (24,5%). Тем не менее, особые случаи, которые не представляется возможным классифицировать с помощью применяемых формул, насчитывают 29,8% выборки и требуют дальнейшего подробного изучения и описания. Телескопические производные, образованные в английском лексическом субстандарте, относятся к разным частям речи, с заметным преобладанием существительных (70,5%).

Библиографический список

1. Астафурова Т.Н, Сухорукова О.Н. Телескопия: новый способ словообразования? // КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teleskopiya-povuu-sposob-slovoobrazovaniya#ixzz3TQWUUiTD> (дата обращения: 25.07.2015).
2. Золотарева Т.А. Структурный анализ телескопических новообразований в современном английском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 91–94.
3. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография в 2 ч. Череповец, 2005. Ч. II.
4. Крат М.В. Семантические особенности телескопических единиц в англоязычной деловой прессе // Совр. научные исследования: актуальные теории и концепции. URL: <http://e-koncept.ru/teleconf/64356.html> (дата обращения: 31.05.2015).
5. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1972. С. 344–393.
6. Лаврова Н.А. Англо-русский словарь. Современные тенденции в словообразовании. Контаминанты. М., 2009.
7. Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 2. Филологические науки. С. 87–92.
8. Тарасова Л.А. Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
9. Шевелова А.Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
10. Algeo J., Algeo A.S. Fifty Years among the New Words. A Dictionary of Neologisms. Cambridge University Press, 1993. P. 257.

11. Berry L.V., Bark, van den M. *The American Thesaurus of Slang*. Second Edition. *A Complete Reference Book of Colloquial Speech*. Eleventh Printing. (Fourth Printing of the Second Edition). NY., 1962.
12. Fauconnier G., Turner M. *Conceptual Blending, Form and Meaning*. URL: <http://tecfa.unige.ch/tecfa/malt/cofor-1/textes/Fauconnier-Turner03.pdf> (дата обращения: 16.06.2015).
13. Kemmer S. *Lexical Blending: An Integrated View, with Implications for Morphology* // Paper presented at First Landau International Symposium, Landau, Germany, March, 2000.
14. Lehrer A. *Identifying and Interpreting Blends: An Experimental Approach* // *Cognitive Linguistics*. 1996. Vol. 7. № 4. P. 359–390.
15. Partridge E. *A dictionary of slang and unconventional English*. London, Melbourne and Henley, 1984.
16. *Urban Dictionary*. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 20.08.2015).

А.В. Циммерлинг, М.В. Трубицина

Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям¹

В статье обсуждается два типа приоритетных актантов русского языка – так называемые дативные подлежащие при несогласуемых именных предикативах класса «холодно», «приятно», «противно» и сентенциальные подлежащие, выраженные придаточными и инфинитивными оборотами. Доказывается, что инфинитивные обороты могут попадать в позицию подлежащего лишь при соблюдении ряда формальных и коммуникативных условий – при отсутствии извлечений из состава оборота и при топиализации всего оборота. Доказывается также, что устранение дативного подлежащего, вопреки ранее высказывавшимся гипотезам, не всегда приводит к смене предикатного значения.

Ключевые слова: подлежащее, грамматический приоритет, сильные подлежащие, слабые подлежащие, внутренние аргументы, дативные подлежащие, сентенциальные подлежащие, нулевые подлежащие, предикаты состояния, коммуникативная перспектива, русский язык.

Работа имеет следующую структуру. В первых двух разделах мы обсуждаем понятие приоритетного актанта и гипотезу о так называемых слабых подлежащих. В третьем разделе обсуждаются условия выдвижения инфинитивных оборотов в позицию подлежащего. В заключительном, четвертом, разделе обсуждаются предикатные значения, выражаемые в предложениях с предикативом при отсутствии именной группы со значением дат. п. лица.

1. Понятия подлежащего и приоритетного актанта

В русской грамматической традиции со времен А.А. Шахматова [16] сложился примерный консенсус по поводу того, какие структурные типы предложений являются полными, а какие неполными. Напротив, согласия в вопросе о том, какие структуры являются подлежащими, а какие –

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФ 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

Авторы благодарны И.А. Мельчуку и Е.А. Рудницкой за критические замечания и дискуссию и Е.А. Лютиковой за обсуждение отдельных аспектов анализа. Вся ответственность за недочеты и ошибки целиком лежит на авторах статьи.

бесподлежащими, нет. Это можно объяснить тем, что термины «подлежащее» и «приоритетный актант» обозначают теоретические конструкции, предполагающие предварительный анализ соотносимого феномена, отнюдь не являясь ярлыками для непосредственно наблюдаемых эмпирических данных¹. Вопрос о том, какие именно типы предложений следует считать двусоставными, остается предметом дискуссии в отечественной и зарубежной русистике. Его решение зависит от того, какие критерии подлежащности используются в той или иной теории и признаются ли в ней три типа подлежащеподобных актантов: сентенциальные подлежащие, нулевые подлежащие и подлежащие в косвенном падеже. В общем виде гипотеза о подлежащеподобных актантах, противопоставленных дополнениям, формулируется с опорой на понятие грамматического приоритета [15, с. 320]. Ключевым свойством приоритетных актантов является то, что они исключены из группы сказуемого и удовлетворяют тому же критерию (i), которому удовлетворяют и канонические подлежащие в данном языке.

- (i) В монопредикатном предложении может быть лишь один приоритетный актант, исключенный из группы сказуемого и находящийся в отношении грамматического приоритета к другим ИГ в данном предложении.

1.1. Неопределенно-личные и переходные безличные предложения

В традиции, восходящей к работам А.А. Шахматова, в том числе, в школьной грамматике, предложения типа *Галину сняли с работы*, указывающие на то, что действие произведено некоторым неназванным одушевленным участником, референция которого не уточнена, признаются неопределенно-личными структурами без подлежащего. В модели «Смысл – Текст» данные предложения анализируются как двусоставные структуры с нулевой лексемой $\emptyset^{\text{People}}$ (в интерпретации А.В. Циммерлинга [42; 43, с. 255] – «нулевое местоимение 3 л. мн. ч. с ролевой семантикой агенса, неопределенной референцией и признаком одушевленности») в позиции синтаксического подлежащего, контролирующего согласовательную форму предиката [36, с. 180]. Между концепциями школьной грамматики и моделью «Смысл – Текст» много различий, но в данном случае разная трактовка обсуждаемой конструкции определяется тем, что И.А. Мельчук и его последователи признают существование нулевых

¹ Мы не хотим сказать, что понятия синтаксической полноты и неполноты непосредственно даны в опыте. Напротив, мы предполагаем, что предварительное определение всей совокупности полных предложений языка L должно предшествовать анализу в терминах синтаксической структуры и выдвижению гипотез об эллипсисе [15, с. 271–272; 22, с. 561–568].

подлежащих, а авторы, следующие за А.А. Шахматовым, – нет. Аналогичным образом переходные безличные предложения типа *Крышу завалило снегом*, указывающие на то, что процесс, затронувший эксплицитно выраженный пациенс, маркированный вин. п., не контролируется никаким одушевленным агенсом, в традиции, восходящей к работам А.А. Шахматова, считаются односоставными структурами и не выделяются из общей массы безличных предложений. Напротив, в работах И.А. Мельчука и его последователей переходные безличные предложения анализируются как двусоставные структуры с нулевой лексемой $\emptyset^{\text{Elements}}$ (в интерпретации А.В. Циммерлинга [42; 43, с. 255] – «нулевое местоимение 3 л. ед. ч. с ролевой семантикой агенса, неопределенной референцией и признаком неодушевленности») в позиции синтаксического подлежащего, контролирующего согласовательную форму предиката.

Примем анализ И.А. Мельчука для данных двух конструкций и обозначим нулевые подлежащие с заданной ролевой семантикой агенса и неопределенной референцией просто как $\emptyset^{3\text{PL}}$ и $\emptyset^{3\text{SG}}$, поскольку согласовательная форма предиката скоррелирована в современном русском языке с признаком [+ одушевленность], выражаемым нулевым подлежащим местоимением: нулевое неререференциальное подлежащее с ролью одушевленного агенса требует 3 л. мн. ч., а нулевое неререференциальное подлежащее с ролью неодушевленного агенса требует 3 л. ед. ч. Для краткости мы будем говорить о нулевых подлежащих с заданными ролевыми и референциальными свойствами как о «нулях Мельчука».

Напомним две характеристики нулей Мельчука. Во-первых, предложения с $\emptyset^{3\text{PL}}$ могут обозначать контролируемые (в семантическом смысле) ситуации, а предложения с $\emptyset^{3\text{SG}}$ всегда обозначают неконтролируемые ситуации (1a-b).

- (1) а. Обочину дороги $\emptyset^{3\text{PL}}$ завалили снегом (случайно, по недосмотру, или умышленно).
 б. Обочину дороги $\emptyset^{3\text{SG}}$ завалило снегом (*умышленно, *по недосмотру, *случайно¹).

¹ Любопытно, что вопреки ассертивному значению слова *случайно*, тест на сочетаемость с наречием *случайно* показывает, что оно почти не сочетается с предикатами, обозначающими неконтролируемые события. Ср. *Вася случайно заехал в город N. Бумага случайно оказалась на столе. Вася случайно обмолвился. Вася случайно упал. Но *Оползень случайно сошел с гор; *Крышу случайно засыпало снегом именно вчера; *Вася случайно сошел с ума. Не сочетается данное наречие и с большинством предикативов типа X-у холодно, противно, надо и т.п., ср. *Васе случайно стало холодно; *Васе случайно стало надо попасть в архив. ??Васе случайно стало можно попасть на охраняемую территорию из-за того, что в заборе образовалась дыра.*

Во-вторых, \emptyset^{3PL} может выступать контролером (в синтаксическом смысле) возвратного местоимения и подлежащего зависимого деепричастного оборота (2a-b).

(2) а. В своем_i доме обычно \emptyset^{3PL}_i не гадят_i.

б. [_{IP} PRO_i Снявши_i голову], по волосам \emptyset^{3PL}_i не плачут_i.¹

Анализ в терминах нулей Мельчука для двух данных конструкций уместен благодаря сочетанию универсального и лингвоспецифического факторов. Семантические роли пациенса и агенса соотносительны, при расширительной трактовке понятия агентивности производителем действия можно считать и неконтролируемый источник энергии, т.е. стихийную силу в примере 1b. Благодаря особенностям морфосинтаксиса современного русского языка, в нем сложилось дополнительное распределение нулевых подлежащих с характеристикой неодушевленного и одушевленного неферентного агенса (1a-b). В прочих безличных конструкциях русского языка столь же прозрачное сочетание ролевой семантики с синтаксической структурой не просматривается, поэтому нужно проверять иные гипотезы.

1.2. Прочие безличные конструкции

Л. Бэбби стоит на позиции доверия к поверхностно-синтаксической схеме и отрицает, что какие-либо безличные предикаты русского языка, ср. *светает, дует, меня тошнит, мне холодно* и т.п., предполагают позицию подлежащего, которая могла бы быть заполнена ненулевой или нулевой формой [29]. Без ответа остается вопрос, почему бесподлежащие предложения вообще порождаются грамматикой русского языка, которая, как обычно считают, ориентирована на двусоставные структуры с заполненной позицией подлежащего². Первичных безличных глаголов, для которых ориентацию на схемы без выраженного на поверхностном уровне подлежащего можно считать заданной словарной характеристикой (ср. *светает, тошнит*), в русском языке достаточно мало, при этом

¹ Здесь и далее нижний индекс _{IP} обозначает нефинитную клаузу, а символ PRO – предполагаемое нулевое подлежащее нефинитной клаузы.

² В известной статье И.Ш. Козинского [8] была предпринята попытка доказать, что в русском языке категории подлежащего нет. Данный вывод в большей мере характеризует не особенности русской грамматики, а недостатки подхода И.Ш. Козинского, который вначале принимает гипотезу Кинена о континууме свойств подлежащего в языках мира, а затем делает вывод о подложности тех или иных выражений конкретного языка по совокупности присущих им предположительно универсальных подлежащих свойств. Тесты И.Ш. Козинского подробно обсуждаются Я.Г. Тестельцом [15, с. 342–347]. Ср. также статью А.В. Циммерлинга [25, с. 588].

неочевидно, отличается ли синтаксис и семантика в парах типа *светает ~ дует, Васю стошнило ~ Васю вырвало*, хотя глаголы во вторых членах пар (*дует, вырвать*) параллельно сохраняют возможность употребления в двусоставных структурах (ср. *Ветер дует с востока. Вася вырвал свою руку из руки журналиста*), а глаголы в первых членах пар (*светать, стошнить*) – нет.

И.А. Мельчук постулирует для разных безличных конструкций разные типы нулевых подлежащих: \emptyset^{EGO} для предложений типа *Мне холодно/больно/смешно*, с семантическим субъектом в вин. или дат. п., а $\emptyset^{Surroundings}$ – для предложений без семантического субъекта типа *Здесь холодно/грязно/накурено* [36, с. 188]. Он допускает, что инвентарь нулевых подлежащих русского языка вполне может быть расширен. Но такой анализ не дает новой информации о свойствах нулей и равнозначен признанию, что за разными поверхностно-синтаксическими схемами русских безличных предложений стоит разная обобщенная семантика. Также встает вопрос, почему русские предикативы класса *холодно*, которые в работах Л.В. Щербы [19, с. 90] и его последователей были отнесены к т.н. категории состояния, ср. работы В.В. Виноградова [4], Н.С. Поспелова [13], А.В. Исаченко [7], А.В. Циммерлинга [20, с. 69], в разных поверхностно-синтаксических схемах (*здесь холодно vs. мне холодно*) выбирают разные типы нулевых подлежащих. Косвенный ответ на данный вопрос можно найти в работах по синтаксической семантике. Г.А. Золотова [6, с. 269] и Т.В. Булыгина [3, с. 32], обсуждая предложения типа [*Кататься на лыжах*] – *весело*, [*Играть в шахматы*] – *интересно*, признают их двусоставными структурами с инфинитивом (или инфинитивной группой) в позиции подлежащего и отрицают, что в предложениях подобного типа выражается то же самое предикатное значение состояния, которое реализуется в схеме с внешне выраженной ИГ со значением дат. п. лица в примерах *мне холодно*. Значение состояния предполагает конкретного носителя состояния и конкретную референтную ситуацию [14, с. 121–126; 27, с. 54; 32], в то время как предложения типа [*Играть в шахматы*] – *интересно* с предполагаемым инфинитивным подлежащим при предикативе отсылают к родовой, генерической ситуации.

Попытка объединить анализ конструкций с предикативами класса *холодно, интересно* в терминах нулей Мельчука \emptyset^{EGO} , $\emptyset^{Surroundings}$ с идеей Г.А. Золотовой и Т.В. Булыгиной о том, что предикативы данного класса способны принимать инфинитивные подлежащие, приводит к неудовлетворительному результату: в двух безличных конструкциях (3а-б) разные типы нулей противопоставлены друг другу, а в структуре с инфинитивным подлежащим (3с) нули исчезают. Запрета на одновременную

реализацию ИГ с дат. п. лица и инфинитивной группы в русском языке нет, поэтому приходится вернуться к вопросу о том, какая синтаксическая категория будет подлежащим в структурах типа 3d и есть ли там позиция подлежащего вообще.

- (3) а. Здесь $\emptyset_{\text{Surroundings}}$ холодно и $\emptyset_{\text{Surroundings}}$ противно.
 <конкретная референтная ситуация без одушевленного субъекта>
- б. Васе было \emptyset^{EGO} холодно и \emptyset^{EGO} противно. <конкретная референтная ситуация с конкретным одушевленным субъектом>
- в. S_{IP} Стоять в течение получаса на ветру] холодно и противно.
 <генерическая ситуация, не предполагающая конкретного субъекта>.
- д. Васе было холодно и противно S_{IP} стоять в течение получаса на ветру]. <конкретная референтная ситуация с конкретным референтным субъектом>.

Мы заключаем, что введение разных нулей Мельчука для предложений 3а и 3б избыточно, а признание инфинитивного оборота подлежащим как в примере 3с, так и в примере 3д не объясняет разницы в предикатной семантике. Напомним, что гипотеза об инфинитивном подлежащем при предикативах изначально выдвигалась в 1970–1980 гг. именно для уточнения связи между семантикой и синтаксисом.

1.3. Сентенциальные подлежащие

Для европейской лингвистики стандартным является представление о том, что позиция подлежащего может замещаться сентенциальной составляющей – придаточным или инфинитивным оборотом [45, с. 711–713]. Академическая грамматика русского языка [17, с. 241–242] признает инфинитивные подлежащие, но отказывается признавать подлежащими финитные клаузы, не являющиеся цитатами. В модели «Смысл – Текст» обычно признаются оба типа сентенциальных подлежащих [11, с. 221; 12, с. 136; 37, с. 183]. Ю.Д. Апресян обратил внимание на способность ряда русских предикативов принимать сентенциальные подлежащие и сочетаться с элементами вроде безударного местоименного *это*. Он высказал мнение, что предикативы данного класса нельзя считать безличными, поскольку сентенциальным составляющим и элементам типа *это* может быть приписан признак «синтаксический имен. п.» [1, с. 304]¹.

¹ Теории, в которых принимается допущение о том, что при предикате, имеющем валентность на несентенциальное подлежащее в имен. п., данная валентность всегда

Если принять такой анализ, введение нуля Мельчука \emptyset^{EGO} для конструкций с предикативом избыточно, т. к. от наличия внешне выраженной словоформы дативного субъекта выбор синтаксического подлежащего никак не зависит. Данный вывод отражает запись 4a-b, где верхний индекс S указывает на грамматическое подлежащее, а нижние индексы IP , CP – на синтаксическую составляющую (инфинитивный оборот или придаточное).

- (4) а. S_{IP} [Читать работы Петрова] полезно.
 б. Васе было интересно S_{IP} [читать работы Петрова].
- (5) а. Поразительно, S_{CP} [что многие чудаки предпочитают Леви-Стросса Пушкину]¹.
 б. Васе было странно, S_{CP} [что многие чудаки предпочитают Леви-Стросса Пушкину].

1.4. Дативные подлежащие

С точки зрения современной синтаксической теории представление о том, что синтаксическая составляющая обладает приоритетом над ИГ в дательном падеже при предикатах типа *интересно*, *странно*, имеющих эксперенциального семантического субъекта, не является очевидным. Оба типа выражений трактуются в генеративной грамматике как внутренние аргументы, т.е. нисходящие валентности предиката [44]. При отсутствии внешнего аргумента, т.е. грамматического подлежащего с ролью Агенса, сохраняется возможность продвижения внутренних аргументов в позицию подлежащего. При определенных условиях в позицию подлежащего может попасть и ИГ в косвенном падеже. Это, с большой вероятностью, происходит в независимых инфинитивных предложениях схемы $N_{dat} - Inf$, где семантический субъект маркируется в русском языке дат. п. независимо от лексической семантики глагола, одушевленности или неодушевленности, ср. примеры 6 и 7.

- (6) S Васе еще работать и работать.
 (7) S Грузовикам здесь не проехать.

Поскольку дательный падеж в независимых инфинитивных предложениях не приписывается лексически, что впервые показано С. Франксом [30] – так, у глаголов *работать* и *проехать* нет нисходящей валентности

должна заполняться, в том числе, за счет вставки синтаксических и нулевых подлежащих, Дж. Лавайн [35] удачно обозначил термином ‘nominative-first syntax’.

¹ Нижний индекс CP здесь и далее указывает на то, что группа имеет статус зависимой финитной предикации / придаточного.

на ИГ в дат. п., – наиболее естественное решение состоит в том, чтобы признать ИГ в дат. п. в примерах типа 6 и 7 не только семантическим субъектом, но и грамматическим подлежащим. Данное решение обосновано в работах Н. Кондрашовой [34] и А. Циммерлинга [43]¹.

(ii) финитные клаузы русского языка требуют подлежащего в именительном падеже, нефинитные клаузы – подлежащего в дательном падеже.

Возможно ли дативное подлежащее в финитных клаузах русского языка? Такая гипотеза была выдвинута в зарубежной лингвистике [38; 40] и затем обоснована в работах А. Циммерлинга [25, с. 579–580; 43, с. 255–261], где исследуются дативно-предикативные предложения типа 3b-d, 4b-d. В предложениях типа *X-у холодно и противно, X-у интересно читать работы Y-а, X-у странно, что P* дат. п. лица приписывается лексической вершиной и является внутренним аргументом предикатива. Тем не менее, он обнаруживает ряд свойств приоритетного актанта, т.е. аналога подлежащего.

Во-первых, само наличие валентности на дат. п. лица в структурах типа $N_{\text{dat}} - \text{Pred}$, $N_{\text{dat}} - \text{Pred} - \text{IP}$, $N_{\text{dat}} - \text{Pred}$, $N_{\text{dat}} - \text{Pred} - \text{CP}$ является семантически нетривиальным свойством и очерчивает класс предикативов внутреннего состояния [20, с. 72; 24; 28]. Число русских предикативов внутреннего состояния, имеющих валентность на дат. п. лица, достаточно велико (более 300 единиц, если считать не только лексемы, но и устойчивые выражения вроде *(мне) не к спеху*), но все же оно намного меньше числа предикативов, способных употребляться в схемах $\text{Pred} - \text{Inf}$ (*Опаздывать на час – неприятно; Списывать на экзамене – аморально*) и $\text{CP} - \text{Pred}$ (*Неприятно, что Вася опоздал*). Несогласуемые предикативы, которые не имеют валентности на дат. п. лица, выражают не значение состояния, но иные таксономические значения – они обозначают свойства среды или выражают оценку ситуации [21, с. 224; 28]; ср. *сегодня ветрено, здесь пыльно, это аморально, это алогично*, но не **мне ветрено, *всем пыльно, *мне аморально, *нам алогично*. Поэтому одушевленная ИГ в дат. п. является первым и основным типом приоритетных актантов, которые сочетаются с предикатами состояния класса *жалко, стыдно, холодно, неприятно*². Данный тип

¹ Альтернативу данному решению – постулировать для независимых нефинитных клауз русского языка нулевое подлежащее PRO и приписать признак дат. п. – мы в данной статье обсуждать не будем, см. работы Х.А. Сигурдссона [40] и Я.Г. Тестельца [15].

² В работах А. Циммерлинга [20, с. 73; 24, с. 553] и С.С. Сая [39] обоснована гипотеза о том, что для русских деадъективных предикативов (*противный* >> *X-у противно; тяжелый* >> *X-у тяжело* и т.п.) способность к употреблению в дативно-предикативном предложении является характеристикой самих словообразовательных основ.

актантов имеет мало общего с ИГ в дат. п., выступающими в роли подлежащего инфинитивных клауз в примерах 6 и 7. Подвести под один тип дативно-предикативные предложения вида $N_{\text{dat}} - \text{Pred} - \text{Inf}/\text{CP}$, где инфинитив факультативен, а сентенциальная составляющая, если она выражена, является внутренним аргументом предикатива, и дативно-инфинитивные предложения вида $N_{\text{dat}} - \text{Inf}$, где предикатив отсутствует, а инфинитив выступает в качестве вершины сказуемого¹, для русского языка невозможно, что показано в работах А. Циммерлинга [23, с. 488; 24, с. 550; 43, с. 261].

Во-вторых, предикативы, допускающие дативно-предикативное построение, лишены в современном русском языке валентности на несентенциальный аргумент в имен. п., ср. неграмматичные структуры **мне надо этот экзамен*, **мне стыдно эта проволочка*, **мне неприятно этот перенесенный праздник*. Поэтому считать, что сентенциальная составляющая в правильно построенных предложениях типа *Мне надо* [_{IP} *сдать этот экзамен*], *Мне стыдно за то*, [_{CP} *что я допустил эту проволочку*], *Мне неприятно*, [_{CP} *что этот праздник опять перенесли*] замещает позицию ИГ в имен. п., нельзя. Также необязательно приписывать сентенциальной составляющей в подобных предложениях признак «синтаксический имен. п.», к чему подталкивает анализ Ю.Д. Апресяна [1, с. 304] и И.А. Мельчука [11, с. 221]. Поскольку сентенциальная составляющая является внутренним аргументом, напрашивается вывод о том, что в предложениях типа *Мне надо* [_{IP} *сдать этот экзамен*], *Мне неприятно*, [_{CP} *что этот праздник опять перенесли*] при наличии внешне выраженной ИГ в дат. п. лица сентенциальная составляющая стоит в неподлежащей позиции и является дополнением.

В-третьих, в русском языке, как показано в работе А. Циммерлинга [43, с. 263], выдерживается дистрибутивное ограничение на одновременное использование сентенциального аргумента, ИГ с дат. п. лица и безударного коррелятивного слова *это*, имеющего непредметную референцию². Разрешены комбинации: 1) ИГ со значением дат. п. лица +

¹ Допустимо описание, при котором вершиной дативно-инфинитивного предложения признается не сам инфинитив, а вводящий его невидимый модальный операторный элемент $N_{\text{dat}} - \text{Mod} - \text{Inf}$, но даже если такой элемент вводить, он, как показала Н. Кондрашова [34], нигде не может быть визуализован или отождествлен с формами нулевой связки *быть*, которая представлена в дативно-предикативных предложениях $N_{\text{dat}} - \text{Aux} - \text{Pred}$. Попытка доказать обратное, предпринятая в работе Х.А. Сигюрдссона [40, с. 701], опровергается [43, с. 259].

² Графический омоним безударного коррелятивного слова *это* – эмфатическое некоррелятивное слово ЭТО – в статье не рассматривается.

сентенциальная составляющая; 2) ИГ со значением дат. п. лица + слово *это*; 3) сентенциальная составляющая + слово *это*. Запрещена комбинация *ИГ со значением дат. п. лица + сентенциальная составляющая + слово *это* [25, с. 579–581]. Такое распределение объясняется тем, что данные три типа выражений при предикативах, допускающих дативно-предикативное построение, конкурируют между собой при замещении позиции подлежащего. Приоритетный для каждой комбинации актант в примерах 8–13 помечен верхним индексом ^S.

(8) ^SМне приятно, [_{CP}что Вася принес свои извинения].

(9) Приятно, ^S[_{CP}что Вася принес свои извинения].

(10) *Это* приятно, ^S[_{CP}что Вася принес свои извинения].

(11) *Мне *это* приятно, [_{CP}что Вася принес свои извинения].

(12) ^SМне *это* приятно.

(13) ^S*Это* было очень приятно.

Непротиворечивое описание достигается при допущении, что кандидаты на роль подлежащего предикатива ранжированы в русском языке по следующей иерархии, учтенной выше в нотации примеров 8–13.

(iii) ИГ со значением дат.п. лица >> сентенциальная составляющая >> коррелятивное непредметное слово *это*.

Синтаксические выражения, способные выдвигаться в позицию подлежащего и конкурировать между собой, были названы *слабыми подлежащими* [Там же, с. 577]. Теория слабых подлежащих характеризуется ниже в разделе 2, а эмпирическое обобщение касательно слабых подлежащих при русских предикативах таково:

а) коррелятивное безударное *это* комбинируется с придаточным в том случае, если в главном предложении нет ИГ со значением дат. п. лица; см. корректный пример 10;

б) наличие в главном предложении ИГ со значением дат. п. лица блокирует употребление коррелятивного *это* при придаточном, ср. аномальный пример 11, недопустимый в литературном русском языке;

с) для ИГ с дат. п. лица в дативно-предикативном предложении доступна только одна позиция – слабого подлежащего;

д) для придаточного в дативно-предикативном предложении доступны две позиции – либо слабого подлежащего (примеры 9, 10), либо дополнения (пример 8);

е) для элемента *это* доступны три позиции: слабого подлежащего (пример 13), дополнения (пример 12) и неаргументного коррелятивного слова, своего рода формальной темы (пример 10).

1.5. Ситуативный элемент «это» в качестве подлежащего

Как известно, в русском языке нет подлинных формальных подлежащих, характерных для ряда европейских языков [22, с. 732–754; 45, с. 713–717]. Вместе с тем, местоименный элемент *это*, с морфологической точки зрения являющийся формой имен.-вин. п. ср. р. ед. ч. неодушевленного указательного местоимения 3 л., обнаруживает отдельные свойства, которые можно интерпретировать как тенденцию к его грамматикализации в функциях подлежащего, связки и маркера коммуникативного членения. В дативно-предикативных предложениях типа 12 и 13 безударное слово *это* не имеет дейктической функции и выступает в роли ситуативной анафоры/катафоры, отсылающей к некоторому пропозициональному содержанию, реконструируемому из вербального или невербального контекста. В данной функции элемент *это* является аналогом сентенциальной составляющей, что наглядно видно и за пределами дативно-предикативного построения, ср. примеры типа 14, которые демонстрируют схему $\{P\}_i$; Eto_i – Pred при предикативах *неправильно, бесчеловечно, нечестно*, не имеющих валентности на ИГ со значением дат. п. лица (**мне бесчеловечно*).

- (14) Ну, скажем, $\{[S]to$, что происходит в Венгрии], абсолютно чудовищно при том, что Венгрия всегда считалась страной достаточно хорошо организованной, достаточно такой, расчисленной. Вот, главная претензия к ней заключается в этом_i. Не в том, что $это_i^{ANAPH}$ как-то там неправильно, бесчеловечно, нечестно, нехорошо, некрасиво, неэтично или еще как-нибудь.
(Е. Гришковец)

2. Слабые подлежащие и сентенциальные составляющие

Теория сильных и слабых подлежащих предложена А. Циммерлингом [25, с. 576–584; 43, с. 262–264;]. Ключевым является критерий (iv).

- (iv) При наличии в языке нескольких типов приоритетных актантов и нескольких типов предикатных выражений, канонической является ситуация, когда предикатные выражения одного типа сочетаются с приоритетными актантами только одного типа.

Синтаксические выражения, удовлетворяющие критерию (iv), называются сильными подлежащими. В русском языке сильными являются: 1) подлежащие ИГ в имен. п. и замещающие их ненулевые местоимения в имен. п. – в финитных клаузах; 2) ИГ в дат. п. – в независимых инфинитивных предложениях; 3) нули Мельчука \emptyset^{3PL} и \emptyset^{3SG} , т.е. нулевые нерферентные местоимения с ролевой семантикой агенса, – в финитных клаузах. Выражения, не удовлетворяющие (iv), но способные в некоторых

предложениях заполнять позицию подлежащего, называются слабыми подлежащими. Слабые подлежащие могут конкурировать друг с другом в реализациях одного и того же предиката. Слабыми подлежащими в русском языке являются ИГ со значением дат. п. лица при предикативах, сен-тенциальные составляющие при глагольных и неглагольных предикатах, коррелятивное слово *это* с ситуативной референцией (при глагольных и неглагольных предикат). Очевидно, что в русском языке нет предикатов, которые могли бы сочетаться только с сентенциальными или только с дативными подлежащими при предикативах или же только с элементом *это* в позиции подлежащего. Иначе обстоит дело с сильными подлежащими. Русский язык не разрешает, не меняя формы и значения сказуемого (ср. *X работает ~ X-у работается хорошо; X работает ~ X-у еще работать и работать*), заменить в финитной клаузе имен. п. приоритетного актанта на дат. п. (ср. **X-у работает*). Точно также в независимой инфинитивной клаузе дат. п. приоритетного актанта нельзя заменить на имен. п. Наконец, нули Мельчука, представленные в финитных клаузах, несинонимичны каким-либо ненулевым подлежащим в имен. п.

2.1. Слабые подлежащие, неканонические подлежащие и внутренние аргументы

Обозначим точки пересечения нашей теории с другими концепциями неканонических подлежащих. В реляционной типологии А.Е. Кибрика [31] отстаивается постулат о том, что каноническое подлежащее должно удовлетворять критерию ролевой и референциальной непрозрачности, прочие приоритетные актанта признаются неканоническими. Данное требование выглядит слишком жестким: возможно, его выдвижение мотивировано стремлением А.Е. Кибрика доказать, что канонические подлежащие есть в меньшинстве языков мира. Нам ближе концепция И.А. Мельчука, который предлагает определять поверхностно-синтаксическое отношение $SSyntRel$ по совокупности морфосинтаксических признаков, но признает типичной для приоритетного актанта комбинацию $SSyntRel$ + ролевая семантика агенса + коммуникативная семантика темы [37, с. 210]. Применительно к русскому языку критерий ролевой и референциальной/коммуникативной непрозрачности подлежащего дает спорные результаты. Ролевой непрозрачностью обладают не только канонические подлежащие в имен. п., но и часть сентенциальных подлежащих, а именно – вставленные инфинитивные обороты в предложениях типа 4а-б: им, а также наиболее коррелятивному элементу *это*, не может быть сопоставлена какая-либо определенная ролевая семантика. Нули Мельчука, дативные подлежащие при предикативе и дативные

подлежащие независимых инфинитивных оборотов имеют заданные семантические роли, соответственно – агенса, экспериенцера и субъекта внешней модальности [24]. Нули Мельчука имеют также заданные референциальные свойства (неопределенная референция), а слово *это* – фиксированный коммуникативный статус темы. Канонические подлежащие и оба типа дативных подлежащих могут выступать и в роли темы, и в роли ремы.

В концепции А.В. Бондарко различаются подлежащее и т.н. субъект / носитель предикативного признака. И подлежащее, и субъект обладают грамматическим приоритетом над дополнениями, но внешне выраженное подлежащее в имен. п. удовлетворяет критериям ролевой и коммуникативной непрозрачности, в то время как субъекты / носители предикативного признака имеют фиксированные семантические роли и коммуникативный статус [2, с. 53–54]. Сентенциальные составляющие в данной концепции подводятся под понятие подлежащего, а не субъекта, гипотезы о нулевых подлежащих не рассматриваются.

Разработанное в минималистской программе различение внутренних и внешних аргументов пересекается с нашим различением слабых и сильных подлежащих, поскольку два из трех типов слабых подлежащих – сентенциальные составляющие и дативные подлежащие предикативов – являются внутренними аргументами. Однако мы не используем представление о том, что пациентивные и прочие неагентивные подлежащие, получающие прямой падеж, являются внутренними аргументами. Нули Мельчука приблизительно соответствуют т.н. генерическому малому про, т.е. нулевому тематическому подлежащему финитных клауз [26, с. 226; 44]. Для независимых нефинитных клауз постулируется нулевое подлежащее PRO, которое в данной версии нашего анализа не вводится. Ситуативное слово *это*, которое не имеет семантической роли, с оговорками может рассматриваться как визуализация синтаксического нуля [26, с. 223–224; 42].

2.2. Иерархия слабых подлежащих и островные ограничения

Гипотеза о конкуренции слабых подлежащих в русском языке принимается А.Б. Летучим, который, однако, устанавливает иную иерархию (v), при которой сентенциальные подлежащие обладают приоритетом над слабыми дативными [9]:

(v) Сентенциальная составляющая >> слабые дативные подлежащие >> коррелятивное непредметное слово *это*.

Иерархия (v) возвращает к анализу Ю.А. Апресяна и И.А. Мельчука [1, с. 304; 11, с. 221; 37, с. 183], с той поправкой, что А.Б. Летучий признает

существование слабых дативных подлежащих. В этом случае тестовые примеры 8–10 получают следующую интерпретацию:

(8)' Мне приятно, $S_{[CP]}$ что Вася принес свои извинения].

(9)' Приятно, $S_{[CP]}$ что Вася принес свои извинения].

(10)' *Это* приятно, $S_{[CP]}$ что Вася принес свои извинения].

При принятии иерархии (v) возникают серьезные трудности с объяснением синтаксического статуса ИГ со значением дат. п.: т.к. двух подлежащих при одном предикате быть не может, приходится считать форму *мне* в примере 8 не приоритетным актантом, а дополнением. Но если ИГ со значением дат. п. лица при добавлении придаточного становится дополнением, запрет на комбинацию *Ето – N – Pred – CP необъясним. Сходные возражения можно адресовать и М.Ю. Князеву [33], не учитывая слабым дативные подлежащие и принимающему тезис о том, что синтаксические составляющие всегда продвигаются в позицию подлежащего, если внешний аргумент, маркированный имен. п., отсутствует. Более ясные случаи связаны с предикатами, лишенными валентности на слабое дативное подлежащее. В работах М.Ю. Князева [33] и А.В. Циммерлинга [26; 45] показано, что придаточные, выступающие в роли синтаксических, могут выражать ряд семантических ролей, в том числе – выступать в роли внешнего каузатора при каузативах типа *раздражать* 'заставлять X-а раздражаться' и *заставлять*, при этом при каузативах класса *заставлять* позицию подлежащего может занимать только придаточное, вводимое коррелятивным элементом *то*.

(15) а. Васю раздражает (то) $S_{[CP]}$ что Катя постоянно опаздывает].

б. $S_{[NP]}$ Постоянные Катины опоздания] раздражают Васю.

(16) а. $S_{[CP]}$ То, $[CP]$ что начальник срезал ему зарплату]],
вынудило Васю уволиться с работы.

б. $S_{[CP]}$ что начальник срезал ему зарплату],
вынудило Васю уволиться с работы.

Во всех предшествующих работах обобщения о статусе синтаксических подлежащих и иерархиях типа (iii) или (v) делаются на основе наблюдений над синтаксисом придаточных: по умолчанию, предполагалось, что инфинитивные обороты в роли синтаксических подлежащих обладают теми же свойствами, что и финитные клаузы (придаточные). Между тем, свойства финитных и нефинитных синтаксических аргументов неодинаковы. Финитные синтаксические аргументы (придаточные в позициях дополнения и подлежащего) выражают категорию лица и соотносены с некоторой

семантической ролью. Инфинитивные аргументы категории лица не выражают и не соотносены с какой-либо ясной семантической ролью. Кроме того, в русском языке извлечение элементов из финитных клауз, замещающих позицию подлежащего, затруднено или невозможно (примеры 17a-b).

- (17) а. ?? Катя (то) $S_{[CP]}$ что t_i постоянно опаздывает] Васю раздражает.¹
 б. *На работу_i (то) $S_{[CP]}$ что Катя постоянно опаздывает t_i] Васю раздражает.

Запреты на предложения структуры 17a-b означают, что придаточное в позиции сентенциального подлежащего является островом². Между тем, инфинитивные обороты в русском языке не всегда являются островами, ср. примеры 18a-b. Это может свидетельствовать либо о том, что параллелизма в поведении финитных и нефинитных сентенциальных клауз нет, либо о том, что инфинитивные обороты не являются в русском языке подлежащими, по крайней мере, в структурах типа 18a-b.

- (18) а. Невозможно было $[_{IP}$ купить билеты].
 б. Билеты_i невозможно было $[_{IP}$ купить t_i].

Если разорванная ИнфГ $[_{IP}$ купить билеты] не попадает в позицию подлежащего в примерах 18a-b, вновь возникает вопрос, есть ли в главном предложении позиция подлежащего, что предполагает анализ в духе Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука, и тогда нужно постулировать ее заполнение синтаксическим нулем, или же предложения 18a-b являются односоставными бесподлежащими структурами, что предполагает анализ в духе Л. Бэбби. Данная проблема обсуждается в следующем разделе.

3. Инфинитивные подлежащие в русском языке

Мы утверждаем, что инфинитивные подлежащие в русском языке возможны, но попадают в позицию подлежащего предикатива лишь при соблюдении ряда формальных и коммуникативных условий.

1. По принципу островного ограничения, извлечение элементов из состава ИнфГ, занимающей позицию подлежащего, невозможно. По данному критерию предложение 18b будет признано структурой без сентенциального подлежащего.

2. Для того, чтобы занять позицию подлежащего предикатива, ИнфГ должна быть *топикализована целиком*, а предикат при этом должен

¹ Символ t здесь и далее указывает на изначальное место элемента, подвергнутого синтаксическому перемещению.

² О понятии острова и островных ограничениях см. [15, с. 547].

находиться в *другой* коммуникативной составляющей. По данному критерию коммуникативно-нерасчлененное предложение 18а тоже будет признано структурой без сентенциального подлежащего, т.к. вершинный предикат *было невозможно* находится в той коммуникативной составляющей, что и ИнфГ *купить билеты*, тема и рема в этом предложении не выделяются.

3. По иерархии слабых подлежащих (iii), дативное подлежащее предикатива обладает приоритетом над сентенциальным, поэтому предложения типа *^SВасе было трудно* [_{ГР}купить билеты] ~ [_{ГР}купить билеты] *^SВасе было трудно*, независимо от своей коммуникативной структуры, не могут иметь инфинитивного подлежащего. То же справедливо для обсуждавших выше примеров 3d, 4b.

4. Предикатив должен иметь валентность на сентенциальное подлежащее. У модальных предикативов типа *нельзя, надо, невозможно, нужно, пора* такой валентности, видимо, нет, ср. **нельзя, что P, *надо, что P, *нужно, что P, *пора, что P*, поэтому предложения типа [_{ГР}купить билеты] *было нельзя* тоже не являются доказанными структурами с инфинитивным подлежащим.

Эти факторы во многих случаях действуют совместно, что позволяет дать табличное описание в духе теории оптимальности (таблица 1). В записи тестовых примеров мы используем следующую коммуникативную разметку: фигурные скобки {...} обозначают коммуникативные составляющие, запись {_FX} указывает на то, что коммуникативная составляющая X является ремой, запись {_TX} указывает на то, что коммуникативная составляющая X является темой, запись {_AX} указывает на то, что предложение X является коммуникативно нерасчлененной структурой, знак /X указывает на то, что элемент X – акцентоноситель темы, знак \X указывает на то, что элемент X – акцентоноситель ремы. Полу жирным выделены элементы, блокирующие продвижение инфинитивной группы в позицию подлежащего.

3.1. Топикализация и линейная позиция слабых подлежащих

Топикализация ИнфГ в русском языке, видимо, всегда предполагает ее линейную препозицию вершине предиката. По крайней мере, нам не удалось найти примеры обратного. Этот результат предсказуем, т.к. в русском языке отсутствует акцентно маркированные темы, расположенные правее носителя рематического акцента: коммуникативные структуры типа **{_Fинтересно} {_T[_{ГР}играть в шахматы]}* невозможны по причинам, не связанным с синтаксисом сентенциальных аргументов. В перспективе генеративной грамматики обязательная препозиция топикального инфинитивного подлежащего может рассматриваться как

Таблица 1

**Условия продвижения инфинитивных групп
в позицию подлежащего при предикативе**

	1. Запрет на извлечение из острова	2. Топикализация всей группы инфинитива	3. Отсутствие внешне выраженного дативного подлежащего в поверхностно-синтаксической структуре	4. Словарно заданная валентность на сентенциальное подлежащее
{ _A Невозможно было [_{IP} купить √билеты]}.	ОК	*	ОК	*
{ _T √Билеты _i } { _F невозможно было [_∞ купить t _i]}	*	*	ОК	*
{ _T [_{IP} Купить √билеты]} { _F было √невозможно}	ОК	ОК	ОК	*
{ _T √ ^S Васе} { _F было трудно [_{IP} купить √билеты]}	ОК	*	*	ОК
{ _T [_{IP} Купить √билеты]} { ^S Васе было √трудно}	ОК	ОК	*	ОК
{ _T √ ^S Васе} { _F было холодно [_{IP} стоять на ветру]}.	ОК	*	*	?
{ _T √ ^S Васе} было интересно ^S [_{IP} читать работы Петрова].	ОК	*	*	ОК

подтверждение гипотезы о том, что повышение внутреннего аргумента в грамматической иерархии в русском языке сопровождается его поверхностно-синтаксическим перемещением влево. Для топикальных инфинитивных подлежащих данная операция является строго обязательной.

$$(19) \{_{A} \text{было интересно } [_{IP} \text{играть в } \sqrt{\text{шахматы}}]\} \Rightarrow \\ \{_{T} \sqrt{[_{IP} \text{играть в } \sqrt{\text{шахматы}}]_i}\} \{_{F} \text{было } \sqrt{\text{интересно } t_i}\}.$$

Для сентенциальных подлежащих, выраженных придаточными, линейная препозиция факультативна, более того, неясно, какой коммуникативный статус – темы или ремы – следует считать для них основным (примеры 20a-b).

$$(20) \text{ а. } \{_{T} \text{Просто } (\sqrt{\text{удивительно}})\}, \\ \{_{F} [_{CP} \text{что Вася выиграл у } \sqrt{\text{Петрова}}]\}.$$

$$\text{ б. } \{_{T} [_{CP} \text{Что Вася выиграл у } \sqrt{\text{Петрова}}]\} - \{_{T} \text{просто удивительно}\}.$$

Для слабых дативных подлежащих роль ремы нехарактерна, но запрет на изменение коммуникативного статуса не действует (пример 21а). Кроме того, слабое дативное подлежащее далеко не всегда является акцентоносителем ремы, а занимаемые им линейные позиции могут быть самими разными (примеры 21а-б).

- (21) а. {_TХолодно на λ улице} {_F было **только** λ ^Sмне},
 <а вот Петров не мерзнет>.
- б. {_TНа λ улице} {_F^S**Петрову** было не λ холодно}.
- с. {_TИграть волжский λ гамбит}
 {_Fбыло ^S**Петрову** не так λ комфортно}.

Итак, необходимым, но недостаточным условием продвижения ИнфГ в позицию подлежащего является ее топикализация. Для других типов слабых подлежащих это условие в русском языке не выполняется.

3.2. Нулевые и инфинитивные подлежащие

Мы предположили выше, что часть русских предикативов не может принимать сентенциальные подлежащие, и что для них ИнфГ в ста процентах случаев остаются внутренними аргументами, даже если ИнфГ топикализована и островные ограничения соблюдены. Проверочным тестом случит наличие валентности на придаточное у предикатива, который может принимать слабое дативное подлежащее. Если предикатив данного класса допускает структуру *интересно/стыдно/смешно*, [_{CP} что P], сохраняется вероятность, что он в некоторых контекстах допускает и ИнфГ в роли сентенциального подлежащего, ср.: [_{IP} *Играть в шахматы*] – *интересно*; [_{IP} *Списывать контрольную*] – *стыдно*; [_{IP} *Просить премию в кризис*] – *смешно*. Для модальных предикативов *нельзя, можно, пора, невозможно*, не имеющих валентности на [_{CP} что P]-аргументы, вывод о том, что в отсутствие внешне выраженной ИГ со значением дат. п. лица позиция подлежащего не заполняется никакой ненулевой формой, интуитивно приемлем. Однако последовательное применение данного критерия заставляет считать, что ИнфГ не попадают в позицию подлежащего и при многих других предикативах с валентностью на ИГ со значением дат. п. лица, например, *вольн'о, тревожно, холодно*. Для *вольн'о* такой результат можно считать хорошим, т.к. ИнфГ при данном предикативе не топикализуется, а предикат даже в отсутствие внешне выраженной ИГ со значением дат. п. лица описывает конкретную референтную ситуацию (примеры 22а-б).

- (22) а. $\{_{\text{А}} \sphericalangle \text{Вольно (ему) было } [_{\text{ГР}} \text{ списывать контрольную}]\}$!
 <конкретный X списал контрольную в конкретной единичной ситуации в прошлом>
- б. * $\{_{\text{Г}} [_{\text{ГР}} \text{ списывать } \sphericalangle \text{ контрольную}]\}_i \{_{\text{Г}} \text{ было ему } \sphericalangle \text{ вольно } t_i\}$.
- с. *Вольно ему было, что он списал контрольную.

При *тревожно* опущение ИГ со значением дат. п. тоже не переключает референцию, но топиализация ИнфГ, тем не менее, возможна (примеры 23а-б).

- (23) а. $\{_{\text{А}} \text{ Было тревожно } [_{\text{ГР}} \text{ подавать заявку в последний момент } \sphericalangle]\}$.
 <некоторый X в последний момент подал заявку в конкретной единичной ситуации в прошлом, в связи с чем конкретный Y, не обязательно совпадающий с X-м, в течение конкретного периода времени испытал чувство тревоги>
- б. $\{_{\text{Г}} [_{\text{ГР}} \text{ Подавать заявку в последний } \sphericalangle \text{ момент}]\}_i$
 $\{_{\text{Г}} \text{ было } \sphericalangle \text{ тревожно } t_i\}$. <Конкретным X-м в конкретной референтной ситуации в прошлом>
- с. *Ему было тревожно, что он подал заявку в последний момент.

При *холодно* опущение ИГ со значением дат. п. при одновременной топиализации ИнфГ может переключить референцию.

- (24) а. $\{_{\text{А}} \text{ Было холодно } [_{\text{ГР}} \text{ долго стоять на } \sphericalangle \text{ ветру}]\}$.
 <конкретным X-ам в конкретной референтной ситуации>
- б. $\{_{\text{Г}} [_{\text{ГР}} \text{ Долго стоять на } \sphericalangle \text{ ветру}]\}_i \{_{\text{Г}} \text{ холодно } t_i\}$.
 <любому потенциальному X-у в любой ситуации>
- с. *Людям было холодно, что они стояли на ветру.

В русской грамматической традиции, как указано выше в разделе 1.3, высказывания с генерической референцией и топиализацией ИнфГ в примерах типа 24b обычно рассматриваются как двусоставные структуры с ИнфГ в роли подлежащего [3, с. 32; 6, с. 269], но предшествующие работы не объясняют, почему топиализация ИнфГ не приводит к автоматическому переключению референции с конкретной на генерическую в примерах типа 23b, и почему в отдельных случаях топиализация ИнфГ вообще невозможна, как в примере 22b.

Как бы ни решался вопрос о двусоставности/односоставности спорных примеров 23b, 24, где топиализованная ИнфГ забраковывается в качестве потенциального кандидата на роль подлежащего на основе

критерия (4), т.е. постулата об отсутствии у предикатива словарно заданной валентности на сентенциальное подлежащее, для модальных предикативов, у которых ИнфГ всегда остается внутренним аргументом, следует постулировать нулевое подлежащее во всех случаях, когда ИГ со значением дат. п. лица отсутствует. Данный тип элементов неформально понимается нами как «абсолютный синтаксический нуль», лишенный ролевой семантики. Он обозначается ниже как \emptyset^{Imp} . Введение оператора \emptyset^{Imp} в другой системе понятий, не прибегающей к гипотезам о нулевых и неканонических подлежащих, например, в концепции «Граматики 1980» [17] или в концепции Л. Бэбби [29], равнозначна констатации, что некоторое предложение является полной односоставной структурой. От учтенных в нашем описании нулей Мельчука $\emptyset^{3\text{SG}}$ и $\emptyset^{3\text{PL}}$ оператор \emptyset^{Imp} отличается тем, что не передает информации о ролевой семантике и не является контролером согласовательной формы предиката, а от признанных нами избыточными нулей Мельчука \emptyset^{EGO} и $\emptyset^{\text{Surroundings}}$ – тем, что не содержит никаких сведений о семантике конструкции. Вставка \emptyset^{Imp} является крайней мерой деривации (last resort operation) и применяется в предложениях с предикатами, допускающими ненулевые формы слабых подлежащих, только в том случае, когда другим способом позиция подлежащего заполнена быть не может¹.

В нотации примера 25 мы использовали помету Sent, указывающую, что сентенциальный аргумент не перемещен в позицию подлежащего, а также помету ОБОБЩ.РЕФЕР. при предикативе, указывающую на то, что предложение, обозначающее конкретную референтную ситуацию в прошлом, тем не менее, не соотносено с конкретным семантическим субъектом и является, в терминах работ А.А. Герасимовой [5] и Ф.Г. Шушурина [18], предложением с отношением произвольного контроля. Оператор \emptyset^{Imp} в примере 25 вводится на основе четырех постулатов: третьего, указывающего на отсутствие слабого дативного подлежащего, и первого, второго и четвертого, обосновывающих невозможность продвижения ИнфГ в позицию подлежащего.

- (25) $\{_{\text{T}}[\text{?Билеты}]_i\} \{_{\text{F}}\text{было решительно } \emptyset^{\text{Imp}} \text{ **невозможно** }^{\text{ОБОБЩ.РЕФЕР.}} \{_{\text{P}}\text{?купить } t_i\}^{\text{Sent}}\}$, фильм $\emptyset^{3\text{PL}}$ показывали по две недели в кинотеатрах с широкими экранами. (Е. Гришковец)

¹ Данный принцип нашей теории противоположен лежащему в основе минимализма принципу Merge over Move, где синтаксическое перемещение (в т.ч., перемещение внутренних аргументов в позицию подлежащего) признается последним шагом деривации, который применяется, когда другие ресурсы исчерпаны.

Аналогично интерпретируется пример 26, где группа *нас с мужем* извлечена из состава ИнфГ, подчиненной модальному предикативу *можно*, и топикализована: при этом оставшаяся часть ИнфГ вместе с матричным предикатом входит в состав ремы.

- (26) $\{_{\text{T}}[\text{Нас с } \lambda\text{мужем}]_i\} \emptyset^{\text{Imp}} \{_{\text{F}}\text{можно } [_{\text{IP}}\text{назвать } t_i \text{ альтруистами}]^{\text{Sent}}\}$. («Такие дела»)

В примере 27 топикализуется извлеченная из состава ИнфГ предложная группа *под кирпич*, оставшаяся часть ИнфГ вместе с матричным модальным предикатом *нельзя* входит в состав ремы.

- (27) $\emptyset^{\text{Imp}} \{_{\text{T}} \text{А } [_{\text{T}} \text{под } \lambda\text{«кирпич»}]_i\} \{_{\text{F}} \text{все же } [_{\text{IP}} \text{ездить } t_i]^{\text{Sent}} \neg \text{нельзя}\}!$
(НКРЯ)

Пример 28, являющийся коммуникативно-нерасчлененной структурой, вносит разнообразие, т.к. в нем нет топикализации предложной группы *с ними*, извлеченной из ИнфГ, но нарушение островного ограничения имеет место и здесь, т.к. модификатор *просто* относится к матричному предикативу *надо*, а не к элементам ИнфГ.

- (28) $\{_{\text{A}} \emptyset^{\text{Imp}} \text{Надо } [_{\text{с ними}}]_i \text{ просто } [_{\text{IP}} \text{нормально общаться } t_i \text{ как с } \neg \text{людьми}]^{\text{Sent}}\}$. («Такие дела»)

Для примеров 25–28 все четыре введенные ранее ограничительные условия дают одинаковые результаты (таблица 2).

В некоторых обнаруженных нами нетривиальных случаях нарушение принципа, согласно которому топикализованная группа инфинитива для

Таблица 2

Применение критериев продвижения инфинитивной группы в позицию подлежащего при предикативе в примерах 25–28

Номера примеров	1. Запрет на извлечение из острова	2. Топикализация всей инфинитивной группы	3. Отсутствие внешне выраженного дативного подлежащего	4. Словарно заданная валентность на сенсационное подлежащее
25	*	*	*	*
26	*	*	*	*
27	*	*	*	*
28	*	*	*	*

замещения позиции подлежащего должна попадать в другую коммуникативную составляющую, чем матричный предикат, происходит даже при том, что все части ИнфГ попадают в состав темы. Так, в примере 29 матричный предикатив *непросто* попал в состав темы, при этом локативный аргумент *в России* извлечен из ИнфГ в матричное предложение.

- (29) $\{_{\text{T}} \text{Иногда [в России]}_i \text{ так } \emptyset^{\text{Imp}} \text{непросто [жить } t_i \text{]}^{\text{Sent}}\},$
 $\{_{\text{F}} \text{что даже здоровому человеку хочется уйти в } \sphericalangle \text{запой}\}.$
 («The Village»)

Для подобных примеров стоит эксплицитно добавить ограничительное условие 5 – попадание матричного предиката в состав ремы при условии топикализации ИнфГ (таблица 3).

В большом числе изученных нами примеров ограничительные условия 1–5 соблюдены, поэтому для признания топикализованной ИнфГ сентенциальным подлежащим нет препятствий. Можно сделать предварительный вывод о том, что даже при соблюдении островных ограничений и топикализации всех элементов ИнфГ остается в позиции зависимого (т.е. внутреннего аргумента) для части предикативов, лишенных валентности на $[_{\text{CP}} \text{что } P]$ -аргумент, а для другой части предикативов выдвижение ИнфГ в позицию подлежащего регулируется рядом формальных и коммуникативных факторов. Нерешенные проблемы связаны с соотношением классов предикативов, имеющих валентность на слабое дативное подлежащее, но не на $[_{\text{CP}} \text{что } P]$ -аргумент, ср. *X-у проще всего делать Z ~ *X-у проще всего, [_{CP} что P]* и предикативов, неспособных принимать слабые дативные подлежащие, но имеющих валентность как на $[_{\text{CP}} \text{что } P]$ -аргумент, там и на ИнфГ, ср. *аморально делать Z ~ аморально, что [_{CP} что P]*. Если ограничиться выборочными данными,

Таблица 3

Модифицированные условия продвижения инфинитивной группы в позицию подлежащего при предикативе

Номера примеров	1. Запрет на извлечение из острова	2. Топикализация всей инфинитивной группы	3. Отсутствие внешне выраженного дативного подлежащего	4. Словарно заданная валентность на сентенциальное подлежащее	5. Непонадание матричного предиката в топикальную составляющую
29	*	*	ОК	?	*

вывод о том, что примеры 30a-b являются односоставными предложениями/структурами с \emptyset^{imp} , а примеры 31a-b – двусоставными структурами с сентенциальным подлежащим, кажется интуитивно правдоподобным.

- (30) а. $[_{IP}$ Списать/²списывать контрольную]^{Sent} – \emptyset^{imp} проще всего.
 б. \emptyset^{imp} проще всего – $[_{IP}$ списать/списывать контрольную]^{Sent}.
 в. *Проще всего, $[_{CP}$ (то) $[_{CP}$ что Петров списал контрольную].
- (31) а. $^S[_{IP}$ Списывать/*списать контрольную] – аморально.
 б. $^S[_{CP}$ (То,) $[_{CP}$ что Петров списал контрольную,] – аморально.

4. Произвольный семантический контроль, дативные подлежащие и инфинитивная группа

В заключительном разделе мы рассматриваем отдельные аспекты синтактико-семантического интерфейса, связанные с реализацией предикативов. Как отмечалось в предыдущих разделах, в русской лингвистике до сих пор полностью не решена проблема соотношения поверхностно-синтаксических схем дативно-предикативного предложения (N_{dat} – Pred) и схем с топикализованной ИнфГ $\{T[_{IP} \dots]\} – \{F \text{ Pred}\}$, с одной стороны, и предикатных значений состояния и оценки – с другой. Выдвинутая Г.А. Золотовой и Т.В. Булыгиной гипотеза состоит в том, что предложения с топикализованной ИнфГ являются двусоставными структурами при предикатах, выражающих семантику оценки и отсылающих к генерической ситуации [3, с. 32]. Дативно-предикативные предложения схемы N_{dat} – Pred традиционно описываются как структуры, на основе которых в русском языке выражается прототипическая семантика состояния при предикатах актуализованного признака, отсылающих к конкретной референтной ситуации [10; 14, с. 131; 21, с. 224; 27; 28; 39;]¹. Однако эта пропорция не выдерживается полностью. Устранение ИГ со значением дат. п. лица из схемы высказывания и выдвижение в позицию подлежащего ИнфГ / вставка \emptyset^{imp} отнюдь не приводит автоматически к смене предикации состояния предикации общей оценки, относящейся к вневременным родовым ситуациям, что показывают приводившиеся примеры 22а, 23а-б, 24а на употребление предикативов *вольн'о*, *тревожно* и *холодно*. Для предикативов класса *аморально*, которые не сочетаются с дативными субъектами, проблема смены референтного статуса стоит

¹ Критерии определения таксономического предикатного типа состояний заслуживают отдельного разбора. Ограничимся указанием на то, что выделение предикатов состояния на основе значения актуализованного признака характерно как для отечественной семантической школы, так как для западной формальной семантики [32].

менее остро, поскольку они ни в каком контексте не выражают значение состояния / актуализованного признака, которое выражается в дативно-предикативной схеме при предикатах класса *воль'но, холодно, смешно, больно* и т.п. [21, с. 222]. Но и употребление предикатов оценки показывает, что референция к родовой ситуации восстанавливается слушающим/читателем не из-за отсутствия эксплицитного указания на субъект оценки, а из-за отсутствия маркеров актуализации и дейктических показателей. Такими маркерами в примере 32а являются форма прош. вр. связки *было* и временное наречие *вчера*.

(32) а. $S_{[IP]}$ Списывать *вчера* контрольную] *было* аморально.
<конкретная референция>

б. $S_{[IP]}$ Списывать контрольную] – аморально.
<генерическая референция>

Употребление предикативов состояния класса *холодно, смешно*, имеющих валентность на ИГ в дат. п., в этом плане мало чем отличается от употребления предикативов оценки класса *аморально*. В примерах 32а-б в составе ИнфГ имеется наречие *сегодня*, которое указывает на некоторый отрезок, включающий момент речи. При этом предложение 32а указывает на конкретную ситуацию, локализованную во временном отрезке /сегодня/, а пример 32б является общей оценкой, относящейся к родовой ситуации. Иными словами, в примере 32а элемент *сегодня* в плане семантической сферы действия относится к зависимой клаузе (ИнфГ), а в примере 32б – к главной клаузе.

(33) а. $S_{[IP]}$ Говорить об этом сегодня] **было** смешно.
<X сегодня заговорил о Z, факт разговора X-а о Z имел место.
Y оценил это конкретное действие X-а как смешное>

б. $S_{[IP]}$ Говорить об этом сегодня] смешно. <Если любой потенциальный X заговорит о Z, любой потенциальный Y сегодня оценит это действие X-а как смешное>

Вопрос о том, является ли топикализованная ИнфГ подлежащим предложения без слабого дативного субъекта, как нам кажется, должен решаться на основе формально-синтаксических, а не семантических или прагматических критериев. В плане переключения референции высказывания с полной и частичной топикализацией материала ИнфГ явно ведут себя одинаково, независимо от того, соблюдаются ли островные ограничения и прочие ограничительные условия для продвижения ИнфГ в позицию подлежащего или нет. Ср. пример 34, где островное ограничение не нарушено, но инфинитивная вершина находится в реме, в то время как ее

зависимое – в теме, что, по процедуре, описанной выше в разделе 3, не позволяет признать ИнфГ подлежащим:

- (34) Не стал бы делать и играть еще и потому что... А зачем играть спектакль [о том, [что и так понятно разумным людям]].
 $\{_{\text{T}}[\text{Для } \lambda\text{дураков же}]_i\} \{_{\text{F}}[\text{ГРспектакли играть } t_i]\}$
 \emptyset^{imp} бессмысленно и \sphericalangle бесполезно}. (Е. Гришковец)

4.1. Генерические термы и генерические ситуации

В классических работах Т.В. Бульгиной и О.Н. Селиверстовой содержится утверждение, что предикаты состояния не только обозначают единичные актуализованные ситуации, но и всегда соотносятся с конкретными семантическими субъектами, в то время как предикаты общей оценки имеют генерическую референцию и всегда соотносены с родовыми термами. Наш материал показывает, что это не вполне верно. Генерическая референция и значение общей оценки часто возникает за счет обобщения личного опыта говорящего. Риторические стратегии могут способствовать смещению акцентов. В контексте примера 35 говорящий обсуждает конкретную ситуацию в актуальном настоящем, но для придания своему мнению большего веса и категоричности оформляет его не как частную оценку единичного факта, а как общую, вневременную, оценку.

- (35) Если не ставите его в состав или считаете,
 что он этого не заслуживает, – выставляйте на трансфер.
 $\{_{\text{T}}[\text{ГРПользоваться пунктом в } \lambda\text{контракте}] \{_{\text{F}} \sphericalangle\text{некорректно}}\}$.
 (В. Газзаев о конфликте Р. Широкова с ФК «Спартак».
 «Спорт-Экспресс»)

Еще более показателен контекст примера 36, где говорящий сперва говорит о своем субъективном отношении (*Я привык...*) к ситуациям определенного типа (*...когда рядом происходит беда*), а сразу после этого апеллирует к слушателю, утверждая, что его личное отношение является единственно возможным в ситуации данного типа. Для анализа таких случаев мы предлагаем добавлять помету АМБИВАЛЕНТНО, указывающую, что предикат *невыносимо тяжело*, допускающий дативное подлежащее, одновременно соотносён с обобщенным субъектом оценки (любому Y-у в ситуации данного типа всегда будет невыносимо тяжело), и с конкретным субъектом состояния/оценки X (в данном случае X = Е. Гришковец).

- (36) А еще я не привык стоять в стороне, когда рядом происходит беда. Я привык немедленно попытаться помочь, принять участие.
 $\{_{\text{A}}\text{Невыносимо тяжело}^{\text{АМБИВАЛЕНТНО}} \emptyset^{\text{imp}} [\text{быть беспомощным}]$

свидетелем происходящей беды, если не сказать катастрофы]^{Sent}}.
(Е. Гришковец)

Установка на генерализацию своего личного опыта и попытка объективировать свойства конкретной ситуации, в которой говорящий оказался, порой приводит к попытке раздвинуть границы класса предикатов оценки и выдать свое состояние за объективное свойство сложившейся ситуации. Так, в примере 37 говорящий, описывая испытанные им и его товарищами неприятные ощущения, употребляет предикатив *больно*, предназначенный для описания состояния боли и досады, не со слабым дативным подлежащим, а с несубъектным расширителем *для + род.п.*

- (37) {_T [Пропускать четыре мяча]}
 \emptyset^{imp} {_F больно для нас в первую очередь},
 но это не принижает заслуг «Мордовии»
 (И. Акинфеев об игре с ФК «Мордовия». «Спорт-Экспресс»)

Пример 37 находится на грани приемлемого в литературном русском языке, поскольку в нем смешиваются два класса предикативов – предикативы состояния и предикативы оценки. Звучащий более разговорно пример 38, с нашей точки зрения, семантической аномалии не содержит, поскольку предикативы с элементом *-еньк-о* (ср. разг. *занятненько*, *гламурненько*, *комфортненько* и т.п.) являются именно средствами оценки и в употреблениях, близких к литературной норме, вообще не сочетаются со слабым дативным подлежащим (*??ему было комфортненько*). В контексте примера 38 говорящий, использующий предикатив *тревожненько за Z-a* выражает в режиме реального времени чувство личного беспокойства за позицию гроссмейстера П.В. Свидлера, но оформляет это не как информацию о своем личном состоянии (*X испытывает чувство тревоги за Z-a*), а как объективную оценку позиции – возникшая в партии Z-a позиция такова, что внушает тревогу любому квалифицированному наблюдателю / субъекту оценки Y.

- (38) Merkava: Всем привет!
 \emptyset^{imp} {_Y Тревожненько ^{АМБИВАЛЕНТНО} за Петра Вениаминовича...}
 (Форум на сайте chesspro.ru)

К несколько иной стратегии генерализации в предложении с тем же предикативом *больно* прибегает другой наш информант, который выдает пережитое лично им состояние (*X-у стало больно*; X = Е. Гришковец) за общее состояние всего народа, частью которого он является. Если в контекстах примеров 36–38 генерализация связана с обобщением конкретной

ситуации, то в контексте примера 39 говорящий производит манипуляции уже с самими семантическими субъектами, пытаясь вместо конкретного термина *Гришковец* подставить квантифицированное выражение типа *все мы / все члены некоторого множества*.

(39) Потому, как с деликатесов только разгонялась волна.

Испанский хамон и норвежский лосось были лишь авангардом,
за которым последовали уже осязаемые вещи
и стало \emptyset^{imp} больно^{КВАНТ.МНОЖЕСТВО}. (Е. Гришковец)

В ряде случаев мы столкнулись с текстами сложной семантической структуры, где на протяжении нескольких предложений используются разные стратегии представления ситуации, выражения предикатов оценки и состояния. Пусть даны множества субъектов действия/состояния $\{X_1, X_2 \dots X_n\}$ и субъектов оценки $\{Y_1, Y_2 \dots Y_n\}$. В контексте примера 40 говорящий / субъект оценки Y_1 (футбольный эксперт) разбирает конкретную референтную ситуацию, где X_1 (X_1 = игрок В. Березуцкий), по мнению Y -а, совершил техническую ошибку, из-за которой X_2 (X_2 = игрок И. Акинфеев) пропустил гол. Вначале при помощи модального предикатива *надо* эксперт выражает мнение о том, что в ситуации того типа, где в некотором конкретном матче оказался игрок X_1 , любой X должен был сделать Z , но X_1 не сделал Z . Тем самым, деонтический модальный оператор в примере 40 одновременно отсылает к конкретной референтной ситуации S_1 , где оказался X_1 , так и к родовой ситуации S , которая приложима к любому X -у, поскольку действие Z , как утверждает говорящий Y_1 , продиктовано самой логикой игры. Предикатив *надо* в контексте примера 40 мы снабдили пометой АМБИВАЛЕНТНО, учитывающей его двойную референциальную перспективу. В последнем предложении текста примера 40 разбирается продолжение того же эпизода – конкретная референтная ситуация S_2 , где игроку X_2 было сложно отразить удар. В этом предложении предикатив *сложно*, при котором стоит эксплицитно выраженное слабое дативное подлежащее *Акинфееву*, оформлен именно как предикат состояния и отсылает к конкретной референтной ситуации S_2 , что отражено в помете КОНКР.РЕФЕР.

(40) $\{_{\text{T}}\text{Второй } (\text{л})\text{гол}\} \{_{\text{F}}\text{мы } \text{уразобрали}\}. \{_{\text{T}}[\text{В } \text{л}\text{третьем}]_j\}$
 $\{_{\text{F}}[\text{IP}\{\text{винить Игоря}_1 \text{ т}_j\}] \emptyset^{\text{imp}} \text{не } \text{устоит}\} -$
 $\{_{\text{F}}\text{узащитники не подстраховали}\}. \{_{\text{T}}\text{В } \text{л}\text{четвертом}\}$
 $\{_{\text{F}}\text{уБерезуцкий}_k \text{напортачил}\}. \{_{\text{F}}\text{Зачем-то рго}_k \text{упритормозил}\},$
 $\{_{\text{T}}\text{когда } (\text{л})\text{Луценко}\} \{_{\text{F}}\text{махнул мимо } \text{умяча}\}.$
 $\{\emptyset^{\text{imp}} \text{НАДО}^{\text{АМБИВАЛЕНТНО}} \text{унакрывать, идти до } \text{уконца!}\}$

{_T В Литоге} {_Грго_к дал спокойно √пробить}, и {_ЛАкинфееву₁}
 {среагировать было √СЛОЖНО^{КОНКР.РЕФЕР}}. («Спорт-Экспресс»)

Итак, гипотеза о том, что слабое дативное подлежащее является маркером актуализованной конкретной референции при предикации состояния, подтверждается материалом. Гипотеза о том, что устранение слабого дативного подлежащего из схемы высказывания при одновременной топикализации ИнфГ либо ее элемента автоматически переключает тип референции и порождает предикаты общей оценки, ориентированные на родовую ситуацию, неверна. Предложения с ИнфГ и без слабого дативного подлежащего выражают широкий круг значений – от обозначений состояния конкретных людей до общих вневременных суждений. Обобщенная семантика может возникать как за счет генерализации конкретных референтных ситуаций, в которых оказался говорящий, слушающий или иное лицо, так и за счет подстановки вместо конкретного термина генерического термина или термина, указывающего на некоторое квантифицированное множество. Тезис о том, что в предложениях с семантикой обобщенной оценки топикализованная ИнфГ всегда является грамматическим подлежащим, ложен, анализ механизмов переключения референции не должен непосредственно привязываться к формально-грамматическому анализу в терминах приоритетных актантов. В целом, распределение поверхностно-синтаксических схем с дативным подлежащим и без него предсказуемо с позиций семантической теории. Предикаты оценки класса *аморально*, *алогично* не могут замещать предикаты состояния в литературном русском языке. Имеющиеся в текстах примеры различных стратегий оформления ряда модальных предикатов и предикатов состояния можно связать с тем, что в значении этих предикатов заложен параметр оценки, ср. ранее выдвинутую в работе А. Циммерлинга [21, с. 221] гипотезу, поэтому одни и те же денотативные ситуации с одушевленным участником могут представляться по-разному.

4.2. Произвольный контроль: семантика и синтаксис

В генеративной русистике в работах И. Ландау и других авторов за последнее десятилетие выдвигаются гипотезы о т.н. произвольном контроле. Имеется в виду, прежде всего, формально-синтаксическое отношение. В недавней работе Ф.Г. Шушурина произвольный контроль определяется как «механизм получения нулевым подлежащим нефинитных клауз <PRO> референции в отсутствии синтаксического отношения между нулевым подлежащим и предполагаемым источником референции» [18, с. 3]. В настоящей статье проблема нулевого подлежащего (боль-

шого) PRO зависимых (*Вася решил поработать*) и независимых инфинитивных клауз (*Васе еще работать и работать*) не обсуждается, поэтому мы воздержимся от дискуссии о том, следует ли постулировать PRO для всех нефинитных клауз и следует ли приписывать PRO категорию падежа в языках с морфологическими падежами типа русского или исландского, что было предложено в работе Х.А. Сигюрдссона [40]. В то же время, ИнфГ в некоторых случаях может выступать в роли сентенциального подлежащего, поэтому вопрос о том, предсказуема ли референция высказываний с ИнфГ и предикативом, имеет непосредственное отношение к теме нашей работы. А.А. Герасимова утверждает, что произвольный контроль имеет место в предложениях типа 41 и 42 (Нотация примеров наша. – А.Ц., М.Т.), где PRO или не обозначает никакого конкретного референта, или обозначает референта, обусловленного ситуацией [5, с. 57]. Существенно, что большое PRO (если его вводить) относится именно к зависимой клаузе, в то время как оператор \emptyset^{Imp} – часть синтаксиса главной клаузы, он указывает на то, что позиция подлежащего главной клаузы имеется, но в данном предложении не заполняется ненулевой формой.

(41) $\{_{\text{T}}[\text{После } \lambda\text{перелета}]_i\} \emptyset^{\text{Imp}}$
 $\{_{\text{F,IP}}[\text{PRO приятно}^{\text{ОБОБЩ.РЕФЕР}} \text{ глотнуть свежего } \lambda\text{воздуха } t_i]\}$.

(42) $\emptyset^{\text{Imp}} \{_{\text{A}}[\text{Жаль}^{\text{КОНКР.РЕФЕР}} [\text{IP PRO возвращаться в } \lambda\text{город}]]\}$.

Если не ограничиваться поверхностно-синтаксическими схемами, определяемыми с точностью до двух позиций – ИнфГ и предикатива, но рассматривать реализации конкретных предикативов и набор возможных для них референциальных и семантических интерпретаций, выводы А.А. Герасимовой могут быть оспорены. Предложение 42 выражает предикацию состояния и отсылает к конкретной референтной ситуации, предикатив *жаль* вообще не допускает генерических употреблений даже в отсутствие слабого дативного подлежащего¹. Произвольность референциального выбора в этом примере можно рассмотреть разве что в том плане, что референция к 1 л. может быть строгой (*жаль самому говорящему*) или инклюзивной (*жаль говорящему и некоторому множеству лиц с ним*). Предложение 41 при предикативе *приятно*, напротив, является предикацией оценки и при отсутствии маркеров актуализации закономерно отсылает именно к родовой, вневременной ситуации.

¹ В модели «Смысл – Текст» референция к конкретному лицу в предложениях типа 42 объясняется за счет введения нулевого синтаксического элемента \emptyset_{DAT} «человека»: в дат. п. (X-у жаль, и сам X же возвращается в город). В минималистической грамматике данное явление интерпретируется как обязательный (субъектный) контроль.

В предложениях типа 43 А.А. Герасимова усматривает субъектный контроль (контролером является неноминативный эксперенциальный субъект), что совпадает с нашими собственными выводами.

- (43) $\{_{\text{T}}^{\text{S}}[(\text{?})\text{E}\mu_{ij}]\}$
 $\{_{\text{F}}\text{было} [\text{IP}\text{PRO приятно}^{\text{КОНКР.РЕФЕР.}} \text{чувствовать себя, сверхчеловеком}]\}$.

Ф.Г. Шушурин, по утверждению А.А. Герасимовой [5, с. 57], полагает, что субъектный контроль в таких конфигурациях должен быть переосмыслен как произвольный контроль с контекстно-обусловленным референтом. Мы не нашли в работе Ф.Г. Шушурина указания на то, что «при выраженном субъектном детерминанте» реализуется произвольный контроль¹. Но некоторые сделанные им допущения кажутся нам недостаточно обоснованными. Например, Ф.Г. Шушурин находит в примерах типа 43 «нарушение структурного приоритета <дативных> контролеров над PRO очевидным» [18, с. 50]. Но это не наблюдаемый факт. Вначале автор делает вывод о том, что PRO существует и является грамматическим подлежащим, затем принимает более чем спорное допущение «Граматики 1980» о том, что ИГ в дат. п. является не приоритетным актантом, а субъектным детерминантом, т.е. универсальным расширителем предложений с предикативом, при том что класс предикативов со значением состояния диагностируется именно по наличию слабой валентности на дат. п. лица. В довершение ко всему, автор без анализа принимает тезис о синонимии беспредложной ИГ со значением дат. п. лица группе *для + род. п.* (ср. пример 37) и расширителю *со стороны X-a*.

В качестве теста предлагаем читателю произвести соответствующие замены в примерах из нашей статьи, начав с примера 43. В предложениях схемы Praed – Inf Ф.Г. Шушурин усматривает произвольный контроль, но требуется более детальная аргументация. Вывод автора о том, что PRO получает в контекстах, где дативный контролер либо невозможен, как в примере 41, либо не выражен, как в примере 42, свою референцию не от аргумента, а из предшествующего дискурса, правдоподобен, хотя и тавтологичен. Тест на сочетаемость с кванторными выражениями (ср. *Каждый сказал, что было невежливо так поступать; Каждый сказал, что скучно заниматься этим весь день*) интересен, но следовало бы проверить не только предикаты оценки типа *невежливо*, которые не

¹ Ср. «необходимо признать, что синтаксическое отношение между клаузами в рассмотренном нами классе <Praed – Inf> обладает всеми признаками обязательного контроля» [18, с. 50].

принимают дативные подлежащие (**Васе невежливо так поступать*) и не только предикативы класса *скучно, холодно*, которые легко дают генерические употребления в оценочных контекстах, но и такие предикативы, как *волнь'о, жирно, лень, тревожно, жаль*, которые могут сохранять конкретную референцию при невыраженном дативном подлежащем (примеры 22, 23, 44).

- (44) Каждый_i сказал, что \emptyset^{Imp} жаль^{КОНКР.РЕФЕР.}
 [_{IP}PRO_i расставаться с профессором Петровым].

По-видимому, допустимы две интерпретации примера 44, в обоих случаях *жаль* сохраняет конкретную референцию. Дано множество субъектов состояния $\{X_1, X_2 \dots X_n\}$, испытавших чувство сожаления по случаю расставания с профессором П. и высказавшихся на данную тему (не обязательно одновременно). При первой интерпретации *жаль* соотносено со всеми членами релевантного множества и единой ситуацией выражения сожаления S, даже если X_1 , высказался на эту тему в понедельник, X_2 – во вторник, а X_3 – в среду. При второй интерпретации *жаль* соотносено с множеством единичных ситуаций $\{S_1, S_2 \dots S_n\}$, когда X_1 выражает сожаление в $S_1 \dots$, X_2 – в S_2 и т.д.

Конечный вывод Ф.Г. Шушурина «В предложениях, в которых инфинитивная группа находится в позиции подлежащего, (вне зависимости от линейного порядка) имеет место произвольный контроль; в предложениях, в которых инфинитивная группа находится в позиции компонента, имеет место обязательный контроль» [18, с. 52] верен на пятьдесят процентов. При наличии слабого дативного подлежащего ИнфГ всегда попадает в позицию зависимого, реализуется субъектный контроль. Но отсюда не следует, что в клаузах, где слабого дативного подлежащего нет и реализуется произвольный контроль, ИнфГ всегда занимает позицию подлежащего.

5. Выводы

Мы рассмотрели проблемы грамматики и семантики предложений с предполагаемыми дативными и сентенциальными подлежащими. Было показано, что для обоснования подлежащего статуса данных выражений требуется полная классификация приоритетных актантов русского языка и алгоритм их выбора. Соответствующий формальный аппарат был представлен в первом разделе статьи. Во втором разделе мы показали, что слабые дативные подлежащие при предикативах обладают приоритетом над всеми типами сентенциальных подлежащих. В третьем разделе было доказано, что ИнфГ может попасть в позицию подлежащего

лишь при соблюдении ряда формальных и коммуникативных условий, и что в большом числе клауз с ИнфГ поверхностного подлежащего нет. В четвертом разделе было показано, что схема Praed – Inf, вопреки ранее высказывавшимся гипотезам, лишена единой обобщенной семантики, на ее основе может выражаться ряд значений, связанных с предикациями состояния и оценки.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем // *Russian linguistics*. 1985. Vol. 9. № 2–3. С. 289–317.
2. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // *Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность* / Под ред. А.В. Бондарко. СПб., 1992. С. 29–70.
3. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7–85.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л., 1947.
5. Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // *Типология морфосинтаксических параметров: Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015»* / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
7. Исаченко А.В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // *Вопросы языкознания*. 1955. № 6. С. 34–46.
8. Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке / Ин-т рус. языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. М., 1983. Вып. 156.
9. Летучий А.Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки»*. 2014. № 1. С. 62–84.
10. Маркова В.Р. Предикативы состояния с финалью *-о* в русском языке // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015»* / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. Вып. 2. М., 2015. С. 266–278.
11. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». Семантика. Синтаксис. М., 1974.
12. Мельчук И.А. Язык. От смысла к тексту. М., 2012.
13. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // *Вопросы языкознания*. 1955. № 2. С. 55–65.
14. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // *Семантические типы предикатов* / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982. С. 88–157.

15. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
16. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2. М., 1941.
17. Русская грамматика / Под ред. Шведова Н.Ю. В 2 т. М., 1982.
18. Шушурин Ф. Г. Произвольный контроль в нефинитных клаузах (на материале русского и финского языков): Дипломная работа. МГУ им. М.А. Ломоносова, 2015.
19. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 4-е. М., 2008. С. 77–100.
20. Циммерлинг А.В. История одной полемики // Язык и речевая деятельность. 1998. № 1. С. 63–87.
21. Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки // Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке / Под ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999. С. 221–228.
22. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
23. Циммерлинг А.В. Два типа дативных предложений в русском языке // Слово – чистое веселье. Сб. ст. в честь А.Б. Пеньковского / Под ред. А.М. Молдован. М., 2009. С. 477–489.
24. Циммерлинг А.В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). Материалы международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 549–558.
25. Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению. От значения к форме. Сб. ст. в честь 80-летия А.В. Бондарко / Отв. ред. М.Д. Войенкова. М., 2012. С. 568–590.
26. Циммерлинг А.В. Параметр нулевого подлежащего и членение текста // Язык. Константы. Переменные. Памяти А.Е. Кибрика / Под ред. М.А. Даниэля, Е.А. Лютиковой, В.А. Плунгяна и др. СПб., 2014. С. 217–231.
27. Циммерлинг А.В. Предикаты состояния и фактивность // Вопросы филологии. 2014. № 3–4. С. 52–60.
28. Циммерлинг А.В. Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния. URL: <https://mpgu.academia.edu/AntonZimmerling> (дата обращения: 13.11.2015).
29. Babby L. Subjectlessness, External Subcaterization, and the Projection Principle // Journal of Slavic Linguistics. 2002. Vol. 10. P. 341–388.
30. Franks S. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford, 1995.
31. Kibrik A.E. Beyond Subject and Object: Towards a Comprehensive Relational Typology // Linguistic Typology. 1997. № 1. P. 279–346.
32. Kratzer A. Stage Level and Individual Level Predicates // The Generic Book / G. Carlson & F.J. Pelletier (eds.). Chicago, 1995. P. 125–175.
33. Kniazev M. A theta-theoretic account of the distribution of sentential complements. The case of Russian *čto*-clauses // Proceedings of ConSOLE XX. Leipzig, 2012. P. 105–129.
34. Kondrashova N. The Source of Modality in Russian Dative-Infinitive Structures // SLS 2007 Meeting (August 22–26). Berlin, 2007.
35. Lavine J. Anti-Burzio Predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic // Вестник МГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 2. С. 91–106.

36. Mel'čuk I. Syntactic, or Lexical Zero // Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39. М.–Вена, 1995. С. 169–206.
37. Mel'čuk I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again // Язык. Константы. Переменные. Памяти А.Е. Кибрика / Под ред. М.А. Даниэля, Е.А. Лютиковой, В.А. Плунгяна и др. СПб., 2014. С. 169–216.
38. Moore J., Perlmutter D. What Does it Take to Be a Dative Subject? // Natural Language and Linguistic Theory. 2000. № 18. P. 373–416.
39. Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives” // Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 2013. P. 225–246.
40. Sigurðsson Halldór Á. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic // Natural Language and Linguistic Theory. 2002. № 20. P. 122–135.
41. Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Studies in Generative Grammar 55. Cambridge, 2003.
42. Zimmerling A. Zero Lexemes and Derived Sentence Patterns // Meaning-Text Theory 2007: Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory: Klagenfurt, May 20–24, 2007. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 69. Wien, 2007. 457–466.
43. Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure / G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (eds.). Frankfurt-am-Main – Berlin – Bruxelles – New York – Oxford – Wien, 2009. P. 253–268.
44. Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // Dialogue 2013. Computational linguistics and intellectual technologies. Vol. 12 (19). P. 723–737.
45. Zimmerling A. Sentential Arguments and Event Structure // Dialogue 2014. Computational linguistics and intellectual technologies. Vol. 13 (20). P. 710–727.

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Языковая компетенция: от А.А. Потебни к Н. Хомскому

Статья посвящена рассмотрению прогностических идей языковой компетенции, экономии языка, минималистской программы, языкового совершенства и несовершенства в работах А.А. Потебни и его учеников, корреляции эвристически заданной теории А.А. Потебни с научной программой Н. Хомского.

Ключевые слова: А.А. Потебня, Н. Хомский, языковая компетенция, принцип экономии языка, прогресс в языке, минималистская программа, языковое совершенство, несовершенство.

22 сентября 2015 г. исполнилось 180 лет со дня рождения выдающегося лингвиста А.А. Потебни. Он создал прообраз гуманитарной науки будущего, и только сейчас, в эпоху развития синергетики, теории сложных и сверхсложных систем, «живых» систем и др., можно по-настоящему оценить потенциал его динамично развивающейся во времени теории языка и творчества. В этой статье мы хотим обратиться к одной из «глубоких идей» А.А. Потебни, которая в современной эпистеме (М. Фуко) коррелирует с революционными теориями Н. Хомского.

Одна из центральных проблем теории А.А. Потебни – определение языка. В понимании А.А. Потебни «язык развивается не трудами филологов, а средним уровнем народа» [8, с. 81]. Об этом он говорит и в теоретической работе «Мысль и язык» (1862), и в труде «Из записок по русской грамматике» (1888–1941): «*Язык, вообще соответствующий среднему уровню понимания в народе* (здесь и далее выделено нами. – К.Ш., Д.П.), не ограничивается обозначением душевных явлений посредством сравнения их с чувственными или другими душевными: назвавши любовь огнем, он от сравнения переходит к причине и говорит, что от огня в нас любовь, точно так же, как, наоборот, народный стих, не довольствуясь сравнением физических явлений с психическими, ночи с думою, утверждает, что у нас ночи темные от дум Божиих. Темный человек по-своему, грубо удовлетворяет потребностям, создающим впоследствии науку; в сравнении он ищет средства произвести самое явление, раскаляет следы, взятые из-под ног другого, чтобы произвести в нем любовь. И при высшей степени развития всякий, кому нужно иметь влияние на душу, ищет разгадки ее состояниям» [9, с. 56–57]. Помимо отмеченного «среднего уровня», здесь намечаются другие

уровни языковой компетенции: «темного человека», человека «высшей степени развития».

Исследуя процесс формирования знания о языке, в том числе и «наивного» («неявного») знания в народе, А.А. Потебня подходит к теории «языковой компетенции», которую впоследствии Н. Хомский положил в основу генеративной грамматики и «минималистской программы» (языковой экономии). А.А. Потебня, например, замечает, что при распределении глаголов по видам «принимается в расчет не найденная учеными первообразность и производность глаголов, а такая, которая видна *человеку, практически знающему свой язык*» [8, с. 81]. На владение языковыми средствами носителя языка и делается установка в процессе определения языковой компетенции.

Близость взглядов, идей, даже метаязыка науки, объясняется тем, что в определенный период времени, пусть даже большой, функционирует связанная структура идей. Работы А.А. Потебни, его учеников и исследования Н. Хомского связаны с современной эпистемой, по классификации М. Фуко, в которой язык становится объектом изучения, лингвистика – самостоятельной дисциплиной [12]. Научный вызов, как правило, имеет соответствующий отклик (как например, на претензии младограмматиков о незнании методов изучения современного состояния языков был ответ со стороны Ф. де Соссюра). На то, что идеи А.А. Потебни не получили широкого распространения в XX в., во многом повлияли нападки ОПОЯЗа, а в большей степени материалистическая идеология, утвердившаяся после революции 1917 г. и вытеснившая «идеализм», «формальный подход к изучению языка». К творчеству А.А. Потебни в XX в. обращались, в основном, в академической лингвистической среде.

Может показаться странным сопоставление исследований А.А. Потебни с работами Н. Хомского, который, по мнению многих лингвистов и, в частности, Ж. Сёрля [21–24], в 1960-е гг. своими трудами совершил новую научную революцию в лингвистике (безусловно, самой значимой предыдущей революцией было учение Ф. де Соссюра). Близость взглядов лингвистов А.А. Потебни и Н. Хомского объясняется тем, что ученые являются гумбольдтианцами. В работе «Язык и мышление» (1968) Н. Хомский опирался на две наиболее значимые классические теории языка: грамматику и логику Пор-Рояля и учение В. фон Гумбольдта. Точкой отсчета в теории Н. Хомского послужило соотношение звука и значения в языке (в терминах Гумбольдта и Потебни – внешней и внутренней формы): «Каждый язык, – пишет Н. Хомский, – может рассматриваться как определенное отношение между звуком и значением. Следуя за теорией Пор-Рояля до ее логического завершения, мы должны сказать тогда,

что грамматика языка должна содержать систему правил, характеризующую глубинные и поверхностные структуры и трансформационное отношение между ними и при этом – если она нацелена на то, чтобы охватить творческий аспект – применимую к бесконечной совокупности пар глубинных и поверхностных структур. Как писал Вильгельм фон Гумбольдт в 1830-х годах, *говорящий использует бесконечным образом конечные средства*. Его грамматика должна, следовательно, содержать конечную систему правил, которая порождает бесконечно много глубинных и поверхностных структур, связанных друг с другом соответствующим образом» [15, с. 28].

Не раз говорилось о соответствии «глубинной» и «поверхностной» структур Н. Хомского и «внутренней» и «внешней» форм языка и слова В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни [10, с. 22]. Наиболее обобщенным образом это соответствие можно объяснить соотношением объективной стороны языка – «внутренней формы», «глубинной структуры» (воспринимаемой всем языковым коллективом как нечто общее), – и субъективной – «внешней формы», «поверхностной структуры» (индивидуальной, проявляющейся каждый раз по-новому в речи каждого отдельного говорящего человека). Говоря о языке, А.А. Потебня постулирует идеи, связанные с различением языка и речи как объективной данности и субъективного выражения: *«Язык имеет свое содержание, но оно есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что хотя в действительности оно составляет принадлежность только лица и в каждом лице различно»*, т.е. имеет речевые особенности при наличии общих внутренних правил и инвариантных структур [8, с. 99–100].

Еще в работах «Аспекты теории синтаксиса» (1965) и «Язык и мышление» (1968) Н. Хомский, опираясь на исследования картезианцев, а также идеи В. фон Гумбольдта, выдвигает понятие «языковой компетенции» (*competence*), которое противопоставлено понятию «употребление» (*performance*). Противопоставление «компетенция» – «употребление» в теории Н. Хомского коррелирует с сосюровским противопоставлением «язык» – «речь». Вот как сам Н. Хомский определяет «языковую компетенцию», иначе «языковую способность»: *«Сейчас уже стало, помоему, совершенно ясно, что если нам суждено когда-либо понять, как язык используется и усваивается, то мы должны абстрагировать для отдельного и независимого изучения определенную систему интеллектуальных способностей, систему знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами определяет те виды поведения, которые мы наблюдаем; если*

вести формальный термин, то можно сказать, что мы должны изолировать и изучать систему *языковой компетенции, которая лежит в основе поведения, но которая не реализуется в поведении каким-либо прямым или простым образом*. И эта система языковой компетенции качественно отличается от всего, что может быть описано в терминах таксономических методов структурной лингвистики, с помощью понятий S–R-психологии или понятий, выработанных в рамках математической теории или теории простых автоматов» [15, с. 15].

Речь идет о совокупности конкретных умений, необходимых человеку для осуществления речевых контактов и овладения языком. Теория «языковой компетенции» Н. Хомского впоследствии легла в основу разработки стандартов изучения родного и иностранных языков в странах Европы. Результатом использования теории «языковой компетенции» можно считать действующий документ Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» («Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment»), в котором описывается система уровней владения иностранным языком, используемая в Европейском Союзе. Документ был разработан Советом Европы в 1989–1996 гг. как основа проекта «Изучение языков для европейского гражданства» («Language Learning for European Citizenship»). Главная цель документа – предоставить метод оценки и обучения, применимый для всех европейских языков. В ноябре 2001 г. резолюция Европы рекомендовала использование этого документа для создания национальных систем оценки языковой компетенции.

В основе описания языковой компетенции лежит деятельностный подход, устанавливается взаимосвязь между использованием и изучением языка. Цель – развитие такого «лингвистического репертуара», где есть место всем лингвистическим умениям. Нынешние направления в языковой программе Совета Европы связаны с разработкой технологий, с помощью которых преподаватели языков смогут способствовать развитию *многоязычной личности*, поэтому зафиксированным и признанным является самый разнообразный опыт изучения языка и межкультурного общения.

Н. Хомский, как и в некоторой степени А.А. Потебня, старался дать «представление о том виде ведущихся сейчас работ, которые направлены, с одной стороны, на то, чтобы определить *системы правил*, составляющие знание некоторого языка, и, с другой стороны, на то, чтобы *вскрыть принципы, управляющие этими системами*» [15, с. 39]. Этот стиль и метод Н. Хомский назвал «галилеевским», использование его призвано устанавливать законы и принципы действия системы, а не давать описание всех ее элементов.

А.А. Потебня в разработке учения о взаимодействии языка и мышления в качестве одной из главных проблем лингвистики называл определение «сил» (правил, принципов), посредством которых в сознании и речи народа совершается процесс перехода чувства в образ предмета, а образа предмета в понятие о предмете (перехода от «глубинных структур» к «поверхностным»). Ученый отмечает, что этот переход может совершиться только с помощью слова, но «понятие, как и многое другое в личной и народной жизни, навсегда останется для нас величиною, произведенною, так сказать, умножением известных нам условий на *неизвестные* нам и, вероятно, *неисследимые силы*» [9, с. 67]. Внутренняя форма слова или предложения («глубинная структура») находятся в бессознательном фонде знания среднего носителя языка, и для их изучения необходимо специальное исследование.

А.А. Потебня различает язык и речь, разграничивает «практическое знание языка» и «научное», т.е. то, что определяется как различные уровни языковой компетенции. В то же время речь – это часть языка, при этом язык существует объективно в сознании индивида и в общей памяти народа. Образованный человек знает о парадигматике, системных отношениях в языке, но в процессе непосредственного говорения он актуализирует заложенные в его сознании модели, внешне не рассуждая об этом: как говорит А.А. Потебня, они остаются «за порогом сознания». Человек менее образованный может говорить о том же, но делать речевые ошибки, отклоняться от языковых правил, например, ничего не зная о языковой норме, а может говорить очень правильно. А.А. Потебня считает, что «требование практического знания языка» совместимо с «отсутствием знания научного». По-видимому, это утверждение основывается на понимании значения актов бессознательного во владении языком в процессе речевой деятельности.

В особенности пристально А.А. Потебня исследует это различие («практического» и «научного» знания языка) в работе «Из записок по русской грамматике»: «Если не захотим придать слову *речь* слишком широкого значения *языка*, то должны будем сказать, что и речи, в значении известной совокупности предложений, недостаточно для понимания входящего в нее слова. *Речь*, в свою очередь, существует лишь как *часть большего целого, именно языка*. Для понимания речи нужно присутствие в душе многочисленных *отношений данных в этой речи явлений к другим*, которые в самый момент речи остаются, как говорят, “*за порогом сознания*“, не освещаясь полным его светом. Употребляя именную или глагольную форму, я не перебираю всех форм, составляющих склонение или спряжение; но, тем не менее, данная форма имеет для меня смысл

по месту, которое она занимает в склонении или спряжении (Humb., Ueb. Versch., 261). Это есть *требование практического знания языка*, которое, как известно, *совместимо с полным почти отсутствием знания научного*. Говорящий может не давать себе отчета в том, что есть в его языке склонение, и, однако, склонение в нем действительно существует в виде более тесной ассоциации известных форм между собою, чем с другими формами. Без своего ведома говорящий при употреблении данного слова принимает в соображение то большее, то меньшее число рядов явлений в языке. Например, *в русском литературном языке творительный падеж ед. находится в равномерной связи с другими падежами того же склонения и, в частности, не стремится вызвать в сознание ни одного из них, так как явственно отличается от всех их в звуковом отношении*» [6, с. 44].

А.А. Потебня считает, что говорящий может «вызвать в сознание» какие-либо формы при затруднении в употреблении, например, падежных форм, но чаще он справляется с этим «не отдавая себе отчета», бессознательно. Ученый развивает эту мысль в процессе сравнения падежных форм в различных индоевропейских языках: русском и латышском. В русском творительный падеж отличает от других падежей, а в латышском он не имеет особого окончания и совпадает в единственном числе с винительным (*gréku – грех, грехом*), а во множественном – с дательным (*grékim – грехам, грехами*). Говорящий по-латышски, считает А.А. Потебня, не допускает путаницы в употреблении падежных форм благодаря тому, что привлекает семантику и использует внутренние алгоритмы: сначала определяет число (например, множественное), далее «под звуковой формую винительного множественного он не находит значений, которые мы обозначаем именем творительного, и отыскивает эти значения под звуковую формую дательного множественного числа. Таким образом, в говорящем по-латышски особенность категории творительного поддерживается посредством более тесной ассоциации между единственным и множественным числом, чем в русском» [Там же, с. 45]. В процессе формирования языковой компетенции, например, при изучении различных языков следует делать установку на правила употребления грамматических форм, которые носитель языка использует бессознательно, хотя и может «вызвать в сознание» любую форму и любое правило (Л.П. Якубинский использовал термин А.А. Потебни, говоря о «вызове» «в светлое поле сознания» звуков при восприятии поэтической речи) [17, с. 37, 49].

Д.Н. Овсянико-Куликовский в речи «О значении научного языкознания для психологии мысли» (1901) развивает мысли А.А. Потебни о языке, который заложен в сознании говорящего, но в процессе речи он

используется как бы «за порогом сознания», в особенности грамматические формы. При этом Д.Н. Овсянко-Куликовский не просто иллюстрирует положения своего учителя, а использует мысли А.А. Потебни о разработке проблемы языковой экономии. По Д.Н. Овсянко-Куликовскому, психика активна, а не пассивна, а «жизнь духа» – это психический труд, «работа мысли, чувства и воли», при этом мысль «работает двояко: 1) тратя силу и 2) сберегая силу» [4, с. 70]. Ученый обращается к грамматической форме слов, по его мнению, «она *мыслится за порогом сознания и, следовательно не тратит умственной силы*, не отвлекает внимания. Для примера возьмем какую-нибудь фразу. Положим, вы говорите: “Эту книгу я прочитал с удовольствием”. Говоря или мысля эту фразу, *вы не сознаете, не отдаете себе отчета* в том, что “эту” есть местоимение указательное женского рода в винительном падеже единственного числа и согласуется с “книгу”, а последнее есть существительное женского рода единственного числе в винительном падеже и управляется глаголом “прочитал”, а “я” местоимение 1-го лица единственного числа и т.д. и т.д. Мы уже знаем, что *грамматические формы суть акты апперцепции* (зависимости восприятия от прошлого духовного опыта, запаса накопленных знаний и впечатлений. – *К.Ш., Д.П.*); в данной фразе вещь “книга” апперцепирована категорией существительного, имеющего в русском языке грамматический признак женского рода, – говорящий субъект апперцепирован местоимением “я” и т.д. *Если все эти акты грамматической апперцепции перевести в сознание, то они займут там очень много места, привлекут к себе большую долю внимания, – и это будет непроеизводительная трата умственной силы*» [Там же, с. 73–74].

Опираясь на понятие среднего уровня владения языком, Д.Н. Овсянко-Куликовский описывает его как «язык привычный», на котором человек мыслит легко, непринужденно, не задумываясь над «приисканием» того или другого слова. Это язык, усвоенный с детства, родной («Mutter-sprache»), «язык национального общения». В нем грамматическая форма слов мыслится бессознательно, автоматически, а бессознательность – необходимое условие для «освобождения умственной силы». При этом, по Д.Н. Овсянко-Куликовскому, «освобожденная сила» устремляется на использование разных лексических значений и на те «акты мысли», которые образуют сознательную часть речи (понятия, представления), и эта умственная сила обрабатывает речь в новом направлении, которое подсказано внутренней, глубинной «грамматической апперцепцией»: «на этом новом поприще мысли грамматическая категория существительного превращается в логическую категорию вещи, грамматическая категория глагола – в логическую категорию силы» [Там же, с. 75].

Чем более бессознательно используется грамматическая форма, считает автор, тем более удобным орудием мысли она становится, т.е. более совершенным способом сбережения и накопления ментальной силы. Язык и речь совершенствуются в процессе эволюционирования, по мнению Овсяннико-Куликовского, и тем самым «помогают» говорящему легко выражать все более и более сложные мысли, сочетая это с языковой экономией. Ученый дополняет этот тезис заключением о том, что современные европейские языки гораздо более пригодны для выражения сложной мысли, чем древние, в которых грамматическая форма «вращалась очень близко к порогу сознания и легко проникала в содержание слов, определяя их материальный смысл» [4, с. 75].

«Харьковские» лингвисты формулируют соотношение языка и речи (употребления): язык, опирающийся на парадигматику, т.е. систему единиц и форм языка, а также правил их организации и отношений между ними, существует в сознании говорящего как относительно стабильная (инвариантная) структурно-системная организация, а его употребление (говорение) – это другая сторона языка, речь, и оно имеет разные формы реализации. А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский подчеркивают, что «практическое знание языка» – «языковая компетенция», в терминах Н. Хомского, используется, когда человек может и не знать, что правильно или неправильно в речи, каковы нормы языка, но более или менее правильно употребляет язык, это касается даже детей, которые, не имея никакого представления о строении языка, говорят на нем и могут сочинять истории, стихи, придумывать игры, описывать их и т.д.

Как видим, вопрос о языковой компетенции был поставлен в середине XIX в., но решение его, в силу разрыва традиции в СССР, было осуществлено не в нашей стране, а за рубежом. По Хомскому, «знание языка включает способность приписывать глубинные и поверхностные структуры бесконечному множеству предложений, соотносить эти структуры соответствующим образом и приписывать семантическую интерпретацию и фонетическую интерпретацию глубинных и поверхностных структур. Этот набросок природы грамматики представляется вполне точным первым приближением к характеристике “знания языка”» [15, с. 41].

Дж. Сёрль, делая обзор книг Н. Хомского в 18 номере журнала «The New York Review of Book» за 1972 г., утверждал, что одно из главных достижение «революции» Н. Хомского – изменение объекта изучения лингвистической и психологической науки. Если до появления работ Н. Хомского, по мнению Дж. Сёрля, лингвистика входила в разряд «классификационных наук» («classificatory sciences»), а психология была наукой о человеческом поведении (бихевиористской наукой), то «револю-

ция» Н. Хомского сделала объектом изучения лингвистики и психологии человеческого мышление [21]. Следует подчеркнуть, что проблема изучения психологии мышления в опоре на лингвистическое знание довольно хорошо разработана и А.А. Потебней («Мысль и язык», 1862), и его учеником Д.Н. Овсяннико-Куликовским, который еще в 1901 г. выступил в Харьковском университете с речью «О значении научного языкознания для психологии мысли», где сформулировал новые задачи: «Моя задача в настоящей речи состоит в том, чтобы обратить ваше внимание на особенно важное значение, на исключительное призвание – в деле дальнейшей разработки проблемы разума – той из филологических наук, которая исследует основной фундамент мышления человеческого. Этот *фундамент есть язык, речь* человеческая, явления так называемого *грамматического мышления*. Моя задача, стало быть, сводится к указанию на *тот вклад, на который проблема разума может рассчитывать со стороны лингвистики*, то есть науки о языке» [4, с. 66].

Разработка взаимодействия наук о человеческом сознании и лингвистики привела к созданию комплексной науки – психолингвистики. Д. Слобин и Дж. Грин в работе «Психолингвистика» (1972), развивая идеи Н. Хомского, настаивают, подобно А.А. Потебне, на том, что при анализе «глубинных структур», «скрытых структур» языка необходимо учитывать психические состояния человека «в конкретной ситуации»: «Важно еще раз подчеркнуть это различие между наблюдаемым поведением и скрытыми структурами. <...> Мы не можем изучать поведение, не имея теории структуры этого поведения, и мы не можем исследовать структуру, не зная, какое именно поведение обладает этой структурой. <...> Мы столкнемся с той же дилеммой при рассмотрении психолингвистической проблемы языковых способностей, знания о языке (*linguistic competence*) и языковой активности (*linguistic performance*) – различием между тем, что человек теоретически *способен* говорить и понимать, и тем, что он *на самом деле* говорит понимает в конкретных ситуациях» [11, с. 22–23].

Многие продуктивные идеи Н. Хомского получили прикладное воплощение, в частности, в системе нейролингвистического программирования. Если бы вовремя были оценены работы А.А. Потебни и его учеников, то стало бы понятно, что следовало бы заняться их проверкой, разработкой, тем более что суггестивная функция языка (сила слова) была предметом особого интереса Харьковской школы. В качестве примера можно привести не только мысли самого А.А. Потебни, но и фундаментальное исследование его ученика и последователя А.В. Ветухова «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова» (1907).

В трудах А.В. Ветухова на многочисленных примерах показано, что достижения современной ему психиатрии основаны на изучении народных заклинаний, заговоров, «таинственных слов»: «Идеи, образы, определяющие наше поведение и отчасти самый наш характер, внушаются нам частью обстоятельствами, частью другими людьми, – пишет А.В. Ветухов в работе «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова». – Точнее, там, где они особенно ярки и сильны, они ощущаются нами, как какие-то психические внушения. <...> С самым словом, в котором выражается правило действия, связывается такое представление предписания, веления, внушения. Внушительное слово, свое или чужое, побуждает нас к деятельности и определяет ее направление: такое слово не только слышится нами, но и живет в нас» [3, с. 96–97]. А.В. Ветухов описывает случаи использования вербального внушения в психиатрии, медицинских практиках, основанных, например, на гипнозе и пр., считая, что такого рода высоким уровнем языковой компетенции обладают не только профессиональные, специально обученные медики, но и народные врачеватели, пользующиеся накопленным опытом народа, его неявным знанием.

Вопрос о языковой компетенции сложен, неслучайно уровни языковой компетенции регламентируются специальным документом. Кроме того, принято говорить об узком (собственно лингвистическом) и широком (философском) понимании языковой компетенции. В последнем случае применим принцип относительности. Простой пример: если речь индивидуума насыщена просторечием, жаргоном, мы говорим о низком уровне языковой компетенции, а просторечие, например, в прозе Н.С. Лескова, М.М. Зощенко (разные типы сказа), по определению В.В. Виноградова, свидетельствует о высшем проявлении артистизма писателя и, значит, о высоком уровне его языковой компетенции.

Книге Н. Хомского «О природе и языке» (2005) предпослано в качестве одного из эпиграфов высказывание Р. Фрейдина, который считает «минималистскую программу» Н. Хомского «самым революционным проектом в истории лингвистики» [14]. «Минималистская программа» помещает в центр исследований замечательное качество устройства языка – «изящество и экономию в осуществлении им основополагающей задачи соединения звуков и смыслов на неограниченной области» [14, с. 10]. При этом осмысливается аналогия языка «с иными изящными системами, открытыми путем научного поиска в других областях естественного мира» [Там же]. По теории Н. Хомского, все направления исследований языка указывают, что «устройство языка чувствительно к принципам экономии и хорошо приспособлено для упрощения и упорядочения языковых вычислений»

[14, с. 67]. При этом «самый сильный тезис» теории Н. Хомского, по утверждению редакторов книги «О природе и языке»: «...может ли быть так, что язык – это система, устроенная оптимально, при определенных критериях оптимальности? Минимальная потребность, какую должны удовлетворять языковые исчисления, – это соединение интерфейсных репрезентаций, через которые языковая способность “говорит” с другими компонентами разума: фонетическая форма соединяет язык с сенсомоторными системами восприятия и артикуляции, а логическая форма соединяет язык с мыслительными системами концептов и интенций. Так можно ли сказать, что язык – это система, оптимально устроенная для того, чтобы соединять репрезентации, которые прочитываются сенсомоторной и мыслительной системами?» [Там же, с. 68].

В свое время А.А. Потебня ответил на этот вопрос утвердительно. Об этом и других проблемах языковой экономии он рассуждает в работе «Из записок по русской грамматике». В его понимании, язык служит «органом непрерывно деятельной мысли», в процессе этой деятельности «действительно уменьшается число категорий известного рода» при оптимизации системы: «Итак, если, при сохранении грамматической категории, звук, бывший ее поддержкою, теряется, то это значит не то, что в языке ослабело творчество, а то, что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания формы другим, более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это целою речью или схемою форм. Кто не умеет считать и имеет недостаточное понятие о пространственных отношениях, тот должен, чтобы выбрать один предмет из многих, знать его собственные приметы, например, цвет и т.п.; но, имея возможность определить предмет по порядку, по месту в пространстве, можно, если это нужно, не обременять мысли никакими другими приметами» [6, с. 66]. Как видим, А.А. Потебня подчеркивает, что при развитии грамматики совершенствуется «соединение интерфейсных репрезентаций».

То, что Н. Хомский впоследствии определил как «минималистский принцип», у А.А. Потебни находится в прямой зависимости от языковой компетенции: чем полнее реализуется языковая экономия (в терминах Н. Хомского, «минималистская программа»), тем меньше усилий тратит носитель языка для артикуляции сложной мысли и таким образом оказывается способным выразить большее количество сложных идей, осуществить их взаимодействие с чувствами (сенсорными модусами), имея в распоряжении меньшее количество языковых средств. При этом тенденция языковой экономии оказывает влияние на мышление,

и наоборот, совершенствование мышления способствует языковой экономии. Языковая экономия – это не упрощение языка и его употребления, это его развитие по направлению все большего совершенствования внешней и внутренней организации, т.е. фактор прогресса в языке.

Принцип экономии языка в теории А.А. Потебни является одним из наиболее значимых в изучении прогресса языка и мышления, общей внешней и внутренней организации языка, становления «современного литературного языка» со сложившейся структурой и системой, которые, тем не менее, находятся в непрерывной деятельности и динамике. Этот «минималистский принцип», когда избыточное постоянно устраняется в языке в процессе его организации и самоорганизации, проходит красной нитью через всю теорию А.А. Потебни, соединяя четырехтомное исследование «Из записок по русской грамматике» в единое целое. Подводя итоги I–II томов этого труда, А.А. Потебня утверждает, что в живых языках «разрушение старого есть вместе создание нового» [6, с. 516]: беспрерывно изменяется лексическая система, создание новых грамматических функций продолжается до нашего времени. Конечно же, теория А.А. Потебни исторически детерминирована, хотя динамика форм имеет отношение и к синхронным срезам. Он иллюстрирует этот тезис рассуждением о том, что в русском и других славянских языках «увеличивается противоположность имени и глагола» [Там же]. Так, в «древнем языке» причастие как промежуточная форма между именем и глаголом использовалось более «обширно», атрибутивность играла большую роль: «На месте двух одинаковых косвенных падежей, ставших друг к другу в отношение, отличное от простой атрибутивности, с течением времени становится винительный с творительным, родительный с творительным, дательный с творительным» [Там же]. А.А. Потебня убедительно показывает, как язык вырабатывает «различение бывших прежде однородных функций членов предложения» [Там же].

Далее в рассуждении он прибегает к аналогии законов развития языка и законов органической природы, приходя к выводу об экономии языка как движущей силе его эволюции: «Если в области внешней органической природы разграничение органов есть усложнение и в этом смысле усовершенствование жизни, то и здесь мы должны видеть *усложнение душевной жизни и усовершенствование языка*» [Там же]. А.А. Потебня подчеркивает тезис об усовершенствовании языка в процессе действия принципа экономии: «...стремление свести категорию атрибута на атрибут в тесном смысле, то есть непредикативный, служит на пользу *экономии языка*. <...> Во всем этом видно такое же стремление сосредоточить предикативность в глаголе на счет предикативности имени и причастия,

какое – в замене причастного сказуемого придаточных предложений глагольным, а до этого – в превращении доинфинитивного слова в глагольную форму» [6, с. 516]. Последний тезис А.А. Потебни развит в теории языковой экономии Д.Н. Овсяннико-Куликовского, который утверждал, что наибольшее усилие мысли тратится при выражении предикативности, поэтому в процессе развития языка унифицируются некоторые способы формирования предикации в русском и других славянских языках [4, с. 79]. А.А. Потебня и его ученики напрямую приходят к проблеме совершенства и несовершенства в языке в процессе действия принципа языковой экономии.

«Минималистская программа» Н. Хомского связана в его теории с устранением «несовершенств» языка. В широком смысле в языке много «несовершенства», а содержательное определение совершенства подразумевает выявление возможных несовершенств. Рассуждая о числе в английском языке, Н. Хомский отмечает, что «несовершенство кроется в показателях числа при глаголе. Там-то они зачем? При существительном они уже есть, так зачем же они нужны еще и при глаголе или при прилагательном? Там показатели числа выглядят избыточными, и вот это и есть несовершенство» [14, с. 163]. Внимание к «несовершенству», т.е. к избыточности, позволяет более глубоко осмыслить внутренние процессы языка и их реализацию.

Отметим терминологическое совпадение в исследованиях ученых, принадлежащих к разным эпохам. Рассуждая о творчестве в языке, А.А. Потебня использует те же термины «совершенство» и «несовершенство». Вот, к примеру, его размышления об употреблении глагола: «Как бы ни были *несовершенны* (выделено автором. – К.Ш., Д.П.) его формы, но синтаксическая его сила та же, потому что язык раз навсегда и неизгладимо отделил его от имени» [6, с. 67]. В примечании автор указывает, что понятие *совершенства* он рассматривает широко, имея в виду функционирование языка: «Различные формы могут быть равно *совершенны*, то есть равно необходимы для производимых ими действий» [Там же].

В работе «Мысль и язык» А.А. Потебня пишет: «В сфере языка посредством представления, объединяющего чувственную схему и отделяющего предмет от всего остального, то есть сообщающего ему *идеальность*, устанавливается внутренняя связь восприятий, отличная от механического их сцепления. Начавши с очевидного положения, что отдельное слово как предложение еще не вносит *гармонии* во всю совокупность наших восприятий, потому что выделяет из них только одну незначительную часть, мы должны будем прибавить, что это слово полагает начало водворению этой *гармонии*, потому что готово стать подлежащим или сказуемым

других, вновь возникающих слов» [9, с. 172]. Подчеркивается коммуникативная сторона высказывания, которой само слово не обладает, но может стать инициатором для возникновения высказывания, в которое будет вложено соответствующее содержание, способное внести «гармонию» (по-видимому, и дисгармонию) в наше восприятие действительности. Реализуется деятельностный подход в исследовании языка, намечается понимание того, что нет непроходимой границы между лексическим и грамматическим значениями – типичное лексическое может стать грамматическим.

В.И. Борковский, редактор монументального труда А.А. Потебни «Из записок по русской грамматике», обращает внимание на то, что Потебня в процессе разработки учения о паратактических придаточных предложениях доказал, что речевые аномалии, ошибки, небрежности, связанные с низким уровнем языковой компетенции носителей языка, не повлияли на языковую систему сложного предложения в древнерусском языке, не сделали ее «нестройной, бессистемной»: «Говоря о препозитивности придаточных предложений с относительными местоимениями и частицами, А.А. Потебня справедливо возражает тем, кто такую препозицию считал необычной, невозможной для древнейшего периода языка или вообще недопустимой в языке и, следовательно, вызванной ошибкой писца.

В числе этих ученых был и Ф.Е. Корш, автор труда «Способы относительного подчинения»... <...> А.А. Потебня, – считает В.И. Борковский, – доказал ошибочность подобных взглядов на порядок частей сложного предложения с относительными местоимениями и частицами: “Нам кажется естественным порядок: “я видел человека, *который* приходил” и “*когда* он приходил”, между тем как это есть извращение первоначального порядка, ради выражения подчиненности придаточного. Первообразнее: “(*который, когда* и пр.) чкъ приходил, (и) я (того, его) видел”. Отметив наличие стройности и в паратактичности, А.А. Потебня установил, что процесс замены паратактических предложений происходил равномерно, по мере усиления гипотактичности и стремления к объединению предложений, по мере развития относительных местоимений» [2, с. XII]. Усиление гипотактичности связано не с закреплением «небрежностей» в языке, а с законом языковой экономии, который реализуется в процессе естественной языковой эволюции. А.А. Потебня, анализируя процессы исторического развития грамматических форм, обращает внимание на исторические особенности языковой компетенции: то, что привычно и обыкновенно в речи носителя древнерусского языка, может быть совершенно непривычно для современного носителя языка, поэтому в процессе изучения уровня языковой компетенции

и ее влияния на систему языка необходимо учитывать фактор времени (исторической эпохи).

Ценность идей А.А. Потебни о соотношении языка и мышления, выдвинутых в середине XIX в., особенно осознается сейчас, когда во всем мире идет интенсивная разработка искусственных языков, исследование их соотношения с естественными языками и сознанием, работы по созданию искусственного интеллекта, систем распознавания устной и письменной речи и др. [16]. Достаточно обратиться к регулярным книжным обзорам Дж. Сёрля на страницах «Нью-Йоркского книжного обозрения»: «Чего не знает компьютер?» (2014) – отзыв о книге Лучано Флориди «Четвертая революция: Как инфосфера меняет форму человеческой реальности?» (2014); «Может ли информационная теория объяснить сознание» (2013) – рецензия на книгу К. Коха «Сознание: Исповедь редуccionиста-романтика» (2012); «Может ли мыслить фотодиод?» (2013) и др. Смотрите также новые монографии Н. Хомского, его последователей С. Пинкера, М. Бейкера и др. [1; 5; 18–20].

В нашей статье мы говорили о проблеме языковой компетенции, поставленной в работах А.А. Потебни середины XIX в., нашедшей неожиданное подтверждение и особую реализацию в трудах Н. Хомского во второй половине XX в. Знание в объективном смысле – это знание без того, кто знает, знание без субъекта знания (К.Р. Поппер). Оно принадлежит «третьему» миру, в котором функционируют сущностные идеи того или иного времени. Идеи, которые несут работы А.А. Потебни и Н. Хомского, несомненно, относятся к миру объективного знания. Этот мир, как известно, превосходит (*transcends*) своих создателей.

Наблюдения А.А. Потебни в работах «Мысль и язык», в четырехтомном труде «Из записок по русской грамматике» могли бы дать дополнительные критерии для построения теории порождающей грамматики, семантики, универсальной грамматики, теории языковой компетенции.

Библиографический список

1. Бейкер М. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания. М., , 2008.
2. Борковский В.И. Александр Афанасьевич Потебня // Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. М., 1968. Т. III. С. V–XIV.
3. Ветухов А.В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (из истории мысли). Варшава, 1907.
4. Овсяннико-Куликовский Д.Н. О значении научного языкознания для психологии мысли // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 65–83.
5. Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. М., 1958. Т. I–II.

7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. М., 1968. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. М.–Л., 1941. Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог.
9. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 17–200.
10. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт фон В. Избр. тр. по языкознанию. М., 1984. С. 5–33.
11. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.
12. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
13. Хомский Н. Картезианская лингвистика. М., 2005.
14. Хомский Н. О природе и языке. М., 2005.
15. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
16. Штайн К.Э., Петренко Д.И. А.А. Потебня: Диалог во времени. Ростов-н/Д., 2015.
17. Якубинский Л.П. О звуках стихотворного языка // Поэтика. Сб. по теории поэтического языка. Пг., 1919. Вып. I–II. С. 37–38.
18. Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge, 2000.
19. Chomsky N. *Rules and Representations*. NY, 2005.
20. Chomsky N. *The Minimalist Program*. Cambridge, 1995.
21. Searle J.R. A Special Supplement: Chomsky's Revolution in Linguistics // *The New York Review of Books*. 1972. June 29.
22. Searle J.R. Chomsky's Revolution // *The New York Review of Books*. 2002. April 25.
23. Searle J.R. Chomsky's Revolution: An Exchange // *The New York Review of Books*. 2002. July 18.
24. Searle J.R. End of Revolution // *The New York Review of Books*. 2002. February 28.

H. Andersen

Jens Nørgård-Sørensen in memoriam

On 7 August 2015 Professor Jens Nørgård-Sørensen passed away after a year-long serious illness. Through his death the field of Slavic studies in Scandinavia lost one of its most prominent academic leaders. Nørgård-Sørensen had been editor-in-chief of «Scando-Slavica» since 2005, president of the Danish Slavic Association since 1997, and the Danish delegate to the International Committee for Slavic Studies, also since 1997. Since the 1990's he had been active as an organizer and coorganizer of post-graduate training seminars in Denmark and for students from the Nordic countries in Sweden (financed by NordForsk), and he served as head of the (unfortunately short-lived) Graduate School of Linguistics in Copenhagen (2005–2009). One of his last significant contributions to the advancement of post-graduate training was the establishment of an international network, supported by the Nordic Council of Ministers in cooperation with the Russian Ministry of Education and Research, aiming to advance post-graduate education through conferences and exchanges of teachers and MA and PhD students. It was negotiated in cooperation with Professor Anton Zimmerling of Institute for Modern Linguistic Research SMSUH (now Moscow State Pedagogical University).

Among Slavic linguists he was known for his many contributions on modern Russian grammar and on the history of Russian.

Nørgård-Sørensen was born on 31 July 1954. He graduated from Aarhus University in 1976 and received his MA (mag.art.) there in 1981, earning a University Gold Medal for his MA thesis¹. After several years as a research fellow and then an assistant professor, he advanced to reader (lektor) at the University of Copenhagen in 1991. He finished a doctoral dissertation and was awarded the doctorate (dr.phil.) there in 1992. In the period 2004–2009 he held an extraordinary professorship, but it took the university till 2015 to reward his merit with a permanent, full professorship. As fate would have it, he was appointed a month before his untimely death.

Nørgård-Sørensen was an exceptionally energetic and goal-directed scholar. His master's thesis was followed by research articles on definiteness, pronominalization, theme-rheme structure, and adverbial coherence markers – in part contrastive studies involving Russian, Polish and Bulgarian² – leading up to his 1992

¹ Bestemthedskategorien i russisk. Unpublished MA thesis, Aarhus Universitet.

² E.g. Semantičeskoe sodržanie kategorii opredelennosti // Scando-Slavica. 1983. № 29. P. 209–223; K voprosu o linejnoj organizacii predloženiija (na materiale russkogo, pol'skogo,

dissertation¹. A second series of studies of nominal categories and their hierarchy, the lexical categories of adjectives, pronominal categories, numerals, individuation, and the semantics of gender was concluded with his 2011 monograph², in which, among other things, he argued for the conceptual kinship of nominal animacy and verbal aspect, reflected in their parallel historical development in the Slavic languages. At the same time, in a third series of publications on diachronic topics³, he laid the groundwork for his part in the collaborative work on the theory of interrelated grammaticalization changes which he elaborated with his Danish colleagues Lars Heltoft and Lene Schøsler. Here he argued for a typological shift in Russian from the medieval Slavic case usage based on an inventory of verb-phrase constructions to the modern system in which case usage is a matter of verbal valency.⁴

The excellence of his scholarship was recognized in a series of grants from the Danish Research Council for the Humanities. Besides his research articles he wrote book reviews, edited a handful of anthologies, produced teaching compendiums, and contributed numerous articles on Slavic languages and on Slavic linguists to the Danish encyclopedia («Den Store Danske Encyklopædi»).

In addition to his role as teacher and academic advisor Nørgård-Sørensen served his university in a variety of leadership functions including two terms as department chair. He represented the University of Copenhagen as a visiting fellow in Cambridge (1994–1995) and in St. Petersburg (2010), as a speaker and discussant at numerous national and international conferences in Europe, America, and Japan, and as an invited speaker at universities in Norway, Sweden, Estonia, Germany, Russia, Japan, and the USA. He was an excellent ambassador for the Danish academy.

Jens Nørgård-Sørensen lost Merete, his wife of nearly forty years, two years ago. He is survived by their three children and five grandchildren and by a brother. He will be deeply missed by the students he taught and advised, by his colleagues, who valued his generous spirit of cooperation and good humour, and by the many friends he made in Denmark and abroad.

bolgarskogo i nemeckogo jazykov) // Studia gramatyczne. 1987. № 8. P. 155–179.

¹ Coherence theory. The case of Russian. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 63.) Berlin – New York, 1992.

² Russian nominal semantics and morphology. Bloomington, Indiana, 2011.

³ E.g. Tense, aspect and derivation in the language of the Novgorod birch bark letters // Russian Linguistics. 1997. № 21(1). P. 1–21; Vido-vremennye formy v drevnenovgorodskom dialekte v sopostavlenii s sovremennym russkim jazykom // Trudy aspektologičeskogo seminaru Filologičeskogo Fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova / M. Čertkova (ed.). V. 2. P. 83–85. M., 1997.

⁴ Heltoft L., Nørgård-Sørensen J., Schøsler L. Connecting grammaticalization // Studies in Structural and Functional Linguistics, 65. Amsterdam, 2011. P. 132–170.

Андерсен Хеннинг – Ph.D. (филология); профессор-исследователь Института славянских языков и культур (Department of Slavic Languages and Cultures), Калифорнийский университет (University of California Los Angeles), г. Лос-Анжелес, США. E-mail: andersen@ucla.edu.

Иорданская Лидия Николаевна – кандидат филологических наук; сотрудник лаборатории Смысл – Текст кафедры лингвистики (Meaning – Text Laboratory, Department of Linguistics), Монреальский университет (University of Montreal), Канада. E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca.

Коноплева Ирина Николаевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языка, Вологодский государственный университет. E-mail: irinakonopleva@yandex.ru.

Малышева Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языка, Вологодский государственный университет. E-mail: malkostol@yandex.ru.

Мельчук Игорь Александрович – кандидат филологических наук; заслуженный профессор и сотрудник лаборатории Смысл – Текст кафедры лингвистики (Meaning – Text Laboratory, Department of Linguistics), Монреальский университет (University of Montreal), Канада. E-mail: igor.melcuk@umontreal.ca.

Петренко Денис Иванович – доктор филологических наук; профессор кафедры русского языка, Ставропольский государственный педагогический институт. E-mail: textus@mail.ru.

Трубицина Мария Владимировна – магистрант программы «Общая и компьютерная лингвистика» Института современных лингвистических исследований МПГУ; директор, Институт современных лингвистических исследований, МПГУ. E-mail: jackisdead@yandex.ru.

Церковский Александр Леонидович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: adorareblr21@gmail.com.

Циммерлинг Антон Владимирович – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований, МПГУ; ведущий научный сотрудник сектора типологии и ареальной лингвистики, Институт языкознания РАН. E-mail: fagraey64@hotmail.ru.

Штайн Клара Эрновна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка Гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет. E-mail: textus@mail.ru.

L. Iordanskaja, I. Mel'čuk

Ordering of Simple Clauses in an English Complex Sentence

Several linguistic notions necessary for modeling linear order of simple clauses in complex English sentences are introduced: simple clause, complex sentence, semantic and syntactic Rheme, Theme and Specifier, syntactic and communicative autonomy of clauses. The surface-syntactic structure (in terms of dependency) and syntactic-communicative marking of complex sentences is supposed to serve as input for clause-ordering rules. Rules for the transition from the surface-syntactic and communicative structures of a complex sentence to its linear structure in terms of clauses are presented in full and illustrated in details.

Key words: english syntax, syntactic dependency, communicative structure and word order, simple clause.

S. Malysheva, I. KonoplevaMain Peculiarities of Structural Organization
of Telescoped Derivatives
in the English Substandard Vocabulary

The process of forming telescoped words in the modern English substandard vocabulary is becoming a more popular way of word formation. The analysis of theoretical works helped the authors to define the key terms. The main word-building patterns of telescoped derivatives in the English substandard vocabulary are described in detail due to the use of the method of structural analysis of forming components. These models are illustrated by a number of examples. The use of the method of quantitative counting helped to distinguish the main peculiarities of the structural organization of telescoped derivatives in the English substandard vocabulary.

Key words: substandard vocabulary, telescoped derivatives, complete telescoped words, partial telescoped words, haplological telescoped words, component, fragment, word-building pattern.

K. Stain, D. Petrenko

Language competence: from A.A. Potebnja to N. Chomsky

The article is devoted to the investigation of predictive ideas of language competence, economy of language, the minimalist program, perfection and imperfection processes in languages in works of A.A. Potebnja and his followers, correlation of A.A. Potebnja's heuristic theory with the scientific program of N. Chomsky.

Key words: A.A. Potebnja, N. Chomsky, language competence, principle of economy of language, progress in language, minimalist program, language perfection, imperfection.

A. Tserkovsky

Ideological and artistic originality
of C. Mather's literary-documentary prose

The most essential characteristics of the Early American literature are shown in the article. The poetics special features of a prominent representative of New England literature XVII–XVIII Cotton Mather (1663–1728), his art style and the problems of his literary creation are described. The article concludes that “massive” writing style of C. Mather is formed in the synthesis of various genre trends included epics, documentaries, memoirs, etc.

Key words: New England, Colonial literature, American literature of the XVII century, literary-documentary prose.

A. Zimmerling, M. Trubitsina

Dative and sentential subjects in the Russian language:
from the inner states to the general ideas

This paper discusses the status of two types of priority arguments in Modern Russian – the so called weak dative subjects with non-agreeing nominal predicatives like *xolodno*, *priyatno*, *protivno*, and sentential subjects (CPs and Ips). We argue that infinitive phrases can take the subject position only if a number of formal and communicative conditions are met, notably, if the entire infinitive phrase is topicalized, behaves as an island and blocksextractions and communicative splits. We also argue that the elimination of a weak dative subject, contrary to the claims made earlier, does not necessarily lead to the shift in the predicate semantics.

Key words: grammatical subject, priority argument, strong subjects, weak subjects, internal arguments, dative subjects, sentential subjects, zero subjects, stage-level-predicates, information structure, the Russian language.

Издание
подготовили
к печати:
редактор –
А. А. Козаренко,
корректор –
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
верстка –
М. В. Кантакузен

Rhema. Рема

Вестник Московского государственного
гуманитарного университета им. М. А. Шолохова
Серия «Филологические науки»
2015.4

Электронная версия журнала: www.mpgu.ru

Подписано в печать 24.12.2015 г.
Формат 60×90 1/16.
Объем 7,5 п. л. Тираж 100 экз.